

Необычная история
о спонтанной
любви

Она + она

Книжный червь Переводы книг
МИШЕЛЬ УОРРЕН

ОН пытается собрать жизнь по кусочкам. ОНА сбегает с собственной свадьбы. ОНИ встречаются в Сан-Франциско. Поначалу, они решают не рассказывать правду о своих жизнях, не называют даже настоящих имен. Однако, когда вместе пускаются в незапланированное путешествие по Калифорнии, им удастся наладить идеальную жизнь, ту, о которой мечтали. Они скрывают себя за грандиозными историями, остроумными подколами и двусмысленными перемигиваниями, пока не начинается их роман. Но когда на пятки наступает темное прошлое, хватит ли им смелости остаться собой и быть вместе? Он+Она — это непредсказуемый роман о переменах, побуждающих к жизни, о разбитых сердцах и надежде всё начать сначала.

Мишель Уоррен

Он+Она

Оригинальное название: Michelle Warren «He + She » 2014

Переведенное: Мишель Уоррен «Он+Она» 2016

Перевод: Вера Филимонова

Редактор и оформитель: Виктория Якименко

Обложка: Анастасия Токарева

Глава 1

Он

Шаг девять: Реабилитироваться перед людьми, которых я обидел.

Это часть программы Анонимных Алкоголиков, однако легче сказать, чем сделать. По крайней мере, когда к этому имеет отношение придурок, стоящий около двери своего сельского дома, уставившись на меня. Я тяну ручку своего Jeep, чтобы открыть дверь. Она со скрипом открывается, и я решительно выхожу в ночь. Не успеваю пройти и пяти шагов по двору, как этот мудак упирается мне в грудь. На его привычном выражении лица читается, что он хочет меня убить. А правда заключается в том, что он имеет полное право на это чувство.

— Я же сказал, она не хочет тебя видеть, — процедил он.

— Помню. — Я встречаю его пристальный взгляд, надувая грудь, словно петух на петушиных боях, и стиснув зубы говорю: — Но мне необходимо попросить у неё прощения.

Он кладет свои большие ладони на мои плечи и отталкивает. Падаю назад, пытаюсь ухватиться за боковое зеркало своего автомобиля, при этом сильно ударяюсь и оказываюсь на земле. В мгновение ока Солли Уинтерс нависает надо мной и мне едва хватает времени подготовиться к тому моменту, когда его стальной кулак вступит в контакт с моим носом.

Я не даю сдачи, так как отчаянно пытаюсь не показаться драчуном. Напротив, я не защищаюсь, просто лежу неподвижно, позволяя ему выплеснуть весь свой гнев. Я знаю, что

задолжал Солли каждый удар в челюсть, каждый удар в живот, каждую струйку крови и даже больше. Я приехал сюда не для стычки, но был готов к не слишком теплому и радушному приему. Так было и в предыдущие два раза, когда я пытался перед ней извиниться, узнав, что она вернулась домой. Однако мне надо с этим, наконец, покончить: попросить у неё прощения и убраться из города, чтобы дальше жить своей жизнью. Мне нечего здесь делать, после моего поступка. Я всё разрушил.

Эти слова проносятся в моей голове, пока Солли избивает меня в последний раз. Затем он берёт меня за рубашку, ставит моё пошатывающееся тело на ноги и через открытую дверь запихивает в машину.

— Если ты не уедешь через пять грёбаных секунд, я вызову полицию! — Лёгкий южный акцент Солли становится заметным, когда он в ярости. Ногой мужчина захлопывает дверь, и я растягиваюсь на переднем сиденье, представляя собой побитое и кровавое месиво.

В жёлтом свете передних фар я вижу, как навстречу к нему бежит жена и, несмотря на хрупкое телосложение, силой ведёт его к дому, где неистово лают собаки. Перед тем как скрыться в доме, она, как и прежде, бросает на меня извиняющийся взгляд. Именно тогда я замечаю силуэт в освещённом окне комнаты сверху.

Несмотря на его предупреждение, сижу на водительском сиденье, сжав руль и наклонившись вперёд, чтобы лучше рассмотреть. Быть может, в этом окне она. Прямо оттуда наблюдает, как кровь из моей разбитой головы окрасила двор в красный цвет. Если она всё видела, то может это зрелище сделает её счастливее. Хотя на её месте я был бы счастлив, только после моей смерти.

И когда силуэт исчез, удалившись в комнату, я, несмотря на то, что моё лицо было похоже на гниющую тыкву, расколотую на дороге, осознал одну вещь. Я немного поразмыслил о советчике, который убедил меня не возвращаться в третий раз за третьей взбучкой. «Ты сделал всё, что мог», — вбивала в мою голову миссис Манкин во время нашего последнего сеанса. Действительно, так и есть, всё, кроме преследования, но я не позволю себе этого. Мне не нужно больше проблем, чем я уже имею.

Стучу ладонями по приборной панели. Нащупав ключ, вставляю его в замок зажигания, завожу машину и газую. Включив задний ход, выезжаю с пыльной подъездной дороги, при этом едва увернувшись от проржавевшего почтового ящика, прежде чем умчаться прочь. Если я не уберусь отсюда как можно скорее, то этот мудака точно натравит копов на мой зад.

Глава 2

Она

Этот день должен был стать одним из лучших дней в моей жизни — днём, который я никогда не забуду.

Хотя, если подумать, то так и вышло. Я никогда его не забуду по всем причинам, из-за которых мы испытываем внутреннюю боль, которые вызывают в нас желание всё бросить или свернуться как листок оригами, становясь всё меньше и меньше при каждом сгибе, пока не превратишься в микроскопическую точку. И именно поэтому в моей душе есть единственное решение, в котором я абсолютно уверена — я должна уехать. Прямо сейчас.

Стеклянные двери разъезжаются, и я на ватных ногах с пустым желудком от слёз, выплаканных на заднем сиденье такси, вхожу внутрь. Пробираюсь к концу извилистой

очереди. На лицах людей появляются улыбки, когда они украдкой смотрят на моё длинное белое платье и чересчур длинный шлейф. Как только их взгляды, выражающие все наилучшие пожелания, устремляются ко мне, они тут же отводят глаза: в них заметна некая доля вины. Если честно, то я их в этом не осуждаю.

— Вы можете пройти передо мной. — Дрожит голос пожилого мужчины, когда он мне жестикулирует, переминаясь с ноги на ногу. Могу сказать, что он старается не смотреть на меня в упор, однако видя черную тушь, которая стекает по щекам и смешивается с пудрой, красной помадой, персиковыми румянами, и так ясно, что выгляжу я ужасно.

Пробираюсь к стойке регистрации, так как люди, стоящие в очереди, последовательно пропускают меня вперед.

— Я могу Вам помочь? — Приветствует меня неуверенной улыбкой представитель авиакомпании.

— Надеюсь, что да. — Ставлю сумочку на стойку, расстёгиваю молнию и принимаюсь копошиться в её содержимом, не прерывая разговор. — Мне нужен билет на ближайший самолёт.

Краем глаза замечаю паузу в её действиях: она не печатает, не бросается мне на помощь. Тогда я поднимаю на неё свой взгляд. Женщина поджала губы, словно не поверила мне.

— Seriously, я не шучу. — Наверняка, под таким ракурсом, мои черные круги под глазами, кажутся еще страшнее.

Тяжело вздохнув, она кивает и, смерив меня оценивающим взглядом, принимается стучать по клавиатуре своими ярко накрашенными ногтями.

— Похоже, первый самолёт, на который Вы можете успеть, если поторопитесь, вылетает в Сан-Франциско.

— Звучит здорово, — отвечаю я, нахмутив брови. В том, что именно этот пункт назначения оказался первым в списке, заключалась определённая ирония, которая была словно пощёчина. Стараясь не думать о боли, я протягиваю девушке кредитную карту и удостоверение личности.

— С Вас 627\$ с налогами и сборами, — добавляет она, словно это может что-то изменить. Возможно, пару лет назад, но не в этот ужасный день.

Пододвигаю свою карту ближе к ней. Она берёт её с неохотой, поглядывая на меня поверх оправы очков. Возможно, таким же взглядом она одаривает своих детей, когда те ей хамят.

— Багаж будет? — Её взгляд сканирует пол позади меня.

На этом вопросе я громко и слишком неприятно смеюсь, находясь на грани сумасшествия от постоянной бессонницы. На самом деле мой багаж настолько огромен, что всё, чего я хочу, не брать его с собой.

— Будем считать, что нет, — приподняв седеющую бровь, она продолжила печатать.

Я уж было подумала, что практически все формальности улажены, и Мэриленд остался в прошлом, как вдруг она поднимается на цыпочки и выглядывает из-за широкой стойки, разделяющей нас.

— Однако из-за размеров Вашего платья, дорогая, Вам понадобится два места.

— Не может быть! — От расстройства я бью по стойке ладонью. Вижу, что она говорит на полном серьёзе, но, ради Бога, надеюсь, мне показалось.

— Извините, но в этом наряде Вы ни за что не поместитесь в одном кресле. — Она

машет рукой в воздухе. — Разве что, у Вас есть во что переодеться?

— Нет, — отвечаю я уныло. — Нету. — Опускаю глаза на свое прекрасное свадебное платье. У него нет того символического значения, которое должно быть, и не было с того момента, когда я влезла в это кружево и шелк ранее. На самом деле этот глупый белый кекс представляет всё, чего у меня никогда не будет. По меньшей мере не с тем человеком, с которым предполагалось.

Я хмурюсь при мысли о том, что должна сделать, и достаю из сумки ручку. Используя её в качестве импровизированного ножа, продёлю дырку в верхнем слое жаккардовой ткани, через которую можно просунуть палец. Ухватившись покрепче, избавляюсь от длинной юбки, отрывая её ко всем чертям с чувством негодования и грусти, которые закипают во мне. Стиснув зубы, сдерживаю подступившие слёзы. Если сейчас снова сломаюсь, то мне не дадут сесть на самолёт.

Люди вокруг потрясенно вздыхают и о чём-то перешептываются. «Что она делает? Это платье, должно быть, стоит целое состояние», — говорят они. Во всей этой суматохе, к нам неторопливо подходит охранник. Он стоит неподалеку, но, насколько я знаю, безумным девушкам в аэропорту не запрещено выбрасывать в помойку собственное свадебное платье.

Когда я закончила, юбка была похожа скорее на длинную кривую балетную пачку, нежели на вещь, подходящую для дефиле в церкви. Вера Вонг (*Vera Wang — американский модельер свадебных платьев) была бы в ужасе. Перешагиваю лишнюю ткань и откидываю её в сторону сапогом. Какое счастье, что мне хватило здравого смысла надеть их, вместо тех глупых туфель на высоком каблуке, что мама Брена присмотрела для меня.

«Брен», — шёпотом произношу его имя и прикусываю губу. В моих глазах стоит его великолепная ослепительная улыбка. Я жила ради нее.

Каким-то образом, вследствие моего несносного поведения, сотрудница авиакомпании прекращает пудрить мне мозги насчёт второго места и заканчивает с печатью моего билета. Протягивает его мне вместе с кредитной картой и удостоверением личности.

— Ваши ворота на выход B62. И лучше Вам поторопиться.

Глава 3

Он

С покрасневшимся лицом и отдышкой после бега, она входит в тесный салон самолёта. То есть, я могу только догадываться, что она бежала. Судя по следам высохшей туши на розовых щеках и искромсанному свадебному платью, можно сделать вывод, что она сбежала с важного события в её жизни. Она не смотрит на меня, протискиваясь мимо моего сиденья дальше по проходу. Полностью абстрагировавшись, она, словно зомби, медленно следует за другим пассажиром.

— Бедняжка, — наклонившись, говорит пожилая женщина, сидящая рядом со мной. Кладёт ладонь мне на руку, словно готовясь шёпотом поделиться очередной сплетней. — Устроила сцену возле стойки регистрации, когда её пытались не пустить на самолёт. Понятное дело, её внешний вид может вызвать беспокойство. Похоже, кто-то её действительно задолбал.

Я смеюсь над словом «задолбал», исходящим из уст этой миниатюрной пожилой дамы. Она бегло бросает взгляд на моё лицо с кровоподтеками.

— Ваш вид говорит, что Вы могли бы быть женихом!

Шлёпает меня по руке, словно только что разгадала загадку.

— Нет, боюсь, что нет.

Я тру скулу, всё ещё саднящую от Солли Уинтерса, избившего меня на прошлой неделе.

— Если бы мне повезло иметь такую девушку, — киваю я в сторону невесты, — я бы ни за что не позволил ей сбежать из-под венца.

Даже под испорченным макияжем нетрудно заметить, что девушка очень красива. Густые волосы, пухлые персиковые губы и нежный округлый изгиб её тела говорят о том, что она молода, на вид лет двадцать. Не в состоянии отвести взгляд, я смотрю, как она движется в сторону последнего ряда. В итоге она занимает место между двумя крупными мужчинами. Её изящное тело теряется в пространстве между ними, и вдруг девушка делает кое-что неожиданное. Несмотря на свой хреновый день, она одаривает каждого из соседей искренней улыбкой.

Моё тело затрепетало. Мне бы столько оптимизма в ужасные дни. А их было так много. Чистота этого момента вызывает желание взять мой фотоаппарат Canon и запечатлеть эту неподдельную улыбку сбежавшей невесты. Я уже было решился вскочить и достать его с багажной полки сверху, однако, обернувшись, увидел, что момент упущен. Она откинула голову назад и закрыла глаза.

Я усталился перед собой, пытаюсь сосредоточиться на вещах, о которых должен сейчас думать: моё предстоящее собеседование. Новая работа в Сан-Франциско может стать новым стартом. И когда я не слишком нервничаю, то постоянно прокручиваю в голове ответы на вопросы, которые мне могут задать. Ничего не могу с собой поделаться. Я ещё никогда в жизни так не нуждался в работе, как сейчас. Никогда так сильно не хотелось сбежать. Возможно, у нас с невестой было что-то общее.

После того как самолёт взлетел, дама по соседству уткнулась в кроссворд. Кажется, она ответила только на два вопроса, прежде чем уснуть, опустив голову на моё плечо и тихонько похрапывая мне на ухо в течение всего полета. Я не возражал, так как она напоминала мою умершую бабушку.

Сейчас эта женщина была для меня святой. По крайней мере я знаю, что она простила бы мне то, что не смогли простить родители и сестры. Конечно, она треснула бы меня по голове, заставила читать Аве Марию, пока не отвалится язык, отправила на лечение в реабилитационный центр, пока я полностью не разрушил свою жизнь. Даже испытывая ко мне такую суровую любовь, она никогда бы не отреклась от меня. Несмотря на то, как ужасно всё обернулось, она никогда не возложила на меня ответственность за смерть Бет. Если бы только бабушка была жива, возможно всё было бы по-другому. Если бы только Бет была жива, всё было бы по-другому. Но это не так, и моё сердце разбито. Поэтому я уезжаю, оставив позади всех, кого люблю.

• • •

Спустя пять часов самолёт приземляется. Я прохожу через здание аэропорта, забираю сумку, встаю первым на эскалатор и оказываюсь около офисов проката автомобилей. Продвигаясь в толпе людей, захожу внутрь и встаю в очередь к «Аренде надежных машин» (ReliableCarRental).

В этот момент снова вижу сбежавшую невесту. Она передо мной. Каким-то образом она

опередила меня, несмотря на то, что была в хвосте самолета. В голове появляется возможный ответ. У неё нет багажа, за исключением сумочки, перекинутой через плечо. Юбка платья была неравномерной: сзади короче, чем спереди, открывая красивые ноги. Пока я ей любовался, она двинулась вперед, когда её жестом подозвал сотрудник фирмы.

Поначалу я старался не слушать их разговор, однако это практически невозможно, когда тон девушки повышается с каждым новым предложением. Отрываюсь от просмотра дурацкой новостной ленты на Facebook, где друзья выкладывают фотографии своих детей, одетых в костюмы подсолнухов, домашних животных с рукописными надписями, гласящими «Я напИсал папочке в ботинок» и множество фотографий еды, особенно бекона. Поднимаю глаза и вижу, что девушка, полностью перегнувшись через стойку, забрала серебряный гнувшийся микрофон у сотрудника компании и поднесла к своему рту. Она стучит по нему три раза, прежде чем начать говорить. Послышалось громкое гудение.

— Внимание, внимание всем компаниям, сдающим автомобили в аренду.

Её мелодичный озорной голос разносится по огромному помещению через динамики, так что все пассажиры и сотрудники, сдающие машины в аренду, прекращают разговор и поворачивают головы.

— Отлично, спасибо, — продолжает она неуверенно. — Может ли кто-нибудь здесь дать мне напрокат что-то покруче, чем мамочкин седан или минивэн для похищения людей? Может, что-нибудь классическое и милое? — Она смотрит вокруг в ожидании ответа.

Я не могу сдержать улыбку. Она безумно милая или безумно безрассудная; даже точно не знаю, что из двух. В любом случае, я заинтригован и не могу отвести взгляд.

К моему удивлению и, возможно, чьему-то ещё, в конце зала машет мужчина, привлекая её внимание. Прищуриваюсь, чтобы прочитать вывеску: «Аренда классических автомобилей» (CLASSICAUTORENTALS).

— Класс! Всем спасибо.

Микрофон скрипит, когда она возвращает его за стойку, ставя перед служащим. Потом разворачивается, чтобы выйти из очереди, явно отдавая себе отчет в том, что весь зал уставился на неё.

Когда она проходит мимо меня, наши взгляды встречаются на долю секунды. Её изумрудно-зелёные глаза пылают решимостью. Пухлые губы снова изогнуты в улыбке, как было в самолете, только без потекшего макияжа. На этот раз её улыбка особенная, предназначенная только для меня: сияющая, граничащая с глубоко посаженным шрамом на скуле, по форме напоминающим длинный крючок.

Девушка с важным видом идёт дальше, её пачка и волосы подпрыгивают при каждом шаге, напоминая потрёпанную фарфоровую куклу с потрескавшимся лицом и ногами. Кто-то очень сильно её любил, или худший вариант — оскорбил её. И ради её же блага, надеюсь, что это было первое.

Глава 4

Она

Проскользнув на водительское сиденье отреставрированного итальянского кабриолета Fiat, я улыбаюсь. Одна рука держит руль, пока другая вставляет ключ в замок зажигания. Завожу машину и осознаю, как долго я не оставалась одна и не имела возможности поехать,

куда мне вздумается. Звук работающего двигателя — моя вторая победа. Первой было решение уехать.

Смотрю назад и по сторонам, прежде чем вырулить с парковки. Когда машина трогается, ставлю ногу на педаль газа и даю себе одно обещание: это новый этап, где я больше не буду с ненавистью вспоминать прошлое, постараюсь запомнить только счастливые моменты, которые были у меня и будут снова. Немного оптимизма не помешает, ведь новое место меня обнадеживает.

Я мчусь с опущенной крышей по автостраде 101, направляясь на север. Спустя 20 минут за волнистыми холмами на горизонте появляется линия зданий Сан-Франциско, которой знаменит этот город. Он так же прекрасен, как и в моих мечтах, но вживую выглядит намного красивее, чем на любой фотографии, которую я когда-либо видела.

Под звуки клаксонов в потоке лавирующих машин в последнюю минуту решаюсь съехать с шоссе и направиться в хаос деловой части города. Я не планировала останавливаться в городе, для меня логичным было путешествие на автомобиле. Но теперь, когда я здесь, не могу отказаться от идеи поближе познакомиться с Сан-Франциско. Объехав множество улиц, наконец, вижу неоновую желто-оранжевую ретро-вывеску отеля напротив Ворот Китайского квартала. Маневрируя в плотном потоке, быстро паркуюсь.

Парковщик открывает мою дверь со словами: «Добро пожаловать в Брайтон Отель». Несмотря на мой внешний вид, парень протягивает мне парковочный талон, хотя я на 50 процентов была уверена, что он попросит меня уехать.

Портье приветливо мне машет, а внутри уже встречает администратор.

— Хотите заселиться сегодня, мисс?

Никто не обращает внимания на мой наряд. Это было облегчением. Хотя я и не была раньше застенчивой, но с момента приземления самолета постоянно смущалась.

— Да, — киваю в знак согласия.

Следую за администратором к стойке, в то время как он спрашивает:

— Могу я узнать, на кого забронирован номер?

— У меня нет брони.

— Это не проблема, у нас есть несколько свободных номеров. Сколько ночей Вы планируете провести у нас и сколько с Вами человек?

Неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Я одна.

Замолкаю, осознавая, что впервые путешествую одна и без Брена. Мне хочется оказаться в этом месте и просто думать о нем. Мы мечтали о поездке в Сан-Франциско — одно из топовых желаний в нашем списке; и теперь я наконец-то оказалась здесь, правда при худших обстоятельствах.

Мужчина прочищает горло, и я стираю картинку с красивым лицом Брена из головы. Пытаясь обуздать свои эмоции, отвечаю:

— Мне бы хотелось номер для некурящих с огромной кроватью на три ночи, пожалуйста.

— У нас как раз есть такой номер.

— Прекрасно.

Я кладу на стойку кредитную карту и удостоверение личности.

— Великолепно.

Он берет карту и продолжает регистрацию.

— На крыше есть бассейн, а в 5 часов каждый вечер мы подаем бесплатное печенье в лобби. Вы также можете бесплатно арендовать велосипед.

Он указывает на пару прогулочных велосипедов напротив главного входа.

— Ваш номер 616.

Протягивает ключ-карту от моего номера.

— Можем ли мы Вам помочь с багажом? — спрашивает он.

Я забираю ключ, кредитную карту и затем отступаю назад.

— Нет, спасибо. Я не брала с собой багаж.

Он с любопытством смотрит на меня, но прежде чем успевает задать вопрос, я запрыгиваю в лифт.

Мой просторный номер находится на шестом этаже. Верхняя часть обоев заклеена страницами известных романов. Нижняя — окрашена в приглушенный цвет зеленого яблока. Без промедления подхожу к окнам и отдергиваю занавески, проверяя вид на Ворота Китайского квартала. Затем поворачиваюсь к кровати с лакированным бледно-жёлтым изголовьем и обессилено падаю на матрас.

Дома, в Балтиморе, уже прошло время обеда. И если бы всё шло по плану, то я уже была замужем, ела Чесапикского фаршированного цыпленка на собственном роскошном банкете в Бельведер Отеле, пила игристое шампанское и танцевала брейк-данс с любимым под паршивую музыку для свадебных приемов, прославляющую всяких цыпочек.

Однако здесь едва перевалило за час дня, и всё, на чём удастся сосредоточиться — пустота в душе. К унынию, гневу, сожалению и вине за трагедию, происходящую со мной наяву, можно добавить любое подобное сочетание слов, чтобы описать мою жизнь. В желудке урчит; скрещиваю руки на груди, поворачиваюсь на бок, ложась в позе эмбриона, и тихонько плачу в подушку.

Множество мыслей проносятся в голове, смешиваются в кучу и всё дальше отрывают меня от реальности. Чувствую, как дрожь проходит по телу, словно волна, готовая поглотить с головой. Быстро хватаю сумочку, расстегиваю и вываливаю перед собой её содержимое. Я не смотрю на созданный беспорядок, всё становится безразличным, когда вижу светло-коричневую баночку с таблетками, которая катится ко мне. Я нуждаюсь в этом злосчастном пузырьке. Ненавижу себя за то, что так пристрастилась к нему, но его содержимое спасет меня. В нем находится смесь таблеток, способных вылечить тревогу, бессонницу и прочие вещи, которые привели меня сюда. Хватаю пузырек и быстро откручиваю крышку, словно наркоман, устремляясь в ванную за стаканом воды. Когда оказываюсь там, то похожа на дерганную идиотку, которую ломает в ожидании кайфа от принятых таблеток.

Каким-то образом белые таблетки заставляют боль отступить, что является впечатляющим достижением, если сравнить размер моих проблем с размером таблетки. Едва стоя на ногах, глотаю одну, закрываю глаза и пачусь от раковины, пока не касаюсь стены спиной. Когда снова открываю глаза, вижу своё отражение в зеркале: разбитая, напряженная деваха в разодранном свадебном платье, которая не в силах собрать всё свое дерьмо в кучу, упавшая на самое дно, с единственным желанием — выбраться из этой ямы и снова стать счастливой.

Возвращаясь в кровать, заползаю под одеяло и плачу, ожидая действия лекарства. Как только оно подействовало, я засыпаю, впервые за эти дни.

...

Просыпаюсь через несколько часов, чувствуя себя намного лучше, чем ожидала. Белая таблетка не прогоняет всё плохое из моей жизни, она просто позволяет мне не переживать из-за того, что случилось. Теоретически, это здорово, до того момента, пока ты вновь не захочешь ощутить чувство нирваны, что я и делаю. И речь не только о боли. Я люблю лекарства за их эффект, и ненавижу за то, что они забирают у меня. Мне нужно принимать их регулярно, но я больше не хочу продолжать. Больше всего на свете хочу освободиться от них и всего, что за ними следует.

Взглянув на прикроватную тумбочку, замечаю тарелку с конфетами. Они и раньше здесь были? Какая разница. Вновь накатывает приступ голода. Беру тарелку и ставлю её на живот. «Примите, пожалуйста, этот сладкий комплимент. Подпись, Брайтон Отель», — сидя с конфетами, читаю карточку, затем отбрасываю её в сторону.

Откусываю первый кусочек. Когда желудок сводит болезненными спазмами, понимаю, что не могу вспомнить, когда ела в последний раз. До настоящего момента я не придавала этому значения. Даю себе 10 минут, чтобы полежать и расслабиться, потому что следующее, что я должна сделать в этом приключении — перестать хандрить и купить новую одежду.

Покинув отель, я не отправляюсь напрямик в универмаг. Вместо этого, перехожу улицу и прохожу через Ворота Китайского квартала. Он заманчивее и загадочнее. Когда вхожу на его территорию, то погружаюсь в океан архитектурной пагоды, иностранных вывесок и праздничных красных фонарей, которые раскачиваются из стороны в сторону надо мной.

Я двигаюсь зигзагами от одного магазинчика к другому, покупая бесполезные импортные товары: пару атласных тапочек с вышивкой, браслеты из бисера, кошелек для монет и большую упаковку Twizzlers. В другое время я бы не позволила себе этих вещей, так как была ответственной, поступала правильно и копила деньги на будущее.

** Twizzlers — популярная в США марка конфет с фруктовым вкусом.*

В жопу будущее! За эти два года я осознала одну простую истину: жить нужно настоящим моментом. Ты не можешь строить планы на будущее. Ты ничего не можешь запланировать на будущее, когда жизнь каждый день строит против тебя заговор. Тебе остается только жить. Здесь и сейчас.

В одном из магазинов продается то, что я считаю настоящей одеждой. Примеряю две пары джинсов, несколько футболок, хвастающихся своей любовью или потерей ума от Сан-Франциско, наравне с некоторыми другими предметами первой необходимости. Надеваю каждую из них, затем из-за занавески своей импровизированной примерочной протягиваю владелице магазина испорченное свадебное платье и прошу выбросить его в помойку. Больше никогда не хочу его видеть.

Она без комментариев всё выполняет и ждёт меня у кассы. Там я не могу устоять перед набором трусиков «неделька» (прим. пер. — 7 пар трусов с названием дней недели) и мини набора гигиенических принадлежностей туриста. Всё это вмещается в рюкзак, который я нахожу на другой полке.

Расплатившись, выхожу из магазина и начинаю исследовать город. После долгой прогулки, попадаю на пляж, с которого открывается вид на мост «Золотые Ворота». Именно из-за него я прошла весь этот путь, возможно из-за него я и пустилась в это путешествие. Кто знает, почему из всех мест я оказалась именно в Сан-Франциско, однако на это должны

быть причины. Возможно, здесь я найду недостающие кусочки пазла жизни и разума, а затем двинусь дальше.

В конце дня усаживаюсь на неровный бетонный блок, чтобы съесть кусочек ароматного хлеба, который по пути купила в милой пекарне. Солнце загорается вдалеке ярким золотым пламенем, превращая мост в светло-коричневый силуэт, вода бьется о скалистый берег, чайки парят по ветру, развевающему мои волосы, и я чувствую надежду. Настоящую надежду. Мне просто надо помнить, что всё дерьмо, происходящее со мной, находится внутри неподвижного пузыря, в котором я живу. Снаружи, за границами этой переливающейся сферы, мир вполне приемлем. Люди счастливы, они смеются и живут в любви. Надеюсь, однажды у меня тоже будет всё это. До тех пор, пока я проживаю каждый момент и сосредотачиваюсь только на значимых вещах, я знаю, что жизнь снова может стать прекрасной.

Глава 5

Он

Я направился в близлежащий парк Маленькая Италия, после собеседования, которое провалил, а может и нет. Я уверенно представлял своё резюме работодателям, однако вопрос о том, почему пересек всю страну и переехал в Сан-Франциско, заставил меня застыть, вспоминая причины побега. Мне удалось обойти эту неприятную ситуацию и начать восторженно говорить о работе, но уверен, в моих глазах они увидели печаль, с которой я покинул дом. Время от времени создается такое впечатление, что прошлое отпечаталось на моем лице, и каждый может в него заглянуть.

Несмотря на то, что на мне костюм, усаживаюсь на грязную скамейку в парке, недалеко от большой белой часовни. Погода сегодня великолепная, на голубом небе ни облачка. Несколько человек растянулись на траве, впитывая в себя солнечное тепло, хотя сейчас рабочий день и на часах половина двенадцатого. Единственное, о чем я думаю — как мне не хочется возвращаться домой в Балтимор. Необходимо найти способ остаться здесь, однако без работы, стоимость жизни в Сан-Франциско запредельно высока, если только я не присоединюсь к хиппи на Хейт-Эшбери и не посвящу свою жизнь уличному пению и курению травы.

Раздумывая над этим вполне осуществимым вариантом, расслабляю и оттягиваю узел галстука. И вдруг машины, стоящие перед красным сигналом светофора на соседней улице, начинают сигналить. Глазами нахожу причину недовольства и сочувствую им. Не менее двадцати абсолютно голых парней раскатывают на велосипедах по парку. Сначала они демонстрируют свою наготу на дороге, катаясь среди машин и по площади, затем перемещаются на парковые дорожки, где их неуместный вид можно рассмотреть получше. Только в этом городе люди аплодируют хиппи и приветствуют их как героев.

Хоть я и стараюсь на них не глазеть, мой взгляд останавливается на одном человеке в конце группы, единственной девушке, достаточно смелой, чтобы отважиться ехать с ними — сбежавшая невеста в лифчике и трусиках цвета лайма. Я узнал бы её растрепанные темные волосы где угодно.

Шокированный тем, что снова её увидел, не могу оторвать взгляд, пока она приближается ко мне. Наши глаза встречаются, и я улыбаюсь. Это простой жест, однако во

мне что-то неожиданно всколыхнулось. Она едет медленнее, держа курс в мою сторону, и останавливается рядом.

— Привет, — говорит, словно мы знакомы друг с другом.

— Привет.

Я стою, наблюдая за тем, как она борется с велосипедом, который явно слишком большой для неё.

— Каждый раз, когда я тебя вижу, ты одета во что-то абсолютно непредсказуемое.

— Сколько раз ты меня видел?

Девушка слезает с велосипеда и отставляет его в сторону. Она не чувствует дискомфорта из-за своего практически голого тела, и у неё есть на это причины. Каждый изгиб — само совершенство.

— Три раза.

— Три раза!

Она наклоняется и копается в своем рюкзаке, а я вижу, что на её трусиках сзади написано «СРЕДА». Эта девушка заставляет меня улыбаться, что кажется приятной переменной в жизни, после той драмы, которую мне довелось пережить.

— Да, но думаю, что этот наряд лучший, — признаюсь, бесстыдно разглядывая её, пока она этого не видит. И тогда я замечаю длинный шрам на внутренней стороне её ноги, поднимающийся от коленки до бедра.

Надев майку, она оборачивается и, кажется, замечает мой взгляд, затем быстро пожимает плечами.

— Мне кажется, на тебе не те трусики.

Я указываю на великолепную округлость её попы.

Она смотрит через плечо на доказательство, приподняв ягодицы.

— Я купила бракованную упаковку нижнего белья: там было две «среды» и ни одного «понедельника». Представляешь?!

Натягивает обрезанные джинсы, застегивает их и садится по-турецки рядом со мной.

— Ты кажешься мне знакомым. Мы где-то встречались?

— Нет, я ...

— Подожди. Не называй своё имя.

Она прерывает меня, положив свой палец на мои губы.

— Скажи мне имя, которым всегда хотел, чтобы тебя называли.

Мои глаза расширяются от её фразы, и я вижу, как она медленно убирает палец от моего рта, как будто убери она его слишком быстро, мое настоящее имя случайно сорвалось с уст. Она точно сумасшедшая. Замираю на секунду, раздумывая над тем, действительно ли хочу продолжать этот разговор. Кто спрашивает ненастоящее имя? Неловко поворачиваюсь и блуждаю взглядом по парку, надеясь, что кто-нибудь придет мне на помощь, может голые велосипедисты? Нет, похоже, в этот раз я сам за себя. И делаю то, что у меня получается лучше всего: уклоняюсь от ответа.

— Ладно, назови имя, которое ты всегда хотела для себя.

— Это легко. Ши. По крайней мере, я выбрала его для себя на этой неделе. На следующей, возможно, будет другое.

Она меняет позу, прижимая колено к груди.

— Так, теперь ты.

Она наклоняет голову.

— Хорошо...

Я смотрю вверх и усиленно думаю, что ответить, так как для нее это важно. И хоть я и далек от своей зоны комфорта, отвечаю, только потому, что мне интересно узнать, что же будет дальше.

— Мне всегда безумно нравилось имя Хьюитт. Произносится х-ь-ю-и-т-т.

— Как марка компьютера?

Она смеётся.

— Да, кажется так. Но какое твоё настоящее имя?

— Просто зови меня Ши, а я буду звать тебя Хью. Ты похож на Хью.

— Что привело тебя в Сан-Франциско, Ши?

Вопрос вырывается изо рта, прежде чем я осознаю, что эта тема может быть опасной территорией. Так как я видел её в самолете, то, конечно, предполагаю, что она сбежала сюда, однако, не исключено, что она может здесь жить.

Ши кладёт подбородок на коленку, тщательно подбирая слова.

— Давай просто скажем, что я здесь с целью личностного развития. А ты?

Она достаёт упаковку Twizzlers из рюкзака и предлагает мне. Качаю головой.

— Что-то вроде того же. Я здесь из-за собеседования.

Указываю на свой костюм.

— И как прошло?

Она откусывает конфету.

— Честно говоря, я не уверен. Итог может быть любым.

— Дай угадаю, кем ты работаешь.

Она осматривает меня, анализируя каждую деталь, словно кожа на щеке или узор на галстуке, смогут дать точный ответ.

— На тебе костюм, значит, ты определенно принадлежишь к деловым кругам, но...

Она оттягивает мой воротник и проводит пальцами по шее, вызывая неожиданный поток тепла, который разливается по груди и заставляет меня заерзать на месте.

— У тебя из-под рубашки видна татуировка, а твои волосы похожи на ...

Она замолкает.

— Похожи на что?

— Нет, нет, такой симпатичный начёс.

Она смеётся.

— К тому же все модники, ну типа...

Она делает волнообразное движение своим Twizzler и говорит:

— Итак, ты модный деловой парень. Это означает, что ты архитектор или что-то вроде того.

Напрягаюсь, на мгновение мое сознание застывает. Нахожусь в полном шоке и не могу произнести ни слова. Эта девушка, с которой я раньше никогда не встречался, с кучей странностей, угадала абсолютно верно. Приняв свой самый непроницаемый вид, что означает затаить дыхание за суровой маской, я вступаю в спор.

— Или что-то вроде того, — удастся ответить мне.

Пытаюсь собраться.

— Интересное наблюдение. Но если ты не хочешь знать моего настоящего имени, то, возможно, и не хочешь знать, права ли по поводу профессии.

Ши одаривает меня ослепительной улыбкой.

— Я почти уверена в своей правоте. Я, как одна из тех людей на ярмарке, которые могут угадать дату твоего рождения, вес и рост, но ещё я специализируюсь на профессиях.

— Значит ты ярмарочная гадалка-экстрасенс? — смеюсь я.

— Возможно, на этой неделе.

Она встаёт.

— Ты голоден? Не хочешь пообедать?

Глава 6

Она

Хью одаривает меня стеснительной кривоватой улыбкой, когда я приглашаю его на обед. В его карих глазах я уже вижу отрицательный ответ. Но стоит ли его за это винить? Если уж на то пошло, то он, скорее всего, видел меня в платье Брайдзиллы (прим. пер. — англ. bride невеста, Godzilla — динозавр-мутант из японского фильма), а сейчас я вообще полуголая, в трусах «неделька» катаюсь по городу на велосипеде с группой сморщенных стариков — хиппи-нудистов, тех, кому за семьдесят.

— Клянусь, я не сумасшедшая, — добавляю, чтобы приглашение стало более заманчивым.

Он смеряет меня оценивающим взглядом.

— Разве не так говорят сумасшедшие, чтобы убедить других в обратном?

— Конечно. Ну...мне так говорили, но я не безумнее любого в этом городе.

Указываю на голых велосипедистов в парке, которые устроили пикник на траве, развалив свои прелести на солнышке для всеобщего обозрения.

— Мы будем обедать с ними?

Он кивает головой в их направлении.

— Если только ты захочешь.

Выражение его лица вызывает у меня смех. Бедный парень выглядит крайне огорченным.

— На самом деле я слышала, что на Коламбус Авеню есть великолепный итальянский магазинчик.

В ожидании ответа поднимаю велосипед за руль.

— Но ты меня едва знаешь.

— Мы все незнакомцы, пока не познакомимся. Правильно? Вдобавок, ты сказал, что видел меня три раза, а я тебя, по крайней мере, один, хоть и не могу вспомнить где. По моему, сама судьба говорит нам пообедать вместе.

Я так буднично говорю об этом, надеясь, что ход моих мыслей будет понятен.

После минутного размышления он, наконец, говорит:

— Ладно, раз уж ты так говоришь об этом, то как я могу отказать судьбе?

— Правильное решение, потому что она может вести себя, как настоящая сука. Поверь мне.

Пока я везу велосипед через парк, Хью идет рядом со мной. Он развязывает галстук, аккуратно скручивает его и засовывает в пиджак, затем расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, демонстрируя ещё один дюйм своей татуировки. Она одноцветная и геометрическая, и меня так и подмывает потянуться и дотронуться до неё, как люди

дотрагиваются до животов беременных женщин. Но я так не делаю из-за страха, что в итоге он убежит в противоположном направлении.

Пока мы идем, я очарована тем, как подпрыгивают его темные волосы, которые сейчас ему каким-то образом удалось уложить в идеальную прическу. У него сильный мужской профиль с отличительной особенностью: горбинкой на носу, как у мужчин на бюстах времен Римской Империи. Его можно было бы принять за итальянца, благодаря загорелому телу.

— Ты всегда приглашаешь незнакомцев на обед? — он снимает пиджак и перекидывает его через руку, затем смотрит на меня выразительными темными глазами.

— Только симпатичных, — поднимаю глаза и игриво хлопаю ресницами.

— То есть это пикап?

Его губы складываются в ещё одной кривой улыбке, однако на этот раз более уверенной.

— Нет! — быстро отвечаю я и тут же чувствую, как горячий румянец заливает щеки. Он симпатичный и очень даже сексуальный. В этом нет никаких сомнений. — Я имею в виду, конечно нет.

Покусываю губу, потому что это правда, и надеюсь, что он меня правильно понял.

— Всё нормально? Мне жаль, но правда в том, что я одна, и, кажется, ты тоже одинок. От тебя идет эта энергетика, ты ведь один?

— Энергетика одиночества? — с притворным ужасом он смотрит на меня.

Быстрый отрывистый звук моего искреннего смеха срывается с губ. Это хорошее изменение, по сравнению с теми днями, которые я провела в слезах.

— Прости.

— Ну ладно, так уж и быть. По факту то я один. Я думал, что несколько дней после собеседования буду наслаждаться городом, возможно, покатаюсь по окрестностям, присмотрю место, где мог бы поселиться, если получу работу. Но по правде, я здесь никого не знаю.

— Ну, теперь ты знаешь меня.

Мы доходим до верхней точки первого холма, который ведет к сердцу района Маленькая Италия, и Хью предлагает повезти мой велосипед.

— Итак, чем ты в действительности зарабатываешь на жизнь, Ши?

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Кем ты работаешь?

— Ну, по твоим словам, я ярмарочная гадалка, — объявляю я.

— Правила запрещают мне знать твою профессию?

— Есть только одно правило: никаких настоящих имен.

Если я оставлю всё так, как есть, то смогу хорошо провести время, не сблизившись с ним. Всё, что мне нужно прямо сейчас — друг. Даже если при этом мне жаль, что выбрала такого красивого парня, ведь, будучи честной перед собой, я осознаю, что пока могу справиться только с дружбой.

— Это странное правило.

— Мы просто гуляем и веселимся: никаких привязанностей, электронных писем или эсэмэсок по окончании всего этого. — Машу рукой в воздухе.

— Тогда получается два правила, и это заявление означает, что мы начали «всё это». — Хью посылает мне мальчишескую ухмылку.

— Начали. Мы друзья. — Я скрываюсь в магазине под названием «Сабатино Бразерс

Дели» (Sabatino Brothers Deli), оставляя его снаружи, чтобы прикрепить велосипед на замок.

Глава 7

Он

Трудно описать наш восхитительный обед. Ши удаётся очаровать меня, несмотря на то, что она не рассказывает о себе практически ничего конкретного. А в правдивости тех историй, которые она излагает, я не уверен.

Она говорит, что писала картины на реке Сена в Париже, как настоящий художник; каталась на платформе во время праздника Марди Грас в Новом Орлеане, может топлес, а может и нет. Я всё-таки думаю, что топлес. Мне нравится эта картинка в голове. Она пела караоке с моим любимым футболистом в Балтиморском кабаке, хоть и признает, что не умеет петь, и выделяет понравившиеся футбольные команды, основываясь лишь на цветах их «костюмов». Она не определилась с любимым фильмом: либо это «С 9 до 5» с Долли Партон, либо «Ксанаду» с Оливией Ньютон-Джон, но больше склоняется к «Ксанаду», так как любит кататься на роликах. А ещё она преподавала искусство для обездоленных детей. Несмотря на мои критические вопросы по каждой истории, на которые она убедительно отвечает, Ши всё же подмигивает мне, когда клянётся, что всё это правда. Даже если это и не так, мне все равно, потому что я понимаю, что просто хорошо провожу время. Нам удастся вести беседу о всякой ерунде.

** Марди Грас — народный праздник, который отмечают во вторник на масленичной неделе.*

Тем не менее, я рассказываю ей только правду, но тоже подмигиваю. Таким образом, подвергая сомнению мою честность. Создается впечатление, что мы играем в игру, в которой стремимся обскакать друг друга, с помощью наших удивительных историй. А когда я отклоняюсь от основных событий моей жизни, то эти рассказы делают меня совсем неинтересным человеком. Конечно, опускаю недавние события, которые довели до реабилитационного центра и тюрьмы. Однако всё могло быть намного хуже, если бы не мой великолепный адвокат, отработанные часы, хорошее поведение и непоколебимое чувство раскаяния.

— На втором курсе колледжа, — говорю я, — я ездил в Бразилию, чтобы устанавливать солнечные батареи на крышах домов в маленькой деревушке в Андах.

— Замолчи! — Ши возбуждённо ударяет по столу.

— Нет, правда, — наклоняюсь и отталкиваю в сторону пустую тарелку. — Признаюсь, что согласился, так как это дешёвый способ посетить Южную Америку, но быть волонтером и иметь возможность улучшить жизнь целой общины оказалось невероятно полезным.

Я не упоминаю о том, что пропустил выпускной класс и получил диплом архитектора только прошлым летом.

— Получается, ты действительно парень что надо, — она откидывается и скрещивает руки. — Не думаю, что я также хороша. Мне бы хотелось быть лучше и сделать что-то подобное.

Я хочу сказать, что вовсе не такой уж и хороший. Я тот, кто не заслуживает даже

обедать с такой девушкой, как она. Но вместо этого, отгоняю прочь все эти мысли. Собственная вина мучает меня достаточно долго. Здесь я пытаюсь начать все заново. Я заслуживаю того, чтобы начать все сначала. Каждый заслуживает, даже я.

— Ты преподавала искусство детям. Разве это не хороший поступок?

Когда она неловко пожимает плечами и отворачивается, я задаюсь вопросом: а не было ли это ложью? В её бегающем взгляде видны такие же глубокие шрамы, как на лице и ноге. Почему она не может быть самой собой, честно назвать свое имя и рассказать кое-что о себе? Что, чёрт возьми, произошло с ней в Мэриленде?

Ши берёт бумажную обёртку и скручивает её, болтая о вчерашнем походе в Китайский Квартал за покупками. Ловлю себя на мысли, что сравниваю её с моей бывшей девушкой, Карой. Они абсолютно разные. Ши такая беззаботная, притягательная и кажется полной надежд, несмотря на прошлое. Кара, ну, она поверхностная и безрассудная, и отчасти поэтому всё закончилось именно так. Она была лучшей подругой моей сестры Бет. Они вдвоем были погружены в мир вечеринок, а я, как влюбленный идиот, мечтающий о свидании с Карой, таскался за ними по пятам, словно младший брат.

Через несколько часов, посреди разговора о способах использования конфет PopRocks и Mentos в научных экспериментах, в которых она казалась экспертом, Ши резко встает.

— Не знаю, как у тебя, но у меня уже задница стала плоской от долгого сидения, — она трясет ногами и потягивается.

— А ты думаешь, почему я кручусь? У меня пальцы уже десять раз онемели, пока мы тут торчим.

— Значит, нам надо прогуляться, — она поднимает меня на ноги, и её волосы касаются моих рук. Наклонившись над ней, чувствую цветочный аромат её шампуня. Что-то в этом запахе активизирует мои чувства, возбуждает и заставляет ладони вспотеть.

С дрожащими ногами, она вытаскивает меня из магазина и поворачивается лицом:

— Было весело. Спасибо, что составил мне компанию сегодня. — Она набрасывает лямки рюкзака на плечи и идёт задом.

— Это всё? Ты уходишь? — я потрясённо поднимаю руки, пытаюсь двигаться вместе с ней, чтоб оттянуть прощание.

— Быть может, ещё увидимся, — она широко улыбается, продолжая идти.

— Можешь дать мне номер телефона?

— Помни о правилах, — кричит она, затем поворачивается и уходит прочь.

Я, словно идиот, молча стою и смотрю, как она удаляется. Видимо она говорила серьезно о «правилах», но я не осознал этого. Я думал... вот дерьмо. Черт возьми, не знаю, о чем я думал.

Какого хрена я хочу её увидеть снова? Я не должен. Разумеется, у неё есть проблемы: она сбежала со свадьбы и, кто знает, что она оставила в Мэриленде. И ни один нормальный человек не стал бы играть в эту дурацкую игру «никаких имён».

Но в этот момент, когда она гордо удаляется от меня, я думаю точно не головой. Прокручиваю в уме все те неприятные вопросы, странные и грандиозные истории и улыбаюсь, потому что представляю, как слово «среда» на её трусиках подпрыгивает вверх и вниз, когда она покачивает своей маленькой совершенной попой.

Боже, она чертовски милая.

Я очень быстро удаляюсь от, возможно, самого привлекательного и хорошего парня в Сан-Франциско, так как он не должен увидеть, что я плачу. Слёзы катятся по щекам, и мне едва удастся сдержаться, чтобы не зарыдать. Я дала себе обещание не делать этого, пообещала, что больше не пророню ни слезинки. Однако когда осознаю, как весело мне было, накатывает чувство вины, снова открывая все живые раны и направляя меня в знакомую темноту. Я просто должна уйти.

Когда я подхожу к началу Юнион Стрит, все мои слёзы выплаканы, и я уже абсолютно не могу дышать.

Где-то позади, Хью скорее всего задаётся вопросом «Что, чёрт побери, только что произошло?», но я не упрекаю его. Не его вина, что он такой обаятельный парень, которого я практически заставила обедать со мной, и который, бесспорно, сводит меня с ума.

Медленно снимаю рюкзак и бросаю на парковую скамейку. Роюсь в его содержимом, экстренно разыскивая спасительное средство — злосчастный пузырёк. Когда я сжимаю его в руках, всё тело дрожит, и меня накрывает неприятная волна холодного пота. Как у собаки Павлова, начинает выделяться слюна, когда вижу цвет и размер пузырька, держу его скрученными пальцами. Дрожащими руками, кладу в рот очередную белую таблетку и запиваю её водой из бутылки.

Облегченно вздыхаю, так как знаю, что таблетка успокоит нервы и прогонит мысли. Если бы только я могла освободиться от них и всего, что с ними связано. Где бы я ни находилась и как ни старалась не принимать лекарства, мои проблемы всегда сидят в глубине сознания, контролируют меня и, словно мерзкое чудовище, только и ждут момента, чтобы выйти на первый план.

После того, как я прихожу в себя, единственным утешением становится то, что у меня есть прекрасная возможность полюбоваться закатом. Усаживаюсь напротив подножья возвышающейся башни Койт, с которой открывается вид на город. Этим вечером солнце окрашивает небо в яркие пурпурные и фиолетовые тона. От этого зрелища мне становится ещё печальнее, ведь я не могу остаться здесь навсегда. В конце концов, знаю, что должна буду встретиться лицом к лицу со своими проблемами, но не сейчас. Во мне пока ещё недостаточно сил.

И тут меня настигает очередная ясная мысль: «Я забыла велосипед. Тьфу!»

Вздыхнув, кладу голову на колени. После того, как солнечный свет переходит в сумерки, иду назад, вниз по Юнион Стрит и возвращаюсь в Маленькую Италию. Однако, когда подхожу к магазинчику, где мы с Хью обедали, то не нахожу там велосипеда. Либо он забрал его, либо кто-то ещё.

Задумавшись на секунду, какую сумму спишет отель с моей кредитной карты за утерю велосипеда, быстро выкидываю это из головы. Мне пофиг. У меня множество серьезных проблем, так что дурацкий потерянный велосипед — наименьшая из них. Мне бы хотелось, чтобы он был единственной моей проблемой.

Когда, наконец, возвращаюсь в отель, то вижу много людей, выходящих из здания в нарядных одеждах, явно направляясь в клуб или на роскошный ужин. Влюбленные и счастливые пары садятся в лимузины и такси. Как бы мне хотелось оказаться на их месте, но вместо этого я нахожусь сама по себе в городе, который всегда хотела посетить с Бреном.

Наблюдая, как жизнь вокруг бьет ключом, и у каждого есть близкий человек, хотя бы друг, я чувствую, что еще никогда в жизни не была так одинока.

— С возвращением, — портье улыбается и открывает дверь, давая мне возможность зайти внутрь. Я иду на ресепшен.

— Чем могу Вам помочь этим вечером? — спрашивает женщина из-за стойки.

— Сегодня утром я воспользовалась одним из бесплатных велосипедов, а когда отлучилась, кто-то украл его.

— О, нет. Мне очень жаль. Назовите, пожалуйста, номер вашей комнаты.

— Комната 616, - я склоняюсь над стойкой, уронив подбородок на ладони, пока она вводит информацию в компьютер.

— Да, с утра Вы взяли прогулочный велосипед, но, похоже, Вы его уже вернули сегодня вечером. — Она поднимает взгляд из-за пряди окрашенных рыжих волос, больше похожих на цвет крови вампира, и черных очков в стиле Бадди Холли. Здесь все невероятно модные.

— Правда? — я выпрямляюсь и нервно смеюсь. — Мне кажется, я бы это запомнила.

Девушка непринужденно указывает на два велосипеда, стоящих перед входной стеклянной дверью.

— У нас их всего два, и они оба здесь. Возможно, кто-то вернул его вместо Вас. На велосипедах есть наклейка с информацией о нашем отеле.

— Гм, ладно. Значит у меня, похоже, есть ангел хранитель.

Хью.

— Я могу Вам ещё чем-то сегодня помочь?

— Нет, спасибо, — я отхожу.

— Приятного вечера, — машет она мне, когда я захожу в ближайший лифт.

Двери закрываются, в зеркальной стене отражается мое озадаченное лицо. Почему мне надо было встретить такого безумно милого и сексуального парня, когда очевидно, что я не готова к чему-то большему? У меня вырывается стон; поворачиваю голову, слегка стукнувшись ей о стену. Звучит сигнал, двери открываются, и я тащусь в свой номер.

Закрываю за собой дверь, скидываю атласные тапочки, бросаю рюкзак на стул, а затем распластываюсь на кровати. Когда поворачиваю голову, то вижу, что телефон мигает светлорозовым сигналом, оповещающим о голосовом сообщении.

Я смотрю на него.

Горит. Не горит. Горит. Не горит.

С каждым миганием моё тело напрягается всё больше и больше. Не хочу проверять его, но должна, так как эта мигающая лампочка будет преследовать меня и не даст уснуть всю ночь. Я никому не говорила, что я здесь. Даже моей семье. Наклоняюсь и поднимаю трубку, следуя инструкциям на телефонном аппарате.

Хоть я и не должна, но всё же надеюсь, что это Хью. Теперь он знает, где я остановилась, но одно преимущество у меня осталось. Он не знает моего настоящего имени. Вместо этого, после того как нажимаю несколько кнопок, к своему ужасу, слышу голос, от которого сбежала. В горле пересохло так, что не могу сглотнуть.

— Малышка, я очень за тебя переживаю. Чёрт возьми, почему ты в Сан-Франциско? Может, ты вернёшься домой, и мы всё обсудим? Я люблю тебя.

Его голос порождает тревогу. Она распространяется по венам, превращаясь в чистый адреналин, инстинктивный механизм, который готовит меня к сражению. Или к побегу.

Но я уже это сделала.

Пытаюсь успокоиться, вспоминая, что всё происходящее реально. Этот дурак должен всё контролировать. Вероятно, он отследил покупки с моей кредитной карты, и таким образом, нашел меня в первом же месте. Это всего лишь один из приятных бонусов его правительственной должности. Он может отследить каждый мой шаг, как проклятый охотник за головами. Если я не отвечу на его звонок, то он прыгнет в самолет и найдет меня, чтобы притащить домой. К счастью, он оставил сообщение незадолго до того, как я вошла в номер. Значит он не сможет приехать сюда сегодня вечером. На дорогу из Мэриленда понадобится не менее пяти часов.

Немного расслабившись — ведь все еще нахожусь под действием белой таблетки — я пытаюсь рационально подойти к этой проблеме. У меня совсем мало времени, чтобы прийти в себя и все переосмыслить, однако, завтрашний день станет последним в этом городе.

Наклоняюсь за рюкзаком, расстегиваю его, достаю пузырек с таблетками и мобильный телефон. Сегодня мне отчаянно хочется больше не зависеть от лекарств. Мое тело требует розовую таблетку, но каждая клетка предпочитает забыть почему. Словно об этом слишком больно вспоминать.

Ставлю пузырек на стол, приказывая себе не прикасаться к нему. Я не хочу, несмотря на то, что должна. Часть моего разума блокирует причину. Эта часть, я точно знаю, злая и неподконтрольная. Даже небольшое воспоминание заставляет меня оказаться на краю. Закрываю руками лицо, впиваясь ногтями в голову и кожу. Мысленное перетягивание каната «пить или не пить» проклятую розовую таблетку наводит в моем разуме нервный беспорядок.

Наконец, сдаюсь. Хватаю пузырёк и дрожащими руками отвинчиваю крышку. Мой рассеянный мозг и ослабевшие пальцы не могут найти правильную таблетку, отчего я высыпаю их на стол. Таблетки раскатываются повсюду, некоторые падают на пол, но я не обращаю на это внимания, потому что вижу, как катится розовенькая, аккуратно остановившись на краю стола. Склоняю голову, практически целую стол, и, словно пылесос, засасываю твердый шарик, проглатывая его без воды. Быстрое решение проблемы.

Когда лекарство оказывается внутри, закрываю глаза. От него в голове становится туманно, однако сквозь него я могу что-то делать. Впервые за эти дни, включаю мобильный телефон. Тридцать восемь пропущенных звонков и более пятидесяти эсэмэсок, в каждой из которых меня умоляют позвонить или вернуться домой. Я немедленно удаляю их, точно так же мне хочется стереть их из памяти.

Глава 9

Он

С пяти утра я сижу на блестящем ярко-зелёном диване из искусственной кожи в необычном отеле Ши. За это время успел, по меньшей мере, двадцать раз сосчитать огромные цветы на обоях в стиле шестидесятых над стойкой ресепшен, причем постоянно получая разное количество. От неудобства, скрещиваю руки на груди. Мои веки опускаются, сначала тяжело, а потом и вовсе закрываются.

Я не спал этой ночью из-за размышлений о собеседовании, о моём прошлом, о сумасшедшей, но невероятно красивой девушке, с которой познакомился, а также неопределённом будущем. Слышу, как парень за стойкой менеджера громко покашливает,

пытаясь меня разбудить. Не обращаю на него внимания, так как персонал не оставляет меня в покое вот уже несколько часов. Объясняю, что жду человека, но если Ши не появится в ближайшее время, то они выпроводят меня за дверь.

Вздрагиваю от того, что кто-то трясет меня за плечо. Сон резко проходит, и я снова готов отстоять свое присутствие здесь.

— Сколько ты уже здесь сидишь? — удивляет меня Ши. Она стоит неподвижно с двумя небольшими сумками, перекинутыми через плечо. Похоже, выезжает из гостиницы.

— Ты уже уезжаешь? — расстроенный, я стараюсь игнорировать её вопрос.

— Да. Подумала, что одной ночи в Сан-Франциско будет достаточно, — она поправляет сумку со странным неловким видом. Уже нет той беззаботной девушки, которую я встретил вчера, и в этот момент понимаю почему. Это из-за меня. Я зашел слишком далеко, и теперь она думает, что я её преследую.

— Извини. Мне не следовало приходить. Честно признаться, мне было так весело вчера, что я просто подумал, мы могли бы встретиться снова, а это единственное место, где я мог тебя найти.

— Хорошо, хорошо, — она тревожно озирается, словно ожидает встретить кого-то.

Вчера она сказала, что приехала одна, но, похоже, это не означает, что и сегодня она будет одна. Какой же я болван, раз допустил мысль, что она тоже захочет встретиться со мной. Мое возбуждение испаряется.

— Слушай, мне приятно было снова увидеться. Но, видимо, у тебя на сегодня другие планы, поэтому мне лучше уйти, — засовываю руки в карманы и пытаюсь как можно быстрее скрыться, желая положить конец этой неловкой встрече.

Портье открывает передо мной дверь, выбегаю на улицу и с трудом тащусь вверх на холм по Грант Авеню через Ворота Китайского квартала, направляясь к себе в отель. В любом случае, мне надо поспать. Оказавшись на вершине холма, вдруг слышу её.

— Хью! Подожди!

Всё в этом голосе — его мягкость и медовая сладость — заставляет меня замереть и повернуться, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Ши бесшабашно бежит через дорогу, уклоняясь от машин, как в дурацкой видеоигре Frogger, и для меня становится облегчением, когда она, целая и невредимая, оказывается рядом на тротуаре.

— Я хотела тебя поблагодарить, за то, что вернул мой велосипед, — говорит она, приближаясь.

— Не за что.

— Знаешь, мы могли бы сегодня погулять. Мне, правда, больше нечем заняться.

Мои глаза расширяются от изумления.

— Ты серьезно? Я не хочу нарушать правила игры, — смягчаю тон, пытаюсь не показать эмоций.

— Всё в порядке, — её губы изгибаются в улыбке, словно она смотрит сквозь меня. — Слушай, мне нужно было выселиться из отеля, поэтому ты не будешь против, если я оставлю часть вещей у тебя, пока мы будем гулять?

Она держит свою маленькую сумку, а я не пойму, где, черт побери, её остальной багаж, но потом вспоминаю, что в аэропорту у неё не было чемодана. И все же, кто путешествует по стране, практически без ничего?

— Ладно? — она подталкивает мою руку, и я отвлекаюсь от списка вопросов, которые сложились в голове.

— Конечно, без проблем.

...

— Знаю, он не слишком хороший, — говорю я, когда мы оказываемся перед отелем Хельга Инга.

— Думаешь, меня волнует твой отель? — она поднимает бровь и берет меня за руку, подталкивая к ступенькам. Как и вчера, ее прикосновения удивляют меня. Они такие легкие и естественные.

Мы входим в вестибюль, если его можно так назвать, он не слишком новый и достаточно тусклый. Признаю, мне более чем стыдно приводить её сюда. Этот отель — первоклассная дыра, однако когда я оформлял бронь, то думал, что мне нужно место, где можно бросить кости, а никак не впечатлять девчонок.

— Ты прав, — она поворачивается и скрещивает руки. Я волнуюсь. — Ты не сказал мне, что у тебя в холле стоит музыкальный автомат, — она практически вприпрыжку приближается к грязному агрегату, зажатому между торговым автоматом 70-х годов и древней стойкой с туристическими листовками. — У тебя есть мелочь? — бросает сумки на пол и протягивает ладонь. Шарю в карманах в поисках нескольких четвертаков и даю их ей. Она опускает их в прорезь для монет и выбирает песню. Аппарат щелкает несколько раз, и вскоре слышится мелодия, заполняя пустой вестибюль и заставляя проснуться задремавшего менеджера за треснувшим стеклом.

Ши кладет руки на края автомата и начинает томно покачиваться, пока мелодия не утихает. Несмотря на то, что я не могу этого видеть, знаю, слово «вторник» покачивается вместе с ней; от этой мысли у меня поднимается температура. Слова песни пробиваются сквозь музыку, и она поворачивается ко мне, театрально шевеля губами в такт песне «Dancing Queen» группы ABBA. Я посмеиваюсь, когда она скользит ладонью по моей груди и обходит вокруг, соблазнительно пританцовывая и покачивая бедрами. Её тонкие пальцы оставляют горячие следы на моей коже. Сжимаю руки вдоль тела, пытаюсь не реагировать, однако мне это дается тяжело, ведь её сексуальность накрывает с головой.

— Не притворяйся, что не знаешь слов, — она хватает мои руки и начинает ими размахивать, вовлекая в свой танец.

— Нет, нет, — отстраняюсь назад, прижав ладони. — Мне нужно прилично выпить, прежде чем я приму участие в этом унижении.

Я больше не хочу выпивать, с меня хватит. По крайней мере, я делаю всё возможное, чтобы не возвращаться к этому, но эта битва бесконечна. Не могу оторвать взгляд от её движений, сияющих глаз, дикой копны волос, невероятно тонкой талии и округлых форм сзади. Почему мне должно хотеться танцевать, если я могу наслаждаться ее павлиньими движениями вокруг меня?

Когда она, смеясь, откидывает голову назад, мне хочется опуститься на колени и преклониться перед этой девушкой. В её взгляде на жизнь и притягательной страсти есть нечто, что хочется впитать в себя и сохранить. Мне хочется взглянуть на жизнь её глазами, хотя бы чуть-чуть.

Навязчивая песня затихает, и мелодия прекращается.

— Может, в следующий раз, — говорю я и беру её вещи.

— Просто запомни, — серьёзно произносит она. — Следующего раза может и не быть.

Ши проходит мимо меня и направляется к лестнице. Иду за ней, пытаюсь понять, что она имеет в виду, но потом осознаю, что даже не знаю её настоящего имени. После сегодняшнего дня, мы, возможно, больше никогда не увидимся. Насколько мне известно, она может сбежать в любую минуту, как сделала это вчера, а я до сих пор не знаю причину. Когда мы проходим первый лестничный пролет, то кажется, что к ней вернулось хорошее настроение.

— Какой у тебя номер?

Глава 10

Она

Я дохожу до верхнего этажа и направляюсь напрямик к комнате 507. Когда инстинктивно поворачиваю ручку, дверь оказывается открытой.

— Возможно, тебе стоит запирать дверь, — оборачиваясь, кричу я Хью и толкаю дверь. В меня ударяет облако затхлого воздуха, зажимаю нос и закашливаюсь.

Позади Хью тяжело взбирается по лестнице. Поворачиваюсь и вижу, как он медленно протискивается в дверь и проходит мимо меня.

— Что-то не так? — мои глаза расширяются, видя его реакцию.

Он падает на колени, словно сумасшедший копается в своем открытом чемодане, а затем подсакивает и опрометью устремляется в ванную комнату, чтобы проверить свое имущество, все еще не удостоивая меня ответом.

— С тобой всё в порядке? — я спрашиваю снова.

— Кто-то был здесь! — кричит он. — Похоже, меня ограбили!

— О Боже, тебя обокрали? — я обеспокоенно шагаю вперед, в ожидании, когда он выйдет из ванной. Мгновение спустя, он появляется в углу со своей лучезарной улыбкой.

— Попалась! — Он подмигивает и тычет в меня пальцем. — Это всего лишь шутка.

Мои глаза сужаются, я беру подушку с незаправленной кровати и швыряю в его красивое лицо, но он, смеясь, быстро прячется за стеной. У него настолько громкий басистый смех, что он эхом отдается в маленькой комнате, наполняя мою душу искренней радостью.

— Дурак! Я поверила! И уже переживала за тебя, — глупо смеюсь, когда он поднимает подушку и бросает её в меня. Она прилетает мне четко в грудь, пока он снова прячется в ванной.

— Я ни за что не оставляю здесь что-нибудь ценное. Не в этом месте, где любой может это найти, — объясняется он из другой комнаты. — Дверной замок был сломан, когда я вселился сюда, а остальные номера были заняты.

— Молодец! — отбрасываю подушку в сторону и подхожу к окну, чтобы открыть шторы, борясь с подступающим чувством вины. Мне не стоит корить себя за то, что я так хорошо провожу время. Если задуматься, то он красив: тёмные волнистые волосы, тёплые шоколадные глаза, голос с хрипотцой, от которого, когда он говорит, смеется или шутит, со мной каждый раз творится что-то странное. Поднимаю подбородок и говорю себе, что больше нет необходимости чувствовать себя виноватой. Учитывая всё то, через что мне пришлось пройти, в этом больше нет нужды. Теперь мне просто надо попытаться применить свой же совет на практике.

— Через минуту я буду готов, и сможем пойти, — кричит Хью и закрывается в ванной.

— Ладно.

Я осматриваюсь в этой весьма ужасной комнате. Над головой висит корявый бронзовый светильник в окружении мерзких стен цвета авокадо. В номере стоит старая потрепанная лакированная мебель, геометрический узор на коричневом одеяле потускнел за годы стирок или из-за отсутствия таковых. Зажимаю нос и спешу открыть окно. Открываю шпингалет, поднимаю раму, высовываясь наружу в поисках свежего воздуха, и делаю глубокий вдох. В этот момент я замечаю металлическую пожарную лестницу. Не в силах противостоять соблазну, вылезаю из окна и встаю на карниз, прижимаясь спиной к деревянной стене. Мне всегда хотелось жить в доме, где есть пожарная лестница. Это всё так романтично, совсем как в фильме «Завтрак у Тиффани».

Ставлю ботинок на железную перекладину и откидываю голову назад, вздыхая с облегчением. Я счастлива, что выбралась из отеля, где меня теоретически можно найти. Если бы не появился Хью, то я была бы уже в пути. Но, по правде говоря, мне нужен план. Прошлой ночью мой сон был беспокойным, если так и дальше будет продолжаться, то план у меня и не появится. Мне нужно залечь на дно, и единственный способ это сделать — снять наличные с кредитной карты, чтобы меня не могли выследить.

— Ши, — Хью высовывается из окна. — Ты с ума сошла здесь сидеть? — он смотрит вниз с высоты пяти этажей и дрожит.

— Неа, я не боюсь высоты, хотя это и не самая крепкая конструкция, — ударяю ногой по лестнице, и она трясётся. — Но это лучшая часть твоего номера, — указываю на открывающийся вид на мост «Золотые Ворота» вдалеке. — Не хочешь ко мне присоединиться? — немного поскальзываюсь, и он хватается меня за руку.

— Серьёзно, ты заставляешь меня нервничать. Мне не нравится высоко залезать, и уж точно я не стану пользоваться шаткими пожарными лестницами.

— Правда? — пододвигаюсь ближе к окну, и он отпускает мою руку, однако вместо того, чтобы залезть назад в гостиничный номер, я остаиваюсь. — То есть, ты не хочешь, чтобы я делала вот так?

Я дважды подпрыгиваю. В ответ, вся металлическая конструкция отзывается глухим скрипучим стоном, словно в любой момент может оторваться от здания. Все краски сходят с лица Хью, и он тянется ко мне, словно хочет спасти, но я не даюсь ему и снова подпрыгиваю, немного наслаждаясь этой пыткой. Однажды я заглянула смерти в глаза, поэтому в сложившейся ситуации меня ничего не напрягает. Знаю по опыту, невозможно контролировать каждый шаг. Это удел судьбы.

— Ши, пожалуйста, ты упадёшь. Будь осторожнее.

— Я всего лишь возвращаю тебе должок, за шутку с ограблением, — прыгаю, словно делаю упражнение «ноги вместе, ноги врозь», и на лице Хью появляется заметная испарина. Его реакция провоцирует мой маниакальный смех.

— Хорошо, хорошо. Это уже не смешно. Теперь возвращайся, — он призывно машет мне рукой.

— Вот, что я тебе скажу: может ты соберёшься, и мы выйдем через уличную лестницу? — я сажусь на корточки и встречаюсь с ним взглядом.

— Как насчёт... — он высовывается из окна и снова смотрит вниз. — Нет, — он мёртвой хваткой обвивает своими мускулистыми руками мои колени и спину и втаскивает через окно в комнату, так быстро, что я не успеваю даже принять ни одной попытки к

сопротивлению. Мы падаем на край кровати, а затем шумно скатываемся на пол. Я всем весом обрушиваюсь на его грудь, и мы вдвоём начинаем истерически смеяться.

— Для архитектора, который должен нормально переносить высоту, ты — слабак! — Я пытаюсь встать, но он хватает меня и принимается щекотать, словно мы уже делали это раньше тысячу раз. Меня тянет к нему, хотя, очевидно, что не должно. Тем не менее, всё между нами происходит так естественно. Мне надо спросить себя: «А не играет ли со мной судьба в очередной раз?» — поэтому, чтобы защитить сердце и разум, вырываюсь из его объятий и встаю. Я должна делать всё возможное, чтобы держать дистанцию, хотя, если честно, это совсем не просто.

— На твоём месте, мне бы не хотелось быть найденной мертвой на этом полу, — я протягиваю ему руку. — Мне показалось, что там что-то шевелилось до этого.

— Ничто не сравнится с этой ужасной кроватью. Поверь мне, — Хью переплетает свои пальцы с моими. Его прикосновения теплые и успокаивающие, совсем как тембр голоса. Я тяну его за руку, помогая подняться. Когда он встает, то оказывается в моем личном пространстве. Достаточно близко, чтобы поцеловать. Я набираю полные легкие воздуха и отступаю на шаг назад.

— Серьёзно? Ты не хочешь сидеть на пожарной лестнице, зато согласен спать на простынях, которые, возможно, ни разу не меняли с восьмидесятых годов?!

— Я так понимаю, мне надо где-то провести грань? — он натягивает пиджак. — Погоди, я кое-что возьму, и пойдём.

Глава 11

Он

Становлюсь коленями на подушку и залезаю за спинку единственного кресла к своему тайнику. Когда я въехал в отель и обнаружил, что номер не закрывается, то обследовал комнату в поисках укромного местечка. Если кто-то зайдёт в номер, то его внимание уж точно не привлечёт этот захламлённый предмет мебели. Достаю фотоаппарат и вешаю на шею.

— Фотоаппарат? Ты оставил профессиональный фотоаппарат в не закрывающемся номере? — спрашивает Ши.

— Испытываю судьбу.

Закрыв за собой дверь, мы выходим из комнаты.

— Так странно видеть тебя с фотоаппаратом. Я как-то не представляла, что ты ещё и фотограф.

Мы спускаемся по лестнице.

— Похоже, твой экстрасенсорный радар сегодня не работает, — предполагаю я, когда мы оказываемся в вестибюле.

— Ты прав. Я сегодня не в себе, — она останавливается и поворачивается ко мне. — Знаешь, а ведь в средней школе я однажды ходила на кружок фотографии, но больше для того, чтобы позажиматься с Тернером Бишопом в тёмной комнате. Он был невероятно сексуальным. Отвязный чувак. Тот тип парней, который раздражает родителей.

— И как, получилось?

— Не совсем. Мистер Каталано, наш учитель, застукал нас во время страстного поцелуя,

при этом Тернер ещё и мня мне грудь под кофтой. Тогда мою грудь трогали впервые. Это было не так здорово, как я представляла, но во всём виноват Мистер Каталано — напрочь убил весь настрой.

— Это из-за нервов!

— Да ладно? Я знаю. Большую часть семестра мы были наказаны и оставались после уроков, но я так и не поняла, как эта дурацкая диафрагма* работает, — она указывает на мой фотоаппарат. — Мне не хватает терпения разобраться со всеми этими приспособлениями.

** Диафрагма — деление объектива фотоаппарата, для изменения интенсивности света.*

— Когда-нибудь разберёшься, это не так сложно.

Мы выходим на улицу. Я откручиваю линзы, чтобы сделать несколько быстрых снимков. Длинные мягкие волосы Ши волнами развеваются на ветру, как на картине Боттичелли. Она оборачивается и смотрит на меня красивыми глазами, обрамлёнными идеально изогнутыми чёрными бровями. Но именно её ресницы притягивают меня и вызывают желание прикоснуться к её нежному лицу, усыпанному аккуратными веснушками. Длинные густые чёрные ресницы выгодно подчёркивают блеск зелёных глаз Ши.

Закончив спонтанную фотосессию, опускаю взгляд на экран, чтобы посмотреть снимки, которые сделал. Перелистываю фотографии, но ни на одной не нахожу улыбки, везде Ши смотрит сквозь меня. Чувствую, что за этим взглядом скрывается бурлящий океан, в глубине которого находится вся та боль, которая привела её сюда. Мне отчаянно хочется расспросить про тот день, в который я увидел её в самолёте, от кого она убегала и почему? Он предал её? Он ударил её? Но я не могу пока об этом спрашивать, потому что, когда она раскроет мне свою душу, у меня не останется другого выбора, кроме как поделиться историей в ответ.

Впервые с момента нашего знакомства я понимаю, почему она хочет оставить в тайне своё имя и уважаю это решение. Находясь вне дома, мы можем быть кем хотим и с кем хотим до того момента, пока это делает нас счастливыми. Сегодня для нас не существует прошлого: мы просто живём здесь и сейчас. Возможно, я нуждаюсь в этом даже больше, чем она. Тут наши пути сошлись.

— Я знаю, что сможет улучшить моё настроение, — она отодвигает фотоаппарат, словно пытается спрятать то, что открывают эти фотографии.

— Честно признаться, даже страшно представить, — спускаюсь вслед за ней с холма. — Дай угадаю, ты хочешь залезть на верхние пролётные балки моста?

Она смеётся.

— Не сегодня.

— Ладно, у меня есть карта. Можем посмотреть, — останавливаюсь, достаю её из кармана джинсов и разворачиваю. Как только подношу карту ближе, Ши выхватывает её из моих рук и разрывает на тысячу мелких кусочков. — Эй! — пытаюсь её остановить, но она ловко изворачивается и подбрасывает бумажки в воздух, словно конфетти. Они разлетаются по ветру. Несколько приземляются на её непослушные волосы.

— Сегодня никаких планов, — говорит она. — Пойдём на разведку. Это день приключений, и мы можем даже заблудиться. Будем свободны как птицы.

Она разводит руки навстречу ветру. Однако я не уверен, прикалывается Ши надо мной или это её настоящее поведение.

— Окей, куда ты предлагаешь пойти?

— У меня есть идея. Удиви меня: пойдём в твоё любимое место в городе.

— Это и есть твоя великая идея? — спрашиваю я. — Это запланировано.

— Вовсе нет, а потом я отведу тебя в моё. Ни за что не догадаешься, где оно, — она подпрыгивает от восторга.

— То есть ты покажешь мне своё место, только после того, как побываешь в моём? — подняв брови, одариваю её симпатичное стройное тело оценивающим взглядом в ожидании реакции.

Она ударяет меня по руке. Именно этого я и добивался — всё что угодно, лишь бы ощутить её прикосновение.

— Маленькая проблемка. Нужна карта, чтобы попасть в моё место, — смеюсь я.

— Ах, уверена ты справишься! — в этот раз она с улыбкой осматривает меня сверху донизу.

— Ха-ха, — игриво сталкиваюсь с ней. — Похоже, я уже пришёл.

— Это слишком легко, — Ши берёт меня за руку и сжимает её. — На самом деле, именно сейчас начнётся наша разведывательная операция. Если мы пойдём в правильном направлении, то, возможно, попадём куда нужно. Тем не менее, кто знает, что встретится нам по пути?

— Надеюсь, что не нудисты на велосипедах.

— Именно об этом я и говорю! Эта случайность была настолько удивительной, что наши друзья не поверят, когда мы им об этом расскажем, — она смотрит на ближайший перекрёсток, где сходятся четыре дороги. — Итак, в каком направлении пойдём?

Глава 12

Она

Хью пожимает плечами и соглашается с моей просьбой посетить его любимое место в Сан-Франциско.

— Нам очень далеко туда идти пешком, мы можем взять такси, — предлагает он.

— Ни в коем случае! Идём пешком. На улице хорошая погода. Все твердят, что погода будет хреновой, но, мне кажется, они врут. В эти два дня светит солнце, на термометре 20 градусов, и я слышала, что такая же погода продержалась всю прошлую неделю.

Беру его под руку, и мы направляемся на север, поднимаемся и спускаемся с холмов, на которых линиями выстроились красивые дома. По улицам прогуливаются люди со своими мохнатыми питомцами и детьми, кто-то вышел на пробежку.

— Ой, совсем забыла, — говорю я. — Мне нужно раздобыть наличных. Подожди здесь.

Оставляю его на углу улицы и перебегаю через дорогу к банкомату. Расстегиваю сумку, чтоб найти банковскую карту. Наконец, отыскав, вставляю в аппарат, ввожу пин-код и снимаю максимально допустимый лимит — 250 долларов. Этого хватит на несколько дней. По крайней мере, я могу сегодня спать спокойно, зная, что меня не отследят по кредитной карточке. Я буду в безопасности.

Подходит Хью и странно смотрит на меня, пока я быстро скручиваю банкноты и засовываю их в кошелек для монет.

— У меня совсем закончились наличные, — объясняю я.

— Не волнуйся, у меня тоже есть наличные, — говорит он, похлопывая по заднему карману. Его слова застают меня врасплох. Это то, что говорят друг другу супружеские пары, поясняя, что им хватит денег на всё. Но он ведь даже толком меня не знает, также как и я его. Мысль о том, что я начинаю к нему привязываться, поначалу заставляет чувствовать себя виноватой, но потом понимаю, что счастлива.

— Итак, куда идём? — спрашиваю я.

— Туда, — он ведёт меня к вершине другого холма, и там, наверху, я понимаю, что мы направляемся вниз к кристально-голубой воде Южного залива. Мы не спускаемся с холма напрямую. Проникнувшись духом приключений, Хью водит нас зигзагами, вверх и вниз по холмам, играя ту роль, которую я ему отвела — роль архитектора.

— Сан-Франциско — смесь жилых домов и архитектурных стилей. Конечно же, тут есть знаменитые Викторианские разукрашенные леди*, — он указывает на ряд домов, выстроившихся в ровную линию, с индивидуальным цветовым оформлением.

Разукрашенные леди — архитектурный ансамбль из шести однотипных ярко-раскрашенных викторианских жилых домов.

— Вот так выглядит дом моей мечты. Где ещё тебе сошло бы с рук сочетание десяти цветов на одном здании? Они точно не повторили бы это там, дома.

— А где это там? — спрашивает он и поднимает фотоаппарат, чтобы сделать несколько снимков городского пейзажа.

Мне едва удастся сдержаться, чтобы не выкрикнуть название моего города. Моего настоящего города. Но вчерашние правила всё ещё действуют.

— Там, где я жила раньше, но теперь подумываю, что, возможно, пришло время переехать, — вру и указываю на одну из Разукрашенных Леди с преобладанием жёлто-белого цвета. — Жёлтые дома — счастливые. Вот почему он мне нравится больше всех. Думаю, что перееду сюда, — я останавливаюсь перед длинной лестницей.

— Жёлтые дома — счастливые? — повторяет он, концентрируя свое внимание на мне. — Ты уверена? Цветовая психология утверждает, что жёлтый дом заставляет чувствовать тревогу.

— Цветовая психология? — поднимаю брови и улыбаюсь. — Это звучит официально и очень по-архитекторски.

— Серьёзно, психологи утверждают, что цвета могут влиять на чувства людей, так, например, синие и холодные оттенки способствуют умиротворению. В красной комнате, ты можешь ощущать голод. Вот почему дизайнеры интерьеров выбирают красный цвет для кухонных стен. А жёлтые стены могут свести тебя с ума, — смеётся он.

— Жёлтый равняется сумасшедший? Если так, то это многое объясняет в моей жизни.

— Я шучу, — говорит он, идя на попятную. — Реакция на цвета — вещь субъективная. То, что идеально для одного, совсем не подходит другому.

— Ладно, какой из этих домов ты бы выбрал?

Он подходит к каждому, оценивая не только цвет, но также и остальные детали.

— Я выбираю этот, — он останавливается около бледно-лилового дома с яркой белой деревянной отделкой.

— Почему именно этот? Он какой-то чересчур девчачий для парня.

— Ну, я объясню. Потому что фиолетовый — это цвет самоанализа, знаний и силы,

однако, по правде, я его выбрал из-за вот этого, — он указывает на боковой двор с возвышающейся террасой. — Тут есть джакузи!

Я смеюсь и толкаю его.

— Не знала, что джакузи — это тоже цвет.

— Мне кажется, что полежать в джакузи после всех этих прогулок по холмам будет важнее, нежели цвет дома. Чувствую, позже у меня будет все болеть.

— Просто подумай об этом с другой стороны: этот город природный StairMaster*. Вот почему все его жители обладают идеальными задницами, — я указываю на мужчину через дорогу.

StairMaster — марка тренажёров, имитирующих эскалатор, движущийся в направлении, противоположном движению.

— Вот это ты называешь идеальной задницей? — в этот раз Хью, смеясь, толкает меня.

Тот мужчина ковылял вверх по холму, держа в каждой руке по пакету, наполненному продуктами. На вид ему было не менее 90 лет. В той области, где у него должна была бы быть задница, штаны свисали, образуя складки, но при движении его осанка была абсолютно ровной, от узкого таза до тощих бёдер.

— У него вообще нет задницы, — говорит Хью, смеясь.

— Впалая задница.

— Синдром плоской задницы, — возражает он.

— Анти-задница, — добавляю я, и мы смеёмся всё сильнее с каждым новым выдуманным термином.

— Зализанная задница.

— Зализанная задница? — я уже не могу сдержаться и сгибаюсь пополам от смеха. Мы настолько увлечены друг другом, нашим общим весельем, что всё вокруг кажется намного более забавным, чем есть на самом деле. Уверена, в глазах окружающих, мы выглядим более чем глупо.

— Нет, нет! Отсутствующая, а не зализанная*! Отсуууутствующая задница! — пытается он объяснить сквозь слёзы. — Если это идеальная задница, то у меня действительно проблемы, — он сжимает собственные упругие ягодички. — Дай мне знать, если моя задница станет более плоской, к тому моменту, когда закончится наша прогулка.

** Прим. пер — игра слов: licking — зализанный, lacking — отсутствующий*

— Будь уверен, обязательно сообщу тебе об этом.

На этих словах мы, запыхавшись, останавливаемся и с улыбкой смотрим друг на друга. От обмена улыбками у меня заболели щёки, и я вспоминаю, когда в последний раз чувствовала подобное. С Бреном.

Мы с Бреном осуществляли ночной набег на супермаркет: мне хотелось мороженого, а ему апельсинов. Он любил сладости, которые относились к здоровому питанию. Это одна из тех вещей, которые мне нравились в нём. Он никогда бы не притронулся к моему мороженому, а я никогда не претендовала на его фрукты. Мы стояли около ящика с апельсинами, и каждый раз, когда Брен наполнял прозрачный пластиковый пакет, дно разрывалось, и содержимое выпадало на пол, раскатываясь повсюду. Мы пытались

использовать три других пакета, но каждый раз фрукты выпадали без видимой причины. Смех усиливался с каждой новой попыткой. Мы ползали по мозаичному полу, собирая апельсины, и искали глазами камеры наблюдения в уверенности, что они здесь есть, но их там не было. Просто пакеты были бракованными.

Это был настоящий неконтролируемый смех, как говорится, глупый смех без причины, совсем как сейчас у нас с Хью. В этот момент, я понимаю, что Хью фотографировал меня, пока я потерялась в своих мыслях о моментах с Бреном, которые мне хочется запомнить. А вот недавние отношения с ним или отсутствие таковых, мне хочется забыть.

— Итак, далеко ещё до твоего места? — спрашиваю я, чтобы оторвать его от видеоискателя. У меня возникает такое щемящее чувство, когда его глаза смотрят на меня через фотоаппарат, что перед ним открывается всё моё прошлое: мои секреты, настоящее место жительства, цвет дома и даже настоящее имя. Всё, что я не могу позволить ему узнать.

— Почти пришли.

Глава 13

Он

Ши останавливается как вкопанная на перекрёстке Бэкер и Бэй Стрит. Её глаза расширяются, и, поднеся ладони ко рту, она визжит от восторга.

— Что это за место? Похоже на мечту! — сорвавшись, словно неуправляемый ребёнок, бежит через дорогу в направлении парка.

Я знал, что в конце концов найду Дворец Изыщных Искусств, и даже отчасти благодарен Ши за то, что она разорвала мою карту, тем самым удлинив нашу прогулку и увеличив промежуток времени, которое мы сможем провести вместе, пока она снова не решит сбежать. От мысли, что она в очередной раз может меня покинуть, я вздыхаю и присоединяюсь к ней, решив сделать всё возможное, чтобы она захотела находиться со мной так же долго, как хочу я.

— Это — Дворец Изыщных Искусств и, по совместительству, моё любимое место в городе.

Идеально подстриженная трава бархатным сиянием отражает полуденный свет. Чистый небосвод делает цвета сада ослепительно красивыми. У наших ног переливается озеро, по чёрной глади которого скользят белые лебеди. Но самой красивой частью этого пейзажа — жемчужиной всего шоу — является «дворец». Взгляд потрясает массивный купол в романском стиле и возвышающиеся колоннады терракотового цвета, дополняющие безоблачное синее небо.

Если Ши до сих пор не поняла, что я архитектор, то теперь это точно до неё дойдёт. Вокруг этого здания строилось моё обучение в колледже: история искусств и занятия по архитектуре, на которых я высиживал до конца и о которых мечтал всю ночь. Несмотря на то, что оно не слишком древнее и в нем не так много деталей как в любой европейской развалине, оно в равной степени впечатляющее и романтическое. В этом заключается замысел здания, но, если я скажу это вслух любому человеку, кроме Ши, меня засмеют и обвинят в женоподобности.

— О, Боже, возможно, оно тоже станет моим любимым местом. Я даже и не подозревала, что здесь есть! — она подходит к витиевато украшенной скамейке и садится.

Следую за ней и усаживаюсь рядом, наблюдая за открывшимся пейзажем.

— Мне всегда казалось, что купол — это что-то вроде беседки для Кинг Конга. Идеальный размер, такой большой, — добавляю я. — А вон там, — встаю и указываю на пустое, покрытое травой место, взволнованный идеей, которую вынашивал годами, — мне хотелось поставить уличную скульптуру громадных белых 3D очков, через которые можно смотреть на купол. Такое огромное изваяние с красной и синей линзами, — показываю рукой выше головы. — Примерно 20 футов в ширину и 7 в высоту.

— Зачем? — её глаза расширяются от интереса, она перемещается на край скамейки и наклоняется вперёд.

— Потому что, если посмотришь через очки на купол дворца, то сможешь увидеть Космических Захватчиков*, спускающихся с неба, черно-белого Годзиллу из старого фильма, который ударом своего гигантского хвоста собирается разрушить купол, а вон там Кинг Конга, защищающего свою огромную беседку от него!

«Космические захватчики» — игра для игровых автоматов, выпущенная в Японии.

Ши спрыгивает со скамейки и хлопает в ладоши.

— Мне нравится эта идея! Впечатляюще креативно. Она станет самой прикольной скульптурой всех времён! Я бы приходила сюда каждый день, только чтобы посмотреть через очки на это зрелище.

— Правда?

— Да.

— Я впервые рассказываю об этом. Не укради мою идею, — предупреждаю я её. — Ты могла бы стать знаменитым скульптором, как я полагаю, кем-то вроде Да Винчи или типа того.

— Постараюсь, но будет трудно. Дядя Да Винчи — мой герой, — Ши смотрит в сторону и говорит, — мне нравится это место. Оно напоминает сад Римских цариц или что-то подобное. По правде сказать, это самое красивое здание, которое я когда-либо видела. Спасибо.

Она тянется ко мне и берет за руку, переплетая свои пальцы с моими.

— Спасибо за то, что привёл меня сюда. Это великолепно, — прикусывает губу, как делают девчонки, флиртуя. Или это просто мне хочется, чтобы она флиртowała, провоцируя поцеловать её пухлые губы.

Выражение её лица не даёт мне сконцентрироваться на архитектуре или на великой скульптуре, так как она намного красивее, чем всё здесь вместе взятое. Да, она и раньше касалась меня, но не так, как сейчас. Это другое прикосновение, и я чувствую, что чаша весов склоняется в мою пользу, надеюсь. По правде говоря, мне хочется быть больше, чем другом для этой девушки, и не важно, что случилось с ней в Мэриленде, и кто её там ждёт. Это несправедливо, ведь она мне так нравится, и я не могу сейчас отступить назад. Я сделаю всё возможное, чтобы она согласилась провести со мной ещё один день.

Мы бродим по парковым дорожкам, по тропинке, огибающей озеро, которая приводит нас к высоким колоннадам и массивному куполу. Когда мы доходим до него, то не можем войти внутрь, так как помещение сегодня зарезервировано для свадебной церемонии.

Большое белоснежное платье невесты напоминает мне платье, в котором была Ши, когда я её увидел в первый раз. Рядом с невестой стоит жених в смокинге. Оба улыбаются,

изо всех сил сжимая руки друг другу, повторяя свои клятвы перед священником и немногочисленными гостями.

Ши застывает, её лицо искажается, словно она является свидетелем автомобильной аварии. В глазах стоит ужас, а губы начинают дрожать. Именно в этот момент она начинает плакать. Я кладу руку ей на спину и прижимаю ближе к себе, желая забрать всю ту боль, которую ей причинил жених. Она отталкивает меня, её тело бьётся в конвульсиях. Отстранившись, она обращается в бегство, попутно растолкав несколько групп туристов, в то время как в мой мозг даже не успевает проникнуть сигнал — броситься вслед за ней.

Глава 14

Она

Хью прекращает преследование, когда я забегаю в дамскую комнату парка Дворца Искусств. Врываюсь внутрь в поисках раковины, чтобы удержаться в вертикальном положении, стараясь не позволить безумной панике стать причиной обморока. Однако оказываюсь в безмолвной темноте прежде, чем новый приступ легко успевает атаковать меня.

Пока открываю пузырёк с таблетками, голова пульсирует, пот стекает по спине и всё пляшет перед глазами. Трясущимися руками хватаю белую таблетку и нетерпеливо кладу на язык, запивая глотком ледяной воды из-под крана. Жадно пью, словно животное. Холодная вода стекает по щекам и подбородку, капает на рубашку, затем я падаю на мокрый кафельный пол и плачу.

Понадобилось всего несколько минут, чтобы таблетка начала действовать, спасая меня от самой себя и от ужасных бесконечных слёз.

— Ши?

Хью выглядывает из-за угла, его глаза расширяются при виде моего горестного состояния. Мне не хотелось, чтобы он видел меня такой. Совсем не хочу рассказывать ему об этой стороне моей жизни, она должна быть скрыта от всего мира. Одному Богу известно, как я устала от людей, знающих всё обо мне в самых ужасных подробностях. Мне всего лишь хочется в одиночестве в собственном пространстве выплакать все слёзы, и тем самым оправиться от всего. И когда мой ум и душа будут готовы, я слеплю маленькие кусочки счастья, по кусочку за раз, получив в итоге какую-нибудь большую скульптуру. Может быть, даже Римскую.

Поднимаю взгляд на Хью. В конце концов, когда наберётся достаточное количество щепок, стружки и пыли, появится моя картина счастья. Мне просто надо продолжать верить и надеяться на это, иначе какой тогда смысл жить?

Он подходит и обнимает меня. Меня много раз обнимали и подбадривали, но это никогда не делал тот, кого я совсем не знаю. Он обнимает меня, не имея понятия, почему. Это объятие отличается от других. Возможно потому, что за ним не скрывается осуждение, и он просто хороший парень, который хочет избавить меня от боли. От него исходит умиротворение, которое в корне отличается от изоляции и одиночества, которые живут во мне. Я хочу растаять в изгибах его тела, забыв о прошлом, и жить в этом маленьком выдуманном мире вместе с ним. Там, где меня считают совершенством.

— Позволь помочь тебе подняться, — шепчет он, затем берёт меня за локти и аккуратно

поднимает на ноги. Одной рукой он обнимает меня за спину, в то время как другой прижимает мою голову к своей широкой груди.

Утыкаюсь носом в маленький V-образный вырез его рубашки в районе ключицы. У него тёплое тело с опьяняющей смесью ароматов коричневого сахара и кожи. Делаю вдох, и с плеч уходит напряжение, тогда я облегчённо вздыхаю. Не могу сказать точно, подействовали ли это таблетки или всё благодаря Хью, но что-то из этого, а возможно, и оба варианта возвращают мне здравый ум.

— Пойдём на улицу, — он выводит меня на солнечный свет, и мы идём к свободному месту на газоне. — Давай присядем.

Двигаюсь вместе с ним, по-прежнему сжавшись в его объятиях. Мы медленно опускаемся на землю. В отличие от остальных, он не спрашивает: почему я плачу, почему сорвалась. Он не вмешивается, позволяет мне самой справиться с болью. Он качает меня, напевая успокаивающую мелодию.

Мы просидели так не менее часа, а потом Хью делает то, что делал каждый до него. Он всё рушит.

Глава 15

Он

— Пожалуйста, скажи мне, что с тобой произошло, — умоляю я. — Я видел тебя в самолёте из Балтимора, ты была в разорванном свадебном платье. Пожалуйста, расскажи, и я попытаюсь тебе чем-нибудь помочь. Я чувствую себя бесполезным, ничего не зная.

Даже несмотря на то, что я не очень хорошо знаю эту девушку, у меня есть сильная потребность защитить её.

Ши замирает в моих объятиях и отстраняется так, что наши глаза находятся на одном уровне. Сначала я думаю, что она собирается открыться и наконец поделиться правдивыми фактами из своей жизни, но она произносит не те слова, которые я ожидал услышать.

— Я не могу. Просто не могу.

Она встаёт, забирает сумку и очень быстро уходит, шагая к ближайшей улице через парк.

— Ши! Вернись!

Я снова бросаюсь за ней, перевешивая фотоаппарат со спины, где он висел до этого, на грудь, так, чтобы держать его рукой. Не могу смириться с мыслью о том, что не знаю, увижу ли её снова. Точно такое же чувство у меня было вчера, когда она ушла от меня. В тот момент, когда она меня покинула, в груди появилась тяжесть, вызывая всю большую и большую боль. Мне нужно снова с ней увидеться. Я хватаю Ши за руку около открытой задней двери такси, когда она уже собирается сесть в него.

— Пожалуйста, не уходи. Мне жаль, что сказал что-то не то. Я просто хочу помочь.

— Ты не можешь помочь. В этой сложной ситуации никто не может помочь!

Она отдёргивается, а я, с сожалением, в очередной раз отпускаю её. Выражение её лица передаёт чувства намного лучше, чем слова. Эта девушка разбита. Но кто я такой, чтобы думать о том, что смогу восстановить её? Я, возможно, такой же разбитый или даже хуже, хотя по некоторым причинам я бы отдал всё на свете, чтобы она почувствовала себя лучше.

Звук закрывшейся двери отрывает меня от лучшего, что случилось со мной за все годы.

Мои плечи опускаются, принимая поражение.

— Чёрт! — я кричу так громко, что люди вокруг вздрагивают. Мне не нравится, как они смотрят на меня. Я колоссально облажался. Мне следовало уяснить то обещание, которое мы дали друг другу в первый день: не быть самими собой, быть скорее улучшенной версией себя. Но когда я увидел, как она плачет, такая беспомощная, то не смог ничего с собой поделать, ведь я тысячу раз плакал так раньше.

Я наблюдаю за жёлтым такси, набирающим скорость на холме, пока оно не сворачивает за угол и не исчезает навсегда вместе с Ши.

Глава 16

Она

По какой-то причине, несмотря на гнев, я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть на Хью через заднее стекло уезжающего прочь такси. Уже второй раз за эту неделю жёлтое такси становится моим способом бегства от мужчины. Разница в том, что этот мужчина не заслуживает такого взрыва эмоций. Хью имеет больше достоинств по сравнению с тем, кто остался там, дома. Я уже это понимаю, хоть и ничего не знаю о нём. Он относится ко мне с уважением: открывает передо мной дверь, смешит и успокаивает, когда я плачу. Он мне ничего не должен, тем не менее, делает всё для меня.

Даже проехав несколько домов, я вижу его истерику: он размахивает руками, его фотоаппарат подпрыгивает на груди. Почему-то, когда я пытаюсь сбежать от жизненной драмы, моё сердце снова и снова легко ей заполняется. Романтика — слишком сложное понятие для меня.

Поворачиваюсь и спрашиваю у водителя:

— Не могли бы Вы меня отвезти на Вашингтон Стрит?

Он кивает в зеркало.

Мне снова хочется заплакать. Однако лекарство, затуманив мой мозг, не позволяет это сделать, отвлекая от душевной боли и заставляя балансировать на краю. Удивительно, что мне хватило мужества вскочить и убежать от Хью, несмотря на кашу в голове из-за принятого лекарства. Это ещё раз доказывает мою решимость избавиться от прошлого. Возможно, мне нужно освободиться от всего.

Такси останавливается, я расплачиваюсь с водителем, вылезая из машины и забегаю в отель, где остановился Хью. Поднявшись на пятый этаж, врываюсь в его комнату, чтобы забрать свою небольшую сумку с вещами. Беру её со стула и накидываю лямки на плечи, затем останавливаюсь и осматриваюсь. Я думаю о том, что должна что-то сказать, объяснить с ним каким-то образом.

Иду в ванную и беру маленькое мыло, которое лежит на раковине. Сжав его пальцами, я каллиграфическим почерком вывожу на зеркале слово «Прости», словно красота каждой линии и росчерка каким-то образом сделает мои действия более объяснимыми. Это всё, что я могу сделать. Мне больше нечего ему предложить, кроме этой небольшой искренней части меня, ведь правды во мне практически не осталось.

Отхожу от зеркала, чтобы уйти. Закрываю за собой дверь и скачу галопом вниз по ступенькам. Мне необходимо скрыться прежде, чем он вернётся. Если Хью настроен решительно, а я думаю, что так и есть, он постарается застать меня здесь.

Когда я выхожу на улицу, мне становится немного грустно, от того что Хью не видно поблизости — всё так противоречиво во мне. Мне хочется обрести нового друга, но нет желания рассказывать ему правду о себе; я хочу, чтобы он был рядом, даже когда я его прогоняю. Мой мозг превратился в искорёженные обломки. Возможно, моя беда — одиночество, которое я чувствую на протяжении долгого времени, пока ищу то, чего уже нельзя найти. Мне надо просто научиться рассчитывать только на себя и больше ни на кого. Если я смогу существовать сама по себе, то, возможно, у меня снова будет всё хорошо.

Неторопливо спускаюсь по склону в направлении высотных зданий деловой части города. На самом деле, я ещё не была в этой части города и мне необходимо найти отель на ночь: какое-нибудь место, где сон избавит меня от тумана в голове.

Брожу вдоль многоэтажных строений, лавирую между старенькими трамваями и останавливаюсь перед большим отелем, фасад которого выходит на залив и FerryBuilding*. Я не утруждаю себя тем, чтобы вернуться в прежний отель за машиной. Поеду туда завтра и заберу её с парковки, чтобы продолжить автомобильное путешествие.

**FerryBuilding — сооружение, совмещающее в себе паромный терминал и торговый комплекс, в многочисленных магазинах которого продаются свежие дары моря, мясо, сыры, фрукты, хлебобулочные изделия, сладости и многое другое. Также в здании открыты несколько ресторанов и кафе.*

Это современный конференц-отель. Внутри меня встречает большая круглая скульптура, и кажется, что она вращается, хотя это не так. Или, возможно, у меня кружится голова от таблеток, поэтому иногда трудно понять, где реальные события, а где мои фантазии. В огромном атриуме собралась толпа народа: люди обедают, семьи болтают, а пары и одиночки собрались около барной стойки. Их голоса сливаются в гул, от которого я распадаюсь на мелкие кусочки.

Спустя двадцать минут я уже стою в своём новом номере, окна которого выходят на залив, однако, несмотря на изумительный пейзаж, мне сейчас намного важнее поспать и проанализировать события последних часов, нежели купаться в лучах заката.

Падаю на кровать и обхватываю руками несколько мягких перьевых подушек. Прокручиваю в голове события этого дня. Вспоминаю, как Хью размахивал руками, едва сдерживая восторг от идеи своей скульптуры в парке. В этом было так много страсти, что я легко прониклась с ним моментом и видела собственными глазами каждую деталь, которую он представлял. Да, это была крутая идея, но здесь таилось нечто большее. Я чувствовала связь с ним, ощущала, как он любит то, чего ещё даже нет, как ему нравилась идея чего-то — надежда на что-то.

В течение дня он был очарователен, забавен и умен. Очень давно со мной никто не разговаривал ни о чём, кроме моих проблем, поэтому я уже забыла, что такое настоящая беседа, когда ты не знаешь заранее, куда заведёт разговор, потому что подробности не станут разрушать вашу жизнь.

Но вид свадебной церемонии уничтожил наш идеальный день, вернув меня к причинам побега из дома. Желудок снова начинает сжиматься в болевых спазмах, и тёмное отчаяние ползёт по коже, заполняя каждую пору.

Я делаю то, что нужно в такие моменты: принимаю очередную таблетку, на этот раз синюю. Мне надо поспать и полностью очистить разум от серых мыслей. Я уступаю

злосчастному пузырьку и теперь могу на несколько часов взлететь на лёгкое облако.

FerryBuilding.

Глава 17

Он

Ши забрала все свои вещи из моего номера. Я молился, что по возвращении они всё ещё будут здесь, оставляя мне небольшую надежду снова увидеть её. Я очень торопился в отель, однако такси застряло в пробке из-за ремонта дороги. Девушке водителю следовало бы знать о нём, в конце концов, это её обязанность — знать улицы, по которым она ездит, но вместо этого она воспользовалась возможностью указать на свой статус, показав тетрадь на спиральных автографах знаменитостей, которых возила по городу.

Ударяю ногой по подушке, лежащей на полу. Именно этой подушкой Ши запустила в меня, когда я впервые привел её сюда и притворился, что меня обокрали. Оборачиваюсь вокруг, рассматривая каждую деталь комнаты в поисках неизвестно чего. Возможно, ищу себя.

Я был так спокоен и собран, с тех пор как вышел из тюрьмы и попал в реабилитационный центр, с лёгкостью решив, что чудом стал новым человеком и больше не буду совершать глупостей, которые совершал раньше, например, я больше не позволю этому придурку избить меня три раза подряд. Однако, когда встретил Ши, ко мне снова вернулись чувства. Те чувства, которые я пытался подавить, с тех пор как ступил на незнакомую территорию.

Да пошло всё на хрен!

Ударяю кулаком в тошнотворно зелёную стену. По костяшкам пальцев растекается хорошо ощутимая боль. От удара на гипсокартонной стене остаётся зияющая трещина и до меня доходит, что Ши сделала такую трещину на моем аккуратно сложенном фасаде, который не так легко отремонтировать или заменить. Мне и не хочется его менять. Я хочу

сорвать его и посмотреть, что будет.

Ведь я могу, и сделаю это. Надавливаю на трещину, и куски падают в полое пространство стены. Не знаю, что хочу там найти. Внутри пусто и темно, совсем как в моей душе, и всё, что мне сейчас нужно, так это найти место, где я смогу напиться и забыться.

Прошло уже более двадцати четырёх месяцев с тех пор, как я опрокинул последнюю рюмку. А держать себя в узде — это, бесспорно, самая трудная вещь, которую мне когда-либо приходилось делать. Нельзя так просто по мановению волшебной палочки решить бросить пить и спустя несколько недель или даже месяцев избавиться от потребности. Нет, зависимость — это постоянная борьба. Когда я вижу, как кто-то напивается до потери сознания, мне его не жаль — я ему завидую. Это болезнь, но я не хочу лечиться от неё, хотя знаю, что она причинит боль или даже убьёт.

В такие моменты слабости, я заставлял себя прислушиваться к хорошей стороне своего сознания. Кто-то назовёт это голосом разума, я называю не-проси-всё голосом.

Голос подсказывает мне: «Эта девушка лучше любого ликёра, к которому притрагивались твои губы, и ты хочешь ещё». На этот раз голос прав, и я готов к нему прислушаться.

Из-за шума, который я поднял, постоялец в соседней комнате стучит по стене. Или, может, это сосед снизу? Но мне всё равно, и я направляю всю энергию в сторону кровати, одновременно борясь с желанием пуститься на поиски ближайшей бутылки виски, спирта или пузырька NyQuil*. Печально, до чего же я докатился.

NyQuil — американская микстура от простуды, применяется перед сном и имеет в составе снотворные компоненты.

Если мне удастся заставить себя уснуть, то я смогу найти спасение во снах вместе с Ши. Каким-то образом, несмотря на то, что я каждой нервной клеткой борюсь с зависимостью, мысль о Ши спасает меня. Она — мой здоровый ум.

Глава 18

Она

Через оконные занавески в мою комнату просачивается тусклый свет. Поворачиваюсь под одеялом, чтобы посмотреть который час. Из-за снотворного я проспала достаточно долго. Если не потороплюсь освободить номер, то отель возьмёт с меня плату за ещё одну ночь. С нечеловеческой скоростью принимаю душ и одеваюсь. Стоя перед зеркалом, заплетаю влажные волосы в свободную косу. Мои волосы уже достаточно длинные. Они касаются спины, заставляя намочить мою рубашку с длинными рукавами. Мне смертельно хочется укоротить их и перекраситься, будто это вернёт меня в те времена, когда я была счастливее и адекватнее. Всё ещё думаю, что это поможет. Возможно, за время путешествия я наконец-таки решусь на стрижку.

Оплачиваю счет, регистрируя выезд из отеля, и выхожу на улицу. Сегодня небо, в конце концов, затянуло облаками. Именно такую погоду представляют, когда говорят о Сан-Франциско. Уныние и серые городские пейзажи соответствуют моему настроению и тёмным кругам под глазами. Я приехала сюда, чтобы мысленно начать всё сначала, а вместо

этого заставила единственного во всем мире друга ненавидеть меня.

Поднимаюсь по склону, минуя несколько зданий, пока наконец не дохожу до парковщика Брайтон Отеля. Не прошло и двух минут, как меня окликают: «Ши!» Узнаю голос, прежде чем в поле зрения попадает его обладатель.

Хью несётся вниз по улице, размахивая руками, словно бешеный осьминог. Его фотоаппарат быстро раскачивается на плече. В обычной ситуации, я бы улыбнулась при виде такого зрелища, но сейчас не реагирую. Мне неловко за вчерашнее поведение. Последние два дня я пыталась выдать себя за ту, кто ничего в мире не боится, а это очень далеко от правды, и он знает об этом.

Протягиваю парковочный талон работнику отеля, который срывается и бежит вниз по улице, чтобы пригнать мою машину с ближайшей стоянки.

— Что ты делаешь? — спрашивает Хью, добежав до меня.

— Уезжаю. Мне следовало это сделать ещё вчера, — сжимаю губы, держась за ремни рюкзака.

— Знаешь, ты нарушила данное мне обещание.

— Я не даю обещаний — вообще.

Больше никогда.

— Ты сказала, что покажешь любимое место в городе, и так и не сделала этого. Я всю ночь не спал, размышляя об этом.

Он продолжает говорить так, словно никогда не спрашивал меня о том, что произошло в Мэриленде, словно я не убегала от него как сумасшедшая идиотка. Дважды.

— Можешь представить себе бессонницу из-за чего-то подобного? Хуже не бывает.

— Ты и правда настойчивый, — вздохнув, говорю я. — Звучит нелепо, — нахмурившись, скрещиваю руки на груди.

— Для меня это важно, — искренне отвечает он.

Появляется мой арендованный Фиат, с водительского сиденья которого выпрыгивает гостиничный парковщик и протягивает квитанцию. Отдаю всю оставшуюся наличку, кроме какой-то мелочи, которую бросаю в карман джинсов. Сан-Франциско — дорогой город, и мне снова нужны деньги.

— Спасибо, мисс, — парень в восторге от чаевых.

— Что мы здесь делаем? — закидываю рюкзак в багажник и поворачиваюсь к Хью.

— Я всего лишь прошу у тебя ещё один день. Это всё. Вдобавок, за тобой должок.

Останавливаюсь и медленно произношу:

— Даже не знаю. Не думаю, что это хорошая идея.

Одним глазом смотрю на Хью, в то время как другим слежу за стеклянным входом в отель. Именно в этот момент я вижу его — старшего брата Брена, — Люка. Он нашёл меня. Или, по меньшей мере, отследил этот отель. Люк прямо и высокомерно стоит на ресепшен, разговаривая с рыжей девушкой в розовом топе за стойкой, той самой, которой я рассказывала о пропавшем велосипеде.

Он передаёт ей деньги. Единственная моя догадка — Люк пытается её подкупить, чтобы выудить побольше информации. Больше информации обо мне. У меня учащается пульс, и я изо всех сил стараюсь не спускать глаз с Люка. Не вижу, взяла ли она деньги, однако говорит пока только он. Это не самый плохой знак, особенно с его даром очаровывать девушек так, что они из трусиков выпрыгивают.

Каждый атом моего тела находится на грани взрыва. Люк нашёл меня. Он приехал в

поисках меня, чтобы вернуть домой. Ему неважно, что я не хочу с ним быть, и то, что Брен был любовью всей моей жизни и будет всегда. Люк просто хочет иметь то, что принадлежало его брату, хочет украсть меня и сделать своим трофеем в дополнении к десяти миллионам других проблем. Меня бросает в холодный нервный пот.

В панике я смотрю на свою машину, на загруженное дорожное движение, а затем на Хью. Принимаю быстрое решение.

— Ты уломал меня, пошли, — говорю я, и глаза Хью загораются счастьем. Боже, если бы он только знал.

Торопливо беру его за руку и увожу прочь. Если Люк обнаружит меня с Хью, то он убьёт его. Люк будет как обычно психовать и побьёт сначала Хью, а затем и меня. Эти шрамы появились не из воздуха. Я проклиная себя за то, что когда-то связалась с этим мужчиной.

Парковщик бежит за нами:

— Мисс, а что насчет вашей машины?

— Я передумала, — говорю быстро. — Не может ли она у вас ещё постоять?

— Конечно, — он отрывает розовый талон, который я рывком забираю из его руки и засовываю глубоко в карман.

К тому времени, как Люк с важным видом выходит из отеля, я уже тащу Хью в кафе на углу. Мы заходим внутрь, расстояние в десять футов и большое стекло разделяют нас с Люком, но этого достаточно, чтобы я практически видела горящие волны гнева, исходящие от его кожи. Если сравнить Люка с природным явлением, он бы был ураганом — мудаком пятого уровня опасности, уничтожающий всё на своём пути.

По правде говоря, я не могу винить Люка во всём, так как именно я приняла решение идти в шторм и стоять посреди него словно идиотка, позволяя бить меня и раскидывать части моей души, пока от неё ничего не останется. Да, в своё время я запуталась и была в отчаянии, но тем не менее нет прощения всему тому, что произошло между нами. Мне следовало бы лучше разбираться. Мне нужно было найти выход побыстрее.

— Что ты делаешь? — спрашивает Хью с небольшим раздражением.

— Мне нужна еда.

Я притворяюсь, что рассматриваю ассортимент на кондитерском прилавке, пытаюсь обуздать свои эмоции по отношению к человеку, которого ненавижу, находясь так близко к нему. Надеюсь, что смогу отвлечь Хью, так как ни при каких обстоятельствах не могу позволить столкнуться двум моим мирам. Ноги начинают дрожать. Я напрягаюсь, пытаюсь крепко держаться на ногах, и борюсь со своей реакцией.

— Я тоже проголодался, — говорит Хью, — но думал, если мне удастся догнать тебя, то смогу пригласить на обед. Знаешь, чтобы извиниться за ...

Он произносит эти слова и засовывает руки в карманы.

— Хм, — уклончиво отвечаю я и сажусь на корточки, так, что мои глаза оказываются на уровне нижней полки прилавка, но не для того, чтобы рассмотреть выпечку, а чтобы унять дрожь в конечностях. Всё плывёт перед глазами, и я не могу сосредоточиться на извинениях Хью.

Размытым взглядом наблюдаю за Люком. Он откидывает свои рыжеватые волосы от глаз и кладёт руки на узкие бёдра, сканируя лица прохожих. Сейчас он напоминает мне Брена: схожие внешние черты при таких разных характерах. Наблюдая за ним, чувствую боль в грудной клетке, где так сильно бьётся мое сердце.

— Ши, всё в порядке?

— Да, просто задумалась. — Стоп. Я держусь за стеклянный прилавок, чтобы сохранить равновесие, затем закрываю глаза и сглатываю, чувствуя, как раскаляется каждый нерв в моем теле.

Наконец Люк отправляется вниз по улице в сторону высотных зданий. Я встаю, всё ещё находясь на взводе, пока он не скрывается из вида, но, к сожалению, не из памяти. Испускаю дрожащий вздох, но уже слишком поздно, чтобы утихомирить панику, растущую во мне. *Люк здесь. Люк здесь!* Кусаю внутреннюю поверхность щеки и отворачиваюсь от Хью.

— Я сейчас вернусь, — бегу прочь, прежде чем он успевает ответить, и быстро закрываюсь в узком помещении туалетной комнаты. Наклоняюсь над раковиной, мои руки и ноги дрожат. Всклипываю, сжимаю и разжимаю пальцы, пытаюсь вернуть своё тело в реальность происходящего. *Всё хорошо. Всё хорошо.*

Поворачиваю кран, из которого вырывается поток ледяной воды, наклоняюсь и несколько раз брызгаю себе на лицо, затем наматываю на руку бумажное полотенце и вытираю кожу лица и рук, но это бесполезно. Знаю, что мне необходима таблетка. Так не хочется зависеть от неё, но приходится. Прежде чем провалиться в чёрную яму повышенного чувства тревоги, быстро проглатываю очередную розовую пилюлю. Бог знает, как отчаянно мне хочется смыть их все в унитаз, но я знаю, что от этого не будет никакой пользы. Тогда всё станет гораздо хуже, и я ненавижу себя за это бессилие.

Спустя десять минут возвращаюсь к Хью. Мой вид говорит, что я подверглась суровому испытанию и не выдержала его. Мне нужно наладить отношения с ним. Он хороший парень, и я должна ему как минимум ещё один день. Учитывая сложившиеся обстоятельства, я и себе задолжала ещё один приятный день.

Глава 19

Он

Ши ведёт себя странно. Точнее, более странно, чем обычно. Пока она находится в туалетной комнате, я изучаю клиентов Французского кафе, пытаюсь найти причину её побега, однако не нахожу ни молодых, ни свадебных торжеств. Честно признаюсь, ещё ни одна девушка не заставляла меня так потрудиться ради встречи с ней. Но я чувствую, что если завоюю её, то моё ожидание окупится с лихвой. Меня завораживает её сияние. Даже по одной маленькой искре, исходящей от неё, можно догадаться о пламени, горящем внутри.

Она появляется рядом со мной, глядя в окно немного отсутствующим взглядом. Чтобы слегка подбодрить, кладу руку ей на плечо. Аккуратно, ничего не требуя взамен, так, чтобы моё движение не спровоцировало очередное бегство. От моего прикосновения напряжение у неё в мышцах ослабевает, а тело расслабляется, словно камень упал с души.

— Ши?

— Я собиралась продолжить автомобильное путешествие, но мне понравилось твоё предложение. Давай сделаем это, — говорит она, и я вижу едва заметный проблеск её нормального состояния.

Ласково улыбаюсь ей, ведь я счастлив, что у нас будет ещё один день.

— И куда же мы отправимся? — указываю в сторону выхода, и мы направляемся к двери.

— Думаю, мы должны начать с того места, где остановились вчера, прежде чем я повела себя как круглая дура, — говорит она, и, развернувшись, спускается по склону. — Мне было весело с тобой, поэтому хочу извиниться за то, что распсиховалась.

— Больше не будем вспоминать об этом, — я выучил урок, и так даже лучше, ведь этими словами я завоевал нечто более важное — одну из её прекрасных улыбок.

— Давай снова знакомиться со стилем Сан-Франциско, — её глаза загораются, и она поправляет сумочку на плече.

— Что это значит?

— Увидишь.

Сначала Ши вновь останавливается у банка, но в этот раз проходит мимо банкомата и направляется внутрь к кассиру, по-видимому, чтобы снять более крупную сумму. Интересно куда, чёрт побери, можно было потратить все те деньги, которые она обналичила вчера? Судя по той пачке, которую она засовывала в сумочку, там было минимум двести долларов. Однако все вопросы у меня отпадают, когда она возвращается и ведёт меня через Юнион Сквер. Там у уличного торговца Ши покупает широкополую шляпу с огромными полями и зеркальные очки-авиаторы.

— Заметила, сегодня облачно?

— Ага, — абсолютно равнодушно отвечает она, натягивая на голову шляпу и надевая очки на положенное место. Стягивает косу в узел и прячет под шляпу. Когда заканчивает, то похожа на богемно одетую кинозвезду, которая не хочет, чтобы её узнали. Ши выглядит так, словно не заботится о внешнем виде, хотя весь образ кричит о её стильности и независимости.

Мы проходим несколько кварталов по Пауэлл Стрит и вскоре встаём в очередь к одной из самых искусных приманок для туристов — Канатному трамваю Сан-Франциско. Хотя в очереди полно народу, она быстро продвигается, и, когда оказываемся в начале, фортуна улыбается нам, и мы занимаем лучшие места в вагоне.

Сажусь на деревянную скамейку у окна, но Ши настаивает на том, чтобы занять места на подножке и держаться за один из наружных медных поручней. Кондуктор собирает билеты, а проводник резко дергает вниз-вверх ручку сцепления. Когда он наконец подсоединяется к уличному кабелю, трамвай рывками движется вперёд.

Приятное скольжение вагона совмещается с грохотом колёс, и создаётся впечатление,

что мы на деревянных американских горках, катание на которых вызывает смех у сидящих в вагончиках туристов. Трамвай поднимается в гору, по пути несколько раз останавливаясь на перекрёстках.

Я поднимаю фотоаппарат и делаю несколько быстрых снимков старинного вагона, его механического управления, проводника и кондуктора, а затем и Ши. Серия моих фотографий всегда заканчивается её прекрасным лицом. Она внимательно следит за проплывающими мимо пейзажами, а как только мы въезжаем на высшую точку самого большого холма, и трамвай устремляется вниз по спуску, пищит от восхищения. Он поворачивает так резко, что едва не сметает три машины и заставляет отпрыгнуть нескольких пешеходов.

— Сколько фотографий ты уже сделал за время этого путешествия? — наклонившись ко мне, спрашивает она, крепче сжимая поручень пальцами.

Пожимаю плечами и, подсчитав, отвечаю:

— Возможно триста или что-то около того.

— Триста!

— Примерно. Почему ты спрашиваешь?

— Ты когда-либо задумывался о случайных прохожих на заднем плане твоих фотографий, попадающих в объектив фотоаппарата?

— Не особо.

— Ну, задумайся. Мы путешествуем по огромному городу. Сколько людей сфотографировало нас? За несколько дней их число, возможно, дошло до сотни, а если представить путешествие длиною в жизнь, то фотографии будут исчисляться миллионами.

— Но это невозможно узнать.

— Бьюсь об заклад, что уже нашлись уникальные учёные, эдакие исключительные зануды, которые изобрели уравнения, чтобы подсчитать такую цифру.

— Может, ты скрыла от меня, что как раз и являешься этим исключительным занудой?

Она смеётся:

— Если я не могу управиться с фотоаппаратом, то эта область уж точно мне не по зубам.

— В этом мы с тобой похожи. Кажется, настала моя очередь угадать, чем ты зарабатываешь на жизнь.

— Ни за что не догадаешься. Даже за сто тысяч сиксиллиардов лет.

— Вызов принят, — осматриваю её с головы до ног, изучая каждый миллиметр тела, словно одежда сможет дать мне подсказку о сфере её деятельности. Пытаюсь не задерживать взгляд на каком-либо определённом месте, однако не тороплюсь, что, честно признаться, мне не свойственно. Я отношусь к тому типу людей, которые ни на секунду не задумавшись, бросаются в омут с головой. Ну, во всяком случае, это прежний Я. Но внутри нового меня постоянно звучит этот не-просри-всё голос, который напоминает, что не стоит торопиться, когда имеешь дело с чем-то хорошим. И старый Я соглашается, что Ши как раз является определённо чем-то хорошим.

— Ну что, есть догадки?

— Всё ещё продумываю варианты, — говорю, хотя кажется, она знает, чем я занимаюсь, и не возражает против этого. Уже собираюсь сказать что-нибудь достаточно остроумное в духе наших регулярных подколов, но правда заключается в том, что мне не хочется отвечать. Мне хочется сохранить возможность смотреть на неё в любое время, что оказывается

чертовски приятным занятием. Мне всего лишь хочется сохранить в памяти каждую веснушку на её лице, каждый изгиб её тела, даже если это всего лишь на один день.

— Ну и? — спрашивает Ши, торопя меня с ответом.

— Я решил на некоторое время придержать свои наблюдения.

— Ха! Это значит, что у тебя нет никаких догадок!

Я киваю, ни соглашаясь, ни отрицая её слова. В конце концов, мне не нужна такая же дурацкая карнавальная слава, как у Ши. Но когда я озвучу свою догадку, то хочу, чтобы она была поражена и ошеломлена моей проницательностью, так же как она поразила меня. И хотя Ши и считает, что надёжно спряталась за полуправдивыми рассказами, подмигиваниями или просто откровенной ложью, всё, что ей на самом деле удалось — медленно прорисовать свой истинный образ, по которому я скоро пойму, кто она на самом деле.

— Посмотрим.

— В таком случае, я победила! — она триумфально улыбается.

— Это пока я тебе позволяю.

Когда трамвай тормозит на конечной остановке в нескольких кварталах от Рыбацкой Пристани, Ши выпрыгивает:

— Пойдём, мы приехали.

— Это твоё любимое место?

— Всего лишь первая остановка, поэтому приготовься, — она хватает меня за руку, соединяя наши ладони, и её тело оказывается очень близко к моему, именно так, как я люблю.

— Мне страшно, — произношу шутливо.

— Так и должно быть.

Мы прогуливаемся в районе пристани, однако довольно быстро меняем направление, удаляясь от многочисленных туристов. Пройдя несколько кварталов на запад, Ши приводит меня к ряду древних сувенирных магазинов, где торгуют дешёвыми товарами. В одном из них она указывает на футболку с модным рисунком — мультяшная белка с доской для серфинга и забавной надписью: «Кто трогал мои орехи?» На других футболках классические чёрточки, изображающие сексуальные позы мужчина/женщина, мужчина/мужчина, однако нет ни одной, где бы было две женщины. А также футболка с абсолютно счастливой надписью: «Я сегодня обкакался». Слава Богу, она не покупает ни одно из этих произведений искусства, и мы двигаемся дальше.

— Вот оно! — она указывает в направлении одного из зданий.

— Магазин?

— Нет, не магазин. Вот, — она останавливается перед устройством для чеканки монет, с помощью которого можно сделать сувенирную одноцентовую монету.

— Думаю, мне придётся признать ваше поражение, мисс я-не-знаю-вашей-фамилии, — я останавливаюсь. Её несмелая искренность вскружила мне голову, тем не менее это так странно, что за всё то время, которое мы провели вместе, я всё ещё не знаю её настоящего имени. — Этот аппарат не может считаться твоим любимым местом в городе, так как по факту это всё-таки вещь, а не место, — я опираюсь на боковую стенку и кладу руку на верхнюю часть машины.

— Успокойся, следопыт, это всего лишь то, что я люблю делать во время путешествий. У тебя найдётся монетка? — она шарит у себя в карманах и выуживает оттуда два четвертака

и одну одноцентовую монету.

— Итак, эта штукавина забирает пятьдесят центов и возвращает незаконно испорченную монету в один цент?

— Я не знаю, преследуется ли порча монет законом, — говорит она. — Но постоянно вижу, как на долларовых купюрах пишут адреса разных сайтов. Как таким людям удаётся избежать неприятностей? И этих аппаратов уже давно бы не существовало, если бы всех, кто ими пользовался, преследовало правительство.

— Или, возможно, все эти устройства принадлежат правительству и являются их способом нажиться, чтобы покрыть государственный долг.

— Какая, оказывается, у тебя теория заговора, — смеётся она. — Ладно, в таком случае, я буду патриотом и сделаю то, что требуется, — она наклоняется и выбирает вид будущей сувенирной монеты.

— Как думаешь, какую выбрать? На всех написано Рыбацкая Пристань, Сан-Франциско, но можно выбрать изображение краба, моста, парусника или трамвая.

— Трамвай! — произносим мы одновременно.

— Мысли гениев сходятся, — она кивает, наверное, до конца не понимая, насколько мы похожи. Единогласным решением выбираем трамвай, и она ставит ручку напротив изображения трамвая и опускает монету в аппарат. Ши изо всех сил поворачивает рычаг, и монета проходит через шестерёнки и кривошипы. Получившаяся монетка со звонким *динь-динь* выпадает на серебряную подставку.

Она наклоняется, чтобы взять её, и зажимает между пальцами:

— Хью, я желаю тебе самую плоскую задницу. Это то, к чему тебе стоит стремиться.

Я поворачиваюсь к ней спиной, натягиваю штаны на заднице и напрягаю мышцы:

— Сегодня она уже более плоская? — Наблюдаю за её реакцией через плечо.

— Хм, — она подходит ближе и медленно проводит рукой по моей пятой точке, ощупывая, словно товар в магазине, и от её прикосновений я всё больше напрягаюсь. Каждое движение вызывает судороги в области ширинки, которые я пытаюсь прогнать. На самом деле, ей много не надо, чтобы спровоцировать такую реакцию. Я могу завестись даже от одного её взгляда.

— Давай посмотрим, что у тебя там, — она кладёт руку на мою левую ягодицу и сжимает её, затем шлёпает меня два раза. — Боюсь, что нет, круглая попка, — шепчет она мне на ухо. Тепло её дыхания отзывается покалыванием в руке.

— Ты уверена, что не хочешь взглянуть ещё раз? — Боже, лишь бы она сделала это снова.

— Может позже, — она заливается краской, и это позволяет мне подумать о том, что я заслуживаю более высокой оценки, чем «круглая попка».

— У тебя есть идеи, как помочь моим несчастным булкам? — игриво говорю я.

— Фэн-шуй Тако! — кричит она, указывая пальцем куда-то через дорогу.

Устройство для чеканки монет.

Глава 20

Она

— Не думаю, что Фэн-шуй Тако будет решением проблемы плоской задницы, — грустно говорит Хью, словно переживает, что наши подколы про пятую точку прекратятся.

Мне тоже тоскливо, однако, стоит быть осторожнее. Часть меня осознает, что наши отношения не должны привести к тому, к чему всё идет. Но другая часть жаждет прикоснуться к Хью и наслаждаться его обществом. С ним очень легко. Балансируя на краю, принимаю единственное верное решение — поест. Как раз через дорогу стоит жёлтый фургон-ларёк. Мой желудок живо отзывается на пряный аромат, которым наполнен воздух вокруг.

— Итак, как насчёт такого фэн-шуй перекуса? — спрашиваю я его, направляясь к

фургону. — Ведь архитектор у нас ты.

— Без проблем. Надо всего лишь гармонично сочетать пять элементов в своём блюде, — сообщает он профессорским тоном.

— Посмотрим, прав ли ты.

Мы подходим к ларьку. На нём рядом с логотипом толстыми чёрными буквами написана от руки мантра Фэн-шуй Тако: *СЧАСТЛИВАЯ КУХНЯ — СЧАСТЛИВАЯ ЕДА ПЯТЬ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ВКУСОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ*.

— Динь-динь. Господин Не-знаю-вашей-фамилии, вы, выиграли!

Хлопаю в ладоши и имитирую рёв толпы, как в телевизионных играх.

— Спасибо. И какова награда?

— НунЧак курица, авокадо, помидор, вонтон*, секретный острый соус, пшеничный тако с кунжутными семечками! — читаю я в меню.

**Вонтоны — китайские пельмени.*

— Мне всегда хотелось попробовать нечто подобное!

— Здорово. Берём два.

Я подхожу к окошку и заказываю.

Владелец фургона берёт деньги и через некоторое время протягивает две картонные коробки с едой. НунЧак курица оказалась вполне съедобна. Мы с Хью поглощали её, прогуливаясь по набережной, периодически останавливаясь, чтобы отогнать назойливых чаек, которые при виде еды нападали на нас.

— Чайки просто обязаны попробовать НунЧак курицу и узнать, что она стоит того, чтобы за неё побороться.

Делаю взмах рукой в сторону одноногой птицы, которая словно бомба пикирует вниз.

— Они злые! — говорит Хью, отмахиваясь от двух хищников. Мы быстро наклоняемся и проходим в нишу рыболовного магазина, чтобы в тишине и спокойствии доесть наши тако.

— Разве не странно, что чайки хотят съесть курицу? Похоже на каннибализм или что-то вроде того, — я запикиваю в рот последний кусок и облизываю пальцы.

— Чайки-каннибалы с Рыбацкой Пристани? Похоже на название малобюджетного фильма ужасов.

— Особенно, если бы чайки были зомби размером с мутантов и пожирали мозги. Возможно, они могли бы стать союзниками Кинг Конга в схватке с Годзиллой в твоей скульптуре?

— Наверное, я бы заплатил, чтобы это увидеть, — смеётся он.

— Мы могли бы вместе снять фильм. С современными телефонами можно сделать всё, что угодно. Есть огромное количество всевозможных приложений, возможно, даже для создания фильмов.

— Это идея! — Хью заканчивает с едой и выкидывает коробку в ближайшую урну. Преследовавшие нас двадцать мутантов зомби-птиц, охотящихся за мозгами, устремились к урне, пытаясь урвать остатки еды. Мы, воспользовавшись суматохой, быстро уходим прочь.

В солнечных очках я не выгляжу как полная идиотка, так как солнечный свет всё же пробивается сквозь серую пелену. Естественно, я прячусь от Люка, но его шансы найти меня в этом огромном городе призрачны. Тем не менее, тот факт, что Хью всё время меня находит, заставляет задуматься: если есть цель, то всё вполне реально. Эта мысль вызывает

дрожь беспокойства, но мне удаётся побороть страх и вернуться к нормальному состоянию.

Через несколько кварталов, недалеко от Аквапарка, затаскиваю Хью в очередной трамвай, но в этот раз мы садимся рядом, тесно прижавшись между перил.

— А что ты делаешь со скопившимися испорченными одноцентовыми монетами? — спрашивает он.

— Мне всегда хотелось сделать из них браслет с брелоками, но не было времени. Пока что они лежат в старой коробке из-под сигар на моём туалетном столике.

— Сколько их у тебя?

Я кручу в руках одноцентовую монету, размышляя, стоит ли ему говорить правду о том, что она единственная и других не существует, так как на самом деле я никогда нигде не была и ничем подобным в жизни не занималась. В мечтах я везде побывала и проделала всё, что отражалось на самодельных плакатах с фотографиями каждого места, куда бы хотела поехать, но в реальной жизни ничего из этого не осуществилось. Мы с Бреном собирались посмотреть мир по окончании колледжа. Но этому не суждено было случиться.

— У меня их так много, что я уже сбилась со счёта, — приходится врать в ответ, ведь это лучше, чем горькая правда.

— Я всегда думал, что давно пора отказаться от использования мелочи. Как по мне, монеты абсолютно бесполезны, — Хью берёт у меня монетку и подносит к лицу, изучая детали.

— Вот почему мне нравится идея их повторного использования. Каждый заслуживает второго рождения, иметь второй шанс. Даже старая замызганная одноцентовая монета, — мне безумно хочется верить, что это действительно так.

— Настало время, когда ты сообщишь мне о своей татуировке на копчике в виде бабочки, как у женщин лёгкого поведения, так как она символизирует обновление?

— Хватит прикалываться. И да, по определённой причине у меня есть одна, — смеюсь я.

— Неправда.

Киваю головой, толкая его.

— Серьёзно? Где? Я тебе не верю, — он игриво приподнимает край моей рубашки, а я борюсь с ним, игриво ударяя ему по голове и по руке.

— Тебе никогда её не увидеть.

Люди вокруг не сводят с нас глаз, с выражением «почему бы вам не уединиться», но мне всё равно. Находясь здесь с Хью, я счастлива, потому смеюсь и улыбаюсь. Счастлива просто от того, что счастлива. Думаю, именно поэтому продолжаю гулять с ним. Чувствую, что приближаюсь к своему нормальному состоянию, словно плохие моменты сегодняшнего дня уже позабыты и находятся в дальнем углу сознания, а хорошие их перекрыли с лихвой.

Прежде чем эта мысль доходит до моего сознания, мы практически возвращаемся к тому месту, откуда начали сегодняшнее путешествие — Китайский Квартал.

— Давай выйдем на следующей остановке.

Выходим из трамвая на перекрёстке Калифорния и Пауэлл Стрит и спускаемся вниз по склону.

— Можно ли спросить, мы уже на месте?

— Почти пришли.

— И почему мне кажется, что мы ходим кругами?

— Так и есть. Если бы мы пошли пешком к моему любимому месту сразу же, то наше

приключение продлилось не дольше пятнадцати минут.

Впервые, Хью берёт меня за руку. Да, до этого мы держались за руки, но инициатором была я. С ним я была чувствительной и ласковой, возможно даже настолько, насколько этого нельзя допускать, с тех пор как я объявила нас друзьями. Однако с момента нашей встречи всё между нами так естественно встало на свои места, словно наше знакомство было предначертано судьбой. Правда заключается в том, что независимо от моего состояния, я не могу перестать флиртовать с ним, так как меня привлекают и очаровывают его густые тёмные волосы, мягкий взгляд, низкий скрипучий голос и природная доброта. С каждой улыбкой, которую он вызывает у меня, чувствую, что всё больше и больше влюбляюсь в него. Всё это может заставить убежать прочь, но я не могу этого сделать.

Я не отталкиваю его. Я позволяю эту близость, несмотря на то, что это уже означает нечто большее, чем несколько минут назад. Себе, ему, нам обоим. Хорошие моменты перевешивают, и я отворачиваюсь, чтобы он не увидел мою улыбку. Сердце начинает биться быстрее при мысли о зарождающейся влюбленности.

В Китайском квартале мы останавливаемся, чтобы сделать ещё одну сувенирную одноцентовую монету. В этот раз на ней отчеканивается изображение Ворот Китайского квартала. С этого момента в моей коллекции две монеты. Ещё девяносто восемь и моя ложь перестанет быть ложью. Сто штук кажется достаточным количеством, чтобы говорить, что сбился со счёту. Наконец-то я могу хоть что-то из того, что рассказала Хью, сделать правдой.

Останавливаюсь и делаю глубокий вдох, по большей части для того, чтобы свести Хью с ума, ведь это часть нашей забавы:

— Здесь ты можешь ощутить запах моего любимого места.

— Понюхать его?

Он тоже втягивает воздух носом.

Тяну Хью в узкий переулочек с пожарными лестницами на торцах домов и непонятными китайскими вывесками к открытым двойным дверям маленькой фабрики.

— Та-дам! Вот моё любимое место в городе.

— Фабрика по производству печенья с предсказанием, — кивает он. — Она мне однозначно нравится.

Мы заходим внутрь, где нас встречает чрезмерно рьяный менеджер китаец.

— Добро пожаловать на нашу фабрику. Подходите ближе.

Он аккуратно подталкивает нас в направлении занятых работников завода. Помещение достаточно узкое и всё заставлено огромными машинами по производству печенья. Конвейер мини-утюгов, похожих на вафельницы, которые делают плоские круглые кружочки карамельного цвета. Рабочие берут по одному кружочку, кладут в середину бумажку с предсказанием, затем сворачивают печенье пополам и кладут на серебряный вал для придания единой формы.

Хью, конечно, тут же принимается фотографировать всё и всех. В это время я замечаю табличку, на которой написано: «50 центов за фото». Быть может, десяти долларов хватит за доставленное неудобство.

— Свежее печенье, — менеджер протягивает нам ещё тёплые свежие несвёрнутые печеньки.

— Спасибо! Пахнет восхитительно!

Откусываю кусочек. Печенье тает во рту.

— Как вкусно, — ради угощения Хью наконец-то прекращает фотографировать.

— Можно купить упаковку? — указываю на заполненную полку на стене.

— Конечно. Вы хотите простые, с шоколадом, микс или с пошлыми предсказаниями?

Менеджер игриво приподнимает бровь, переводя взгляд с Хью на меня.

Я смотрю на Хью:

— Итак?

— Я должен выбрать? На мой взгляд, ответ очевиден.

— Ты такой же как и все! — смеюсь я. — Как насчёт одной пачки простых и пачки пошлых?

Наша беседа вызывает у менеджера улыбку. Я расплачиваюсь с ним, и он кладёт покупки в утилизируемый продуктовый пакет, затем отдаёт мне сдачу.

Мы с Хью выходим, и я поворачиваюсь к нему:

— Теперь, когда ты увидел моё место, кажется, наш день подошёл к концу.

Глава 21

Он

В глубине души я весь день боялся этого момента. Момента, когда буду стоять напротив Ши, и она скажет, что собирается уйти в третий раз или, может, уже в четвертый. Я сбился со счёта.

— Мне кажется, что нам надо нарушить правила и договориться о ещё одном свидании, — предлагаю я и засовываю руки в карманы, заранее зная ответ. Пока жду её решение, чувствую, как в груди разливается тяжесть.

— Мы не можем продолжать встречаться и вот так флиртовать. На самом деле, ты мне нравишься. Возможно даже больше, чем просто как друг, — признаётся она, и на лице появляется тень живого румянца.

Я уверен, что это лишь малая часть той правды, которая прошла через её внутреннюю оборонительную стену и прекрасные пухлые губы, которые я смертельно хочу целовать на протяжении нескольких дней. Поднимаю руки, скрещиваю пальцы на затылке и начинаю ходить кругами, размышляя, как остановить её, сделать что-то, чтобы она передумала. И высказываю единственную мысль, пришедшую в голову.

— Окей, у меня есть предложение, — я останавливаюсь перед ней.

— Слушаю, — говорит она, надевая через плечо сумку с печеньем.

— А что, если мы отдадимся на волю судьбы? Должна же эта сучка нести хоть какую-нибудь ответственность?

— Должна, — Ши ухмыляется, покачиваясь на пятках.

А я понимаю, что у меня есть шанс, ведь она всё ещё здесь.

— Итак, выслушай меня, — перекидываю ремень фотоаппарата через плечо, так, что он оказывается за спиной и начинаю жестикулировать руками. — Ты собираешься в автомобильное путешествие, так?

Она кивает.

— Я как раз собирался прокатиться на своей машине и осмотреть город, но лучше проведу оставшееся время с тобой.

Ши взмахивает рукой в воздухе, словно говоря «Ближе к делу».

— Давай сейчас разойдёмся и встретимся через два часа, когда я поставлю машину на стоянку.

— Это не судьба, а продуманный план, — указывает она.

— Вовсе нет. Частично, это всё-таки судьба. У нас есть два места встречи: первое — твоё любимое место, прямо здесь, а второе — моё, на другой стороне города. Ты едешь в одно из них с намерением забрать меня. И если мы окажемся в одном и том же месте, то это судьба, которая говорит, что мы должны продолжить общение. А если нет, то вернёмся к нашим обычным жизням, словно никогда до этого не встречались.

Некоторое время Ши ничего не отвечает, что является хорошим знаком. Похоже, она обдумывает моё предложение. А я нахожусь на грани: тело напряглось, и мне едва удаётся дышать, когда она начинает слегка шевелить губами и, наконец, даёт ответ.

Глава 22

Она

— По рукам!

Знаю, мне не следовало соглашаться, но не могу ничего поделать с тем, что хочу снова увидеться с Хью.

- Скрепим рукопожатием? — смеюсь я.

- Давай без этого. Но будем считать, что сделали это, — морщит лоб Хью.

Так странно уходить друг от друга, даже не обнявшись, несмотря на то, что каждый раз я убегала от него. Хотя сейчас вероятность, что мы больше не увидимся, гораздо выше. Такая возможность была и раньше, но мне некогда было думать об этом. До этого я вынуждена была убегать. Однако его предложение одновременно и пугает и приносит облегчение, именно поэтому оно такое заманчивое. Нет необходимости принимать трудное решение сейчас — судьба всё решит за нас, как и случалось на протяжении всей моей жизни. Я узнала, что только так можно всё контролировать.

— Итак, через два часа я забираю тебя в одном из этих мест? — медленно отхожу в сторону своего автомобиля. Хью делает то же самое, но в противоположном направлении. Невидимая нить между нами натягивается словно резинка, которую растянули до предела, и в любой момент она может порваться, разъединив нас навсегда, от чего мне становится очень грустно.

— Да.

Он поднимает фотоаппарат и, прищуривая глаз, смотрит в видоискатель, чтобы сделать последний снимок, словно до этого сделал недостаточно фото девушки-с-выдуманным-именем. Снимаю очки и шляпу, открывая себя ему, позволяя волосам свободно развиваться. Раздаётся щелчок затвора. Представляю, что это фото, словно прощальный поцелуй, и единственная фотография, на которой я слегка улыбаюсь. Теперь он может добавить меня к миллионам тех людей, которых запечатлел за последние несколько дней. После сегодняшнего дня, я могу стать просто девушкой из толпы.

— Значит, если я увижу тебя, то мы продолжим встречаться?

Отхожу в сторону, сжимая края шляпы.

Хью кивает, а его глаза наполнены грустью. Кажется, для него вся ситуация просто невыносима, и, наконец, он уходит прочь. Когда Хью сворачивает за угол в ста футах от

меня, смешиваясь с туристами, вздыхаю с непонятным облегчением, однако сразу же ощущаю его отсутствие, которое постоянно заставляет меня снова искать встречи с этим парнем.

— Он тебе нравится, — говорит кто-то со стороны фабрики печенья с предсказаниями.

У входа, скрестив руки, стоит менеджер и кивает с понимающей улыбкой. Должно быть, он всё слышал и наблюдал за нами.

— Нет. То есть, да. Он и правда мне нравится. Очень. Но я не могу позволить этому продолжаться, — оглядываюсь в поисках подходящих слов и произношу, — всё очень сложно.

— Нет. Это ты всё усложняешь. Жизнь проста. Ты ему нравишься, а он тебе. Моя мама говорила, что вкус кофе и любви намного лучше, если они горячие.

— Это что-то вроде китайской пословицы?

— Нет, эфиопской.

— Несколько дней назад я должна была выйти замуж за другого.

— Но этого не произошло?

— Нет, — качаю головой и опускаю взгляд. Мне стыдно за то, как всё вышло.

— Значит нет никаких трудностей. Существует причина, по которой ты здесь, а не там, где планировала быть. Всё просто, — говорит он как ни в чём не бывало, и я верю ему. Мы с Хью познакомились не случайно. Наши отношения ведут к чему-то серьёзному. Владелец магазина привлекает внимание менеджера, приветствуя группу датских туристов, пришедших к ним, и я остаюсь одна со своими мыслями.

Признаю, что склонна усложнять некоторые вещи и считать их настоящими проблемами. Но возникает вопрос: могу ли я отодвинуть в сторону все переживания и нырнуть с головой в озеро счастья? Неужели это так просто? Пока я окунула только палец ноги и почувствовала тепло, но мне хочется полностью погрузиться в Хью. Конечно, когда я не сильно размышляю о последствиях.

Сердце говорит «Да» только потому, что оно не блещет умом. Иначе меня бы здесь не было. Но всё остальное — мой разум, прошлое, шрамы, разорванное свадебное платье в одной из помоек Сан-Франциско и мысль о Брене и Люке — громко кричат «Нет!»

Разные мысли боролись в моей голове, и я очнулась только тогда, когда чьи-то длинные пальцы схватили меня за руку, а острые ногти впились в кожу. Морщась от боли, я оборачиваюсь к Люку, который смотрит на меня яростным взглядом своих голубых глаз.

Перестаю дышать. Моё тело невольно начинает биться в конвульсиях. Он выследил меня. Естественно, следовало ожидать, что ему это удастся, но самое главное, мне надо было уехать сразу, как только поняла, что он здесь. Какая же я дура.

— Какого черта ты тут делаешь? Ты знаешь, на что мне пришлось пойти, чтобы найти тебя?

Он не стал расплываться в любезностях. Разве я ждала их от него? С самого начала всё вращалось вокруг него, но тогда я была слишком наивна, чтобы увидеть властный нарциссизм.

Мой ответ застыл на губах, затем вернулся назад в глотку, удушая. Делаю рывок и пытаюсь уйти прочь, однако он только усиливает хватку.

— Это так похоже на тебя: пересечь всю страну, а потом стоять здесь с таким видом, словно тебе нечего сказать, — говорит он, стиснув зубы.

Наконец мне удаётся высвободиться.

— Мне нечего сказать, могу только намекнуть: я не хочу быть с тобой!

Отталкиваю его.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я пролетела через всю страну, чтобы сбежать от тебя. Ведь действия красноречивее любых слов?

Он тихо смеётся, и его дерзость вызывает дрожь в теле, которое мгновенно прошибает холодный нервный пот.

— Когда до тебя дойдёт, детка? Тебе не удастся ускользнуть от меня, так же как не удастся забыть о твоём прошлом. Из нас с Бреном ты выбрала меня, и теперь мы связаны навсегда. Я никогда не упущу своего, и ты это знаешь.

Улыбка на его лице напоминает мне о Брене. Когда-то она заставляла таять моё сердце, но теперь от неё в желудке появляется бушующий океан кислых волн. Люк думает, что я принадлежу ему. Он всё время обращался со мной подобным образом. Вначале это казалось милым проявлением заботы, однако быстро превратилось в необходимость контролировать, манипулировать, а иногда, в те особые минуты, заканчивалось смачным ударом в челюсть или случайным шрамом, о котором хотелось забыть.

— Чёрта с два!

Я бегом пустилась прочь, едва не сбив туристическую группу китайских пенсионеров, которые вряд ли могли чем-то помочь в сложившейся ситуации. Они даже не посмотрели ни на меня, ни на Люка, ни на нашу жёсткую перебранку. Я бросаю свою новую шляпу цвета фламинго и блестящие солнечные очки, а сумочку и пакет с печеньями крепко держу, пока они подпрыгивают в такт быстрому бегу.

Свернув за угол на оживлённую центральную улицу, спотыкаюсь, так как у меня на ногах импортные атласные тапочки — они совсем не предназначены для эпических погонь. Люк использует своё преимущество и сокращает расстояние между нами, и по мере его приближения моё сердце начинает тревожно биться. Принимаюсь активнее работать руками. Чем сильнее пыталась оторваться от него и обрести независимость, тем сильнее он цеплялся за меня, увеличивая количество наших встреч. Скидываю тапки и уже босиком срываюсь с места. Мои пятки, ступни и пальцы сцепляются с асфальтом. Такое ощущение, что я бегу по наждачной бумаге, а каждый вздох режет горло словно бритва.

— На помощь! Кто-нибудь, позвоните в полицию, — я указываю назад на Люка, когда пробегаю мимо группы туристов, но они, кажется, ошарашены моей просьбой. Нет возможности останавливаться и объяснять им, поэтому продолжаю бежать. Бегство — единственный способ оказаться в безопасности. В следующий раз, когда он ударит меня, возможно, я уже не очнусь. Бегу между машин, уличных торговцев, вниз по переулкам, за мусорными контейнерами. Мне уже несколько раз доводилось бывать в этом районе, поэтому надо воспользоваться преимуществом, так как на стороне Люка длинные ноги, хорошая выносливость и сила. И зная его, как саму себя, могу сказать абсолютно точно, что он проделал весь этот путь не для того, чтобы позволить мне ускользнуть. Он ни за что на свете не отпустит меня добровольно.

Мой спасательный круг появляется в виде магазина, где я покупала одежду в первый день. Глаза владелицы расширяются от удивления, по мере моего приближения. Уверена, выражение её лица каким-то образом зеркально отражает мою собственную панику.

— Пожалуйста, помогите мне! — умоляю, сжимая её маленькие бледные руки, одновременно оглядываясь через плечо и пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Люк

пока ещё не заметил меня, его взгляд рыщет в нижней части улицы, где я как раз должна была быть.

Она кивает головой, ни о чём не спрашивая и не выискивая источник опасности, быстро тянет меня внутрь.

— Спрячься за прилавком, — указывает она.

На четвереньках я огибаю прилавок, в то время как она окидывает взглядом пространство перед магазином и закрывает дверь, отделяя нас от звуков проезжающих машин, фотографирующих туристов и, самое главное, Люка.

Прижимаюсь к стене, расположившись между мусорным ведром и картонными коробками, и делаю глубокие вдохи, пока мышцы сводит судорогами. Превратившись в маленький шарик, пытаюсь успокоиться. Голова падает на колени, и я начинаю истерично рыдать, так как понимаю: то, что произошло — только моя вина. Начиная с первой ночи несколько лет назад, моя жизнь коренным образом изменилась, и я больше ничего не могу контролировать.

— Может, кому-нибудь позвонить?

Она аккуратно кладёт руку на моё плечо. Вздрагиваю и поднимаю глаза, чтобы увидеть, что хозяйка магазина сама практически готова расплакаться.

Качаю головой и вытираю мокрое лицо.

— Нет. Спасибо за то, что помогли мне. Спасибо.

Каждое слово даётся с огромным трудом.

Хочется выть от того, что я снова чуть не потеряла себя. Закрываю глаза, моля о том, чтобы всё наладилось.

Мне хочется к Хью.

Глава 23

Он

Сейчас, находясь перед Дворцом Изыщных Искусств, я уверен, что надо было выбирать фабрику печенья с предсказаниями. Однако я очень сглупил, и причина тому не то, что я согласился на пятидесяти процентный шанс нашей встречи, а то, что сам предложил эту идею. Зная Ши, это была единственная возможность провести с ней ещё один день.

Судя по моим наручным часам, прошло всего двадцать минут с момента нашего расставания, но я нервничаю, что, скорее всего, принял неправильное решение. Надо было просто взять её в свои руки, поцеловать так, как мне всегда хотелось, и сказать правду о том, что я не хочу больше ни секунды оставаться без неё, даже если мои слова станут причиной её очередного побега. Если между нами нет никакой другой правды, то пусть она хотя бы знает мою.

Сворачиваю за угол, не переставая думать о ней и её эксцентричном поведении, привлекательности и безумии, которые, сочетаясь, образуют вдохновляющую харизму, похожую на чистейший солнечный свет, даже в те моменты, когда она плачет. Я ни разу не встречал девушку, за которой, казалось, словно привязанный воздушный шарик, идёт солнце, окружая всё вокруг тёплой атмосферой. И для того, кто так много времени провёл в темноте, тепло её сияния является благодатью. Мне хотелось бы купаться в её лучах до конца своих дней.

Но даже от солнца бывают ожоги, и я напоминаю себе, что осталось 45 минут до условленной встречи. Глубоко вздохнув, мысленно допускаю, что никогда больше её не увижу. Тащу чемодан в конец парка, кладу его на бок и сажусь рядом так, чтобы видеть купол дворца и туристов, наслаждающихся прекрасным видом.

Она не придёт, не сюда. Я плохо продумал выбор места, или она и вовсе решила никуда не ехать. В любом случае, чувствую себя немного потерянным, когда настоящее солнце скрывается за облаками, окрашивая небо в пастельные тона. Это каким-то образом символизирует потерю моего солнечного света. И когда последний солнечный луч падает на купол дворца, слышу звук автомобильного клаксона позади себя.

— Хью! Поехали! Уже становится темно!

Если поворачивать голову с той скоростью, с какой повернул её я, можно запросто сломать шею. На обочине ближайшей дороги вижу Ши, которая машет мне рукой из старенького итальянского Фиата.

Тут же встаю, всё ещё находясь в шоке, что вижу её здесь, и мои ожидания оправдались, от того, что судьба на моей стороне — на нашей стороне. Возможно, судьба всё-таки не такая уж и сука. Широкая улыбка расплывается на моём лице, когда хватаю чемодан и перекидываю сумку через плечо.

— Мне кажется, вы опоздали на час, мисс не-знаю-вашего-имени.

Бросаю сумки в багажник, захлопываю его и затем быстро запрыгиваю на пассажирское сиденье. Пока я закрываю дверь, Ши завязывает волосы в свободный низкий хвост. Теперь, когда волосы не закрывают лицо, её шрам более заметен. Мне стоит больших усилий, чтобы не протянуть руку и не попытаться стереть его.

— Извини за опоздание. Пробки. Я подумала, если это всё-таки судьба, то ты будешь меня ждать. И вот, ты здесь.

Она заканчивает возиться с волосами и награждает меня кривой улыбкой, а её волосы всё равно выглядят растрёпанными.

— Так и есть.

Кладу руку на спинку её сиденья, безумно желая где-нибудь застрять с этой девушкой.

— Итак, куда же мы едем? Может в твою любимую часть Калифорнии?

Глава 24

Она

Когда Хью запрыгивает на пассажирское сиденье, у меня в душе разливается чувство облегчения, которое не испытывала уже много лет. Так или иначе, мне удалось убежать от Люка и встретить Хью, который ждал меня здесь, несмотря на опоздание. Я решила для себя, что отныне моя жизнь пойдёт в гору. По крайней мере, буду счастливой всегда, когда это возможно. И неважно, буду ли смеяться с человеком, которого едва знаю или с кем-то из знакомых. Какая разница, если это делает меня счастливой? Мне просто необходимы приятные моменты в жизни, чтобы перебороть плохие воспоминания, и поэтому неважно, как и кому я улыбаюсь, пока двигаюсь в этом направлении.

Я пробыла в магазине у Перл (*pearl — с англ. жемчужина) в Китайском квартале дольше, чем планировала. Так звали хозяйку магазина, и это имя ей идеально подходило: её светлые волосы переливались разными цветами, а светло-серая грубая кожа походила на раковину устрицы. После того, как я немного успокоилась, она отвела меня в свою квартиру, которая находилась над магазином, и заставила выпить горячий зелёный чай с чем-то, что Перл назвала *tangerduo*. И хотя всё то время, пока мы сидели в тесной кухне, оклеенной обоями в мелкий цветочек, она говорила со мной по-китайски, а её пожилая мама кивала и указывала на меня скрюченным пальцем, я соглашалась со всем, так как мне пока не удалось эмоционально собраться воедино.

В конце концов, у меня получилось это сделать, не прибегая к таблеткам, что само по себе было трудным испытанием. Я просто обязана была взять себя в руки, так как нельзя было полностью расклеиться, ведь предстояло сесть за руль и забрать Хью. После того, что со мной случилось, я очень нуждалась в нём, чтобы просто быть рядом и чувствовать себя в безопасности.

И вот уже во второй раз я бегу от своего прошлого, но теперь уже вместе с другом. С тем, с кем мне хочется быть больше, чем просто друзьями, пока это делает меня счастливой,

независимо от последствий и чувства вины, которое может возникнуть позже. Я заслуживаю того, чтобы быть счастливой.

Продолжая бегство, ставлю ногу на педаль газа, и мы устремляемся на Шоссе 101 по направлению на север. Проехав безумно красивый красный мост Золотые Ворота и извилистую дорогу между горами, вливаюсь в спокойное движение машин и бросаю взгляд на Хью. Он улыбается. Нет, это не широкая улыбка в 32 зуба, а скорее мальчишеская и непринуждённая. Такая улыбка появляется, когда ты отстраняешься от реальности, погружаешься в свои мысли и улыбаешься неосознанно. Это так мило. Его густые волосы развеваются на ветру, при этом Хью несколько раз проводит по ним пальцами. Не думаю, что он хочет поправить причёску, скорее всего, просто привычка. Повторив несколько раз подобное движение, откидывается на сиденье, расслабляет руки и вытягивает вперёд свои худые ноги. Склоняет голову и смотрит на меня из-под тёмных ресниц, затем настолько сексуально подмигивает, что я таю. Не думаю, что он хотел добиться именно такого эффекта. Боже, помоги мне устоять.

— Что? — спрашивает парень.

Трясу головой.

— Ничего, — говорю я, в то время как внутри поднимается тяжёлый жар от живота к груди, шее, затем заливают щёки, так как понимаю, он заметил, как я рассматривала его. Чтобы отвлечься, шарю рукой за сиденьем Хью, пытаюсь одновременно не съехать с полосы, достаю полиэтиленовый пакет и бросаю ему на колени.

— Можешь открыть его для меня?

— Конечно, — он ухмыляется и раскрывает пакет, в котором лежат две пачки печенья с предсказанием. — Итак, с какой начнём: старые добрые скучные печенья или супер-пупер-крутые, сто-процентно-смешные и пошлые?

Я смеюсь.

— Давай начнём ссс..., - растягиваю каждое слово, насколько это возможно, словно ведущий телевизионного ток-шоу, и вижу по его озорному взгляду из-под бровей, что он, несомненно, хочет открыть пошлые печенья. — Стандартных обычных скучных печений.

— Фууууу! — говорит он подвывая. — У меня есть идея получше.

Он открывает обе упаковки и высыпает их в полиэтиленовый пакет из супермаркета. Затем закручивает сверху, оставляя внутри немного воздуха, и активно трясёт его, смешивая обычные печенья с пошлыми.

— Перемешаем их! Сладкие, похожие на тебя, с пошлыми, похожими на меня, — он соблазнительно понижает тембр голоса.

— Я всецело отдаюсь на волю этих печений.

Наш маленький стёб заставляет петать всё моё нутро. Прямо сейчас моя улыбка намного шире, чем лицо.

— К тому же, я подумал, что пошлые предсказания сделают нашу поездку намного интереснее. Кто знает, сколько ты проведёшь времени за рулём.

— Да, думаю, мы сможем доехать отсюда до Аляски или окраины Южной Америки, если я сейчас развернусь и поеду в противоположном направлении. Мне всегда хотелось увидеть Мыс Горн, или он называется Мыс Страха?

— Вообще-то, Мыс Страха — это фильм, а Мыс Горн — остров в нижней части Чили, и если твой Фиат может ехать под водой, как в фильмах про агента 007, то это не станет большой проблемой. Впрочем, мы можем доехать до Ушуаи в Аргентине, которая считается

самым южным городом в мире.

— Остряк. Откуда ты всё это знаешь?

— Просто мне всегда нравились фильмы Мартина Скорсезе, и по мере взросления я был одержим картами. Некоторые ребята играли в казаков-разбойников, а я — в зануду. Я даже заставил маму оклеить стены моей комнаты географическими картами.

Хью открывает пакет и вытаскивает одно печенье, затем даёт его мне, рассказывая о правилах:

— Читаем предсказание и выкрикиваем в конце «в постели».

— Окей, — смеюсь я и откусываю кусочек, нарушая твердую оболочку зубами. Половина печенья крошится во рту, а мой влажный язык касается сухого кусочка бумаги внутри. Берусь за небольшой листочек, который кажется инородным предметом во рту, и достаю его. Ловко управляясь с рулём и лавируя в потоке машин, читаю то, что написано внутри:

— «Вы талантливы».

— В постели! — выкрикивает Хью.

— Точно, совсем забыла. В постели! — кричу я из кабриолета, пронзая встречный ветер.

Поворачиваю взгляд на Хью, который смотрит на меня с мальчишеской ухмылкой, от которой я готова умереть.

— Хороша в постели, да? — спрашивает он.

— Печенья лучше знают.

Заканчиваю со своим печеньем, в то время как Хью достаёт другое для себя, кладёт его между зубами и откусывает. Оно с хрустом разламывается, Хью достаёт маленькую бумажку и читает:

— «Признайте ваши недостатки».

— В постели! — выкрикиваем мы хором.

— Как мне удалось вытащить себе недостатки, а тебе талант в постели? — хохочет Хью.

— Не волнуйся, я научу тебя всему, что знаю сама, — касаюсь его коленки и сжимаю её.

Хотя все эти маленькие кокетливые намёки начинались как шутка, по мере того как мы лучше узнаём друг друга, они медленно набирают вес. И я не могу отрицать, что между нами проходят электрические разряды. Это вызывает у меня дрожь, и я отдаляюсь. Хью для меня, словно цветок для пчелы, от него всё моё тело гудит.

Хью протягивает мне следующее печенье, и мы повторяем эту операцию много раз. Независимо от того, чем занимаемся, мы всегда находим способ превратить всё в забаву. Опустошать упаковку печенья с предсказанием в машине на скорости 70 миль в час на шоссе гораздо веселее, чем я могла себе представить.

Съезжаю с шоссе и направляюсь на заправку.

— Кончилось топливо?

— Нет, просто это мука, съесть столько печенья и не выпить ни капли воды.

Проезжаю на парковку QuickyMart.

Мы вбегаем внутрь и разделяемся, чтобы затариться продуктами. Хватаю Funyuns (**обжаренные луковые кольца*), воду, Маунтин Дью, Twinkies (**пирожное бисквит с кремовым наполнением*) и очередную партию Twizzlers, затем подхожу к кассе и вываливаю всё на ленту. Хью присоединяется ко мне и добавляет огромную бастурму, мешок кренделей

и Кока-Колу.

Хью сканирует кучу и одаривает меня насмешливым взглядом:

— Как, чёрт возьми, тот, кто выглядит так сексуально, может питаться этими отходами?

— Я — машина по переработке вредных продуктов. Что ещё сказать? И этим качеством я очень даже горжусь, — рукой перебрасываю волосы на другую сторону.

— Можно мне ещё билетик Mega Millions (**американская лотерея*)? — спрашивает Хью у кассирши, доставая кошелёк.

Кассирша кивает и протягивает ему билетик, а затем пробивает покупки. Хью оплачивает чек, и мы покидаем магазин с полным пакетом продуктов.

— Ты же понимаешь, у тебя скорее прорежутся крылья, и ты станешь чайкой из Сан-Франциско, пожирающей мозги, чем выиграешь в лотерею? — спрашиваю я.

— Ши, ты как никто должна меня понимать.

— Я? — открываю дверь машины и проскальзываю внутрь. Хью плюхается на пассажирское сиденье, захлопывает дверь и начинает рыться в пакете, затем протягивает мне бутылку воды.

— Ты — королева авантюры, и поэтому должна понимать, что я купил этот лотерейный билет вовсе не потому, что надеялся выиграть. Я купил его, чтобы иметь право помечтать о том, что сорву джек-пот в 150 миллионов долларов и сделаю с этими деньгами.

— Право на мечту? — смеюсь я. — То есть, у тебя нет права мечтать, пока не купишь однодолларовый билетик?

Откручиваю пробку и делаю глоток воды. Пока расспрашиваю Хью, понимаю, что в моей собственной жизни есть много вещей, которые подтверждают, что у меня никогда не было права мечтать. Люк — одна из этих вещей.

— Иногда мне нужно немного помочь. Даже трата одного доллара, позволяет расслабить мышцы, отвечающие за мечты, и настраивает мозг на творческую волну.

Хью вытягивает длинную шею и крутит плечами, словно разогреваясь перед баскетбольным матчем, и вдруг у меня пересыхает во рту, при виде этого зрелища. Я делаю ещё один глоток.

Нервно смеюсь:

— А что бы ты сделал с выигранными деньгами?

Хью делает долгий выдох.

— С тех пор, как я стал архитектором, то только одно, — подмигивает он. — Я бы построил для тебя дом мечты: светло-желтый, который сведёт тебя с ума и заставит чувствовать тревогу.

— О да, не забудь про горячую ванную, — самодовольно улыбаюсь я. Мне нравится, как он исполняет роль специалиста, которую я отвела ему пару дней назад. — И где бы ты построил это роскошное имение?

— Пока точно не знаю, но думаю, что стоит начать присматривать место, когда будем в дороге. Возможно, через пару дней у нас появятся 150 миллионов баксов. Поэтому нам надо усиленно мечтать.

Он крутит билетиком перед моим лицом, а затем убирает его в кошелёк.

— Продолжай мечтать, взрослый ребёнок.

— Этим я и намерен заниматься, — его взгляд зажёгся, и видно, что Хью думает о чём-то большем, чем просто деньгах. Такое ощущение, что его мечтой являюсь я.

Ши вставляет ключ в замок зажигания и заводит машину, но она скорее завела меня, благодаря своей сексуальности. По какой-то неведомой причине меня влечёт её странное и загадочное поведение.

Через несколько минут мы снова оказываемся на шоссе. Любопытная вещь: каждые 30 минут рельеф Калифорнии меняется. Выехав из северной части города, пересекаем небесно-голубую гладь залива Сан-Франциско, затем горы, дальше высокие холмы, покрытые высокой коричневой травой, и наконец более низкие холмы с зелёной травой для домашнего скота. Каждый пейзаж разительно отличается от предыдущего, и невозможно даже представить, что они расположены рядом. Однако, когда вечерние сумерки сменяются темнотой ночи, Ши объявляет:

— Кажется, мы почти приехали!

Через некоторое время, наш автомобиль въезжает на парковку, и Ши глушит мотор. Я не открываю глаза и слышу, как Ши отстёгивает ремень, затем наклоняется ко мне и гладит плечо. Её прикосновение согревает кожу на холодном осеннем воздухе, от чего волоски на теле поднимаются по стойке «смирно». Я едва сдерживаю улыбку, притворяясь спящим, чтобы она не останавливалась.

— Мы на месте, — шепчет Ши, но у меня нет ни малейшего представления о том, где мы. Я слушал музыку с закрытыми глазами в течение 20 минут, пока мы ехали по просёлочной дороге. Время от времени украдкой изучал очертания девушки в ночной темноте. Длинные вьющиеся волосы, заплетённые в хвост, развевались на ветру, в то время как звёзды, словно солнце, освещали её своим необыкновенным сиянием. Пока она думала, что я сплю, я молча наблюдал, как она беззвучно шевелит губами, подпевая каждой песне, двигая бёдрами на сиденье и покачивая руками в такт. Прикусывал губу, чтобы не засмеяться, когда она, изображая рок-звезду, вдохновенно пела в невидимый микрофон хит Кристины Агилеры «Lady Marmalade».

Ши настолько очаровательна и сексуальна, что я не могу заставить себя перестать смотреть на неё. Должен существовать закон, запрещающий так быстро влюбляться, но как можно приказать сердцу и держать в узде свой член, когда они, кажется, бьются в собственном ритме (слава Богу, не в ритме «Lady Marmalade», но все же)? И на самом деле, я не против. Наоборот, руками и ногами за.

Открываю глаза от звука её завораживающего голоса, она по-прежнему рядом. Её дыхание обжигает щёку и сушит губы, заставляя меня облизать их. Наши взгляды прикованы друг к другу, время замедляется, и всё вокруг застывает. Глядя в её глаза при свете фонаря на пустынной улице, мне наконец удаётся рассмотреть их глубину цвета нефрита. В этот момент мне хочется только одного: соблазнить её, дотронуться губами до уха, затем горячим и сексуальным дыханием согреть шею, осыпать поцелуями ключицы, чтобы свести с ума, и, в конце концов, соединить наши тёплые мягкие губы и перейти к большему.

Я начинаю ёрзать на сиденье от своих фантазий. Однако знаю, что это невозможно. Не сейчас. Я уже так далеко зашёл, что надо набраться терпения. Я хочу каждую её сексуальную часть — тело, разум, правду, и неважно какой она будет; но это станет возможным, только когда настанет подходящий момент. От возбуждения и попыток отогнать все эти мысли, моё

дыхание становится прерывистым, от чего Ши улыбается, словно знает, что на меня так влияет её близость. Эта девушка всерьёз со мной связана. Она отстраняется, а я поднимаю руки, оглядываясь вокруг, в попытках сосредоточить взгляд на чём-то, кроме неё, отчаянно умиряя рвущееся наружу желание.

Мы находимся на небольшой улочке, по одной стороне которой стоят маленькие деревянные домики, терраса и переднее окно которых освещены золотым светом фонаря над дверью. Вокруг слышен стрекот сверчков, всё ещё живущих в это время года, хотя, возможно, в Калифорнии они живут круглый год; а также отдалённый звук шоссе, которого отсюда не видно.

— Где мы?

— Юнтвилл.

— Почему ты выбрала это место?

— Потому что оно находится сразу же за пределами Напы* (*прим. пер. *Napa — один из 58 округов американского штата Калифорния, известный на весь мир своими виноградниками и вином, в основном сорта Каберне Совиньон*), и когда мы ехали через него, то я вспомнила об итальянской Тоскане. Абсолютно очевидно, я не могла проехать мимо.

— Италия в Северной Америке, — моя сестра сказала так, вернувшись с мужем из медового месяца. Но Лейн не разговаривала со мной о вине так, как она делала это с остальными членами семьи. Воспевание фруктовых ноток в бокале великолепного каберне — не самая обсуждаемая тема у алкоголиков. Хотя вино и не было для меня ядом, я всё равно начинаю усиленно сглатывать слюну при мысли о том, что оно сделает с кровью в моих венах, ослабит внутреннее напряжение, обеспечит хороший досуг. Я всегда напивался на вечеринках: никаких скандалов, просто для развлечения.

Даже сейчас, спустя два года абсолютной трезвости, я все ещё хочу его, достаточно только подумать об алкоголе. Прикусываю щёку и понимаю, алкоголь и Ши имеют кое-что общее. Я до смерти хочу их, но не могу получить ни того, ни другого.

— Хью? — Ши вопросительно смотрит на меня, словно всё это время она о чём-то говорила.

— Прости, я задумался на секунду. Всегда хотел сюда приехать, после того как сестре понравилось это место во время медового месяца, — что является истинной правдой, мне всегда хотелось сюда, но в силу обстоятельств, до сих пор не сложилось. Ни к чему дразнить быка красной тряпкой.

Сбросив напряжение, выходим из машины и достаём сумки из багажника. Затем я поднимаю складную крышу машины и закрываю её. Стоя на тротуаре перед многоэтажным каменным коттеджем, украшенным толстыми извилистыми виноградными лозами, замечаю в окне небольшую синюю неоновую вывеску с надписью «Работа». Ши идёт по дорожке, обрамлённой кустами роз, по направлению к лестнице, ведущей к входной двери. Мы стучимся, так как уже поздно, а это место является частной мини-гостиницей.

Нам отвечает молодой парень, который, скорее всего, учится в старшей школе:

— Привет. Чем могу вам сегодня помочь? Вы резервировали номер?

Дверь полностью открывается.

— Нет, — Ши берёт инициативу в свои руки. — Но я вижу, что вам требуется работник, — она указывает на окно.

— У нас как раз только что отменили одну бронь. Входите, — он делает взмах рукой, приглашая следовать за ним, и ведёт нас в небольшую комнату в глубине здания. — Вы

точно самые удачливые люди на этой планете в настоящий момент. Это единственная свободная комната в радиусе двадцати миль.

— Почему? — спрашиваю я.

— Праздник Урожая. Ценители вина, местные, туристы, СМИ — все здесь. Это вам не хухры-мухры. Значит, вы приехали не на праздник?

— Нет, — качаю я головой. — Ты что-нибудь о нём знала? — спрашиваю у Ши.

— Я видела несколько указателей по пути сюда, но не знала, что всё настолько масштабно. Нам должно быть крупно повезло, — она взволнованно оживляется, а я воодушевляюсь, ведь она только что сказала о нас «мы». — Нам нужно купить какие-нибудь билеты?

— Уличный фестиваль начинается завтра, а затем продолжится в соседнем городе — Сент-Хелине. Все мероприятия в течение дня бесплатны, а по вечерам каждый винный завод устраивает собственную вечеринку, но думаю, все билеты уже распроданы.

— У меня такое чувство, что это нас не остановит, не так ли? — заговорчески шепчу я и инстинктивно кладу руку на тонкую талию Ши, прижимая девушку ближе.

— Вряд ли, — отвечает она.

— Можно мне ваши удостоверения личности и кредитную карту? — спрашивает парень.

Мы с Ши неловко переглядываемся. Если мы достанем документы, то раскроются наши настоящие имена, и, кажется, что даже сейчас, когда мы собираемся спать в одной комнате, наша игра всё равно продолжается.

— Давай я обо всём позабочусь? — предлагаю я.

— Ты уверен? У меня есть наличные, — она кладёт кошелек на стойку.

— Уверен. Но тебе придётся посидеть в другой комнате, если мы собираемся продолжать играть по правилам, — половина меня надеется, что она сдастся.

— Хорошо. Спасибо, — она сжимает мою руку, берёт сумки и направляется в соседнюю комнату — просторное помещение с каменным камином, диванами и обеденным столом.

После того, как она уходит, достаю из кошелька кредитную карту и удостоверение личности и протягиваю их парню, который подозрительно смотрит на меня.

— Не спрашивай, — говорю я ему с лёгкой улыбкой.

Я думаю, если отпустить какую-нибудь шутку, он пропустит мимо ушей нашу странную беседу, и, к счастью, так и происходит. Парень заканчивает регистрацию и указывает в направлении нашего номера, а затем возвращается к изучению толстого учебника на столе.

Мы с Ши проходим вглубь здания, оформленного в стиле, который моя средняя сестра со своим выдуманным образованием дизайнера интерьеров, полученного в Институте Искусств Мериленда, назвала бы «шебби-шик».

Тащим сумки наверх по скрипучей лестнице старого дома, затем проходим по тёмному коридору к комнате под номером пять. Ши наклоняется к дверной ручке и поворачивает ключ.

— Не хочет открываться, — разочарованно говорит она спустя некоторое время, подёргав болтающуюся металлическую ручку. Звон эхом отзывается не только от деревянной двери, но и от всех стен ветхого здания.

— Шшш, нам надо вести себя потише. Думаю, что все уже спят, — шёпотом говорю я ей на ухо, положив руку на предплечье. Она вздрагивает, и, похоже, дрожь проходит по всему её телу. Я получаю удовольствие от того, что мучаю её так, как она мучала меня. Этого

достаточно, чтобы Ши поняла, что хочет чего-то большего.

— Но сейчас ещё даже нет девяти часов.

— Поверь мне, — говорю я. — Бьюсь об заклад, мы здесь самые молодые. Теперь, дай я попробую.

Беру ключ, и мы меняемся местами. Наклоняюсь и вставляю ключ в ячейку, но он никак не хочет поворачиваться. Он и в самом деле застрял. Трясу его, дёргая дверь, так же как Ши делала до этого, а она также шикает на меня и хихикает, словно произнося: «Я же тебе говорила».

Наша возня продолжается ещё некоторое время, но я не отступлю и открою эту чёртову дверь. Это принцип. Я мужчина. Надавливаю плечом на дверь и, наконец, при правильном давлении что-то щёлкает в замке. Дверь распахивается, а я теряю равновесие, вваливаюсь и с грохотом падаю на пол.

— Ух!

На этот раз смеётся не только Ши. Из моего рта вылетают не совсем тихие слова ликования. Именно тогда нас награждают несколькими сильными ударами в стену из соседнего номера. Это, конечно же, заставляет нас засмеяться ещё громче, но мы уже закрываем рты руками, стараясь вести себя как можно тише.

— Думаю, ты был прав, — говорит Ши, восстанавливая контроль над собой и помогая мне подняться с пола.

Встаю и затаскиваю сумки в комнату, затем закрываю дверь. Номер очень маленький, примерно 10*12 футов. Наружные стены выложены старинными камнями, поэтому мне едва удастся втиснуть багаж, но я всё-таки нахожу место в низкой нише. Тут также есть ванная комната с душевой кабиной, но вместе они скорее напоминают небольшой шкаф.

Ши уже нашла лучшую часть этого тесного номера — узкие застеклённые створчатые двери, которые ведут на веранду второго этажа. И она только для нас.

Ши выходит на улицу, и я следую за ней. В данный момент я готов пойти за этой девушкой хоть на край света.

Глава 26

Она

— Как же здесь красиво!

Всматриваясь в темноту, мы видим низкий горный хребет. Из-за него виднеется мерцающий свет, который очерчивает неровные холмистые вершины. Город расположился по ту сторону хребта, и отсюда заметен лишь свет: никаких построек, ни людского хаоса, ни потока машин.

Хью подходит ко мне.

— Bay! Хорошая работа.

Он пододвигает два шезлонга одновременно, затем садится на один из них и постукивает по пустому сиденью рядом с собой.

— Подожди секунду.

У меня есть желание создать идеальную обстановку, поэтому устремляюсь внутрь, чтобы взять несколько вещей: лоскутный плед, висящий на спинке стула, бутылку презентованного нам вина (это Долина Напа, в конце концов), штопор, два пластмассовых бокала и то, что осталось от печений с предсказанием. Крепко обхватив всё это руками, возвращаюсь на террасу. Хью берёт плед, а я раскладываю всё необходимое на маленьком круглом металлическом столике.

Хью как обычно следит за каждым моим движением, но в этот раз в его глазах присутствует некая напряженность, которая мне пока непонятна. Его взгляд преследует, в то время как я приближаюсь к нему, разворачиваю и встряхиваю плед, накидываю его на себя, словно лежу в кровати, а затем возвращаюсь на своё место, чтобы открыть бутылку вина.

— Ты любишь вино? — спрашиваю я.

Он отвечает не сразу. Вместо этого сжимает челюсти, смотрит в сторону и затем наконец отвечает:

— Да.

Через несколько минут мы держим в руках пластиковые бокалы. Я усаживаюсь на шезлонг рядом с ним.

— Об этом можно только мечтать, — он поднимает бокал и произносит тост, но его рука дрожит.

— За мечты.

Мы чокаемся. Я делаю глоток, в то время как он отставляет свой бокал в сторону.

— Не выпить после тоста — плохая примета.

— Знаю, но я предпочёл бы испить тебя, — шутливо говорит он, утыкаясь лицом в моё плечо. Это так игриво и мило, что я не могу сопротивляться.

— Пока ты бегала за вещами, я размышлял о том, что если бы наш лотерейный билет выиграл, то я мог бы построить дом с умопомрачительным видом в этой долине. Просто подумай, мы могли бы сидеть так каждый вечер на нашей собственной веранде.

Произнося последние слова, он наклоняется ближе ко мне так, что я ощущаю тёплое дыхание на шее.

Думаю, он знает, что это меня заводит, и вздыхаю про себя. Может ли этот парень быть ещё более романтичным?

— С джакузи, — настаиваю я.

— Конечно.

— Мне нравится эта идея, — беру печенье и предлагаю его Хью, однако он отказывается; тогда я достаю ещё немного из упаковки, выкладываю их себе на колени, и мы прижимаемся ближе.

— Печенье с предсказанием и красное вино? — спрашивает он.

— Именно. Идеальное сочетание. Сладковатая выпечка с вином, — отламываю кусочек печенья, кладу его в рот и запиваю вином. — Думаю, это может стать новым трендом.

— Когда мы выиграем в лотерею, ты сможешь воспользоваться своей половиной, чтобы поездить по миру, рекламируя это сочетание.

— Клёвая идея! — подыгрывая, говорю я. — А ещё я могла бы заняться производством вина и печенья, покрытого шоколадом. Ох, — драматично произношу я, размышляя над этой перспективой. — Это было бы так здорово. Только от одних фантазий можно уже умереть.

— Твоя компания может называться «Вино из Долины Напа и Гадальные Печенья».

— Да! Я буду продавать подарочные наборы в корзинках. А ты можешь разработать дизайн торговой точки или ты занимаешься только домами? — во время разговора печенье хрустит у меня во рту.

— У меня много талантов, — он гладит мою руку, что практически доводит до сердечного приступа. От его прикосновений задерживаю дыхание, потому что остаётся только догадываться, на что он способен, обладая такими губами, руками и пальцами.

Хью разворачивается и смотрит на меня своим прожигающим взглядом. От такого взгляда у меня возникает желание наброситься на этого мужчину. Я отставляю вино с печеньем в сторону, поворачиваюсь к нему, и наши руки сцепляются под пледом. Теперь, оказавшись лицом к лицу, мы улыбаемся, глядя друг на друга, а моё сердце трепещет от лицецерения Римского бога, смотрящего на меня в ответ.

Наше учащённое дыхание согревает пространство. От него исходит запах секса, а может, от меня. В любом случае, я чувствую невероятное количество феромонов вокруг. Может, во всём виноват бокал вина, который я только что осушила? Из-за него все запреты остались позади, но и Хью никогда раньше не выглядел так дьявольски привлекательно, благодаря своим густым тёмным волосам, спутанным ветром, волевому подбородку и пухлым губам. На последней точке мой взгляд задерживается немного дольше, чем следует, от чего у меня появляется непреодолимое желание поцеловать его, утолить болезненное желание, растущее внутри.

Я решаю немного притормозить, чтобы продлить все эти мощные ощущения, но самое главное, принять единственное верное решение. Протягиваю палец и аккуратно касаюсь его кожи прямо под ухом. Он слегка напрягается, но потом расслабляется, когда мой палец спускается ниже по склону его шеи, очерчивает форму воротника и останавливается на татуировке прямо над ключицей. Я без единой мысли обвожу пальцем контур чёрного рисунка на его теле.

Хью не сопротивляется и не двигается, просто наблюдает за тем, как я запоминаю его. Атмосфера вокруг нас сгущается, и что бы это ни было: желание, одиночество или нетерпеливость — это является афродизиак, побуждающим меня сделать те вещи, которые со времени нашего знакомства я делать не собиралась.

С новым приливом смелости я медленно расстёгиваю оставшиеся пуговицы его рубашки, добираясь до того места, где она заправлена в брюки. После этого, стягиваю ткань рубашки с его плеч вниз до локтей насколько это возможно, пока моему взгляду не

открывается полностью вся татуировка. Грудная клетка Хью подрагивает от волнения, а его соски встают, встретившись с холодным воздухом. Я знаю, что творится с ним, так как чувствую каждое его возбужденное подрагивание. Когда мои ладони начинают аккуратно скользить по чётко очерченным грудным мышцам, он откидывает голову, закрывает глаза и посасывает нижнюю губу в ответ.

Я смотрю на его пухлый, влажный и тёплый рот, и мне очень хочется укусить его. Придвигаюсь ближе, чтобы сохранить тепло между нами. Мои глаза находятся на уровне его татуировки. Она представляет собой треугольник, который идеально совпадает с треугольником его тела: ключица, шея, плечо; словно рисунок сам встал на своё место и остался навсегда в ловушке крепкого тела. Я в очередной раз провожу рукой по татуировке и его груди. Моё сердце пропускает удар, так как я впервые понимаю, что хочу Хью. Что-то во мне нуждается в нём.

Выдерживая паузу, чтобы подумать об этом новом сильном чувстве, обвожу контур татуировки. Это простой трёхконечный Кельтский узел, сплетающийся с цветущей розой. Рисунок выполнен безупречно.

— В ней есть какое-нибудь особенное значение? — шепчу я.

— Это узел триединства, — взгляд Хью встречается с моим, когда слова прорезают воздух, лаская моё лицо. — Для разных людей он означает множество вещей, но для меня он представляет жизнь, смерть и возрождение.

— За этим скрывается какая-то непростая предыстория, — ухмыляюсь я соблазнительно.

Хью кивает и нервно сглатывает.

— Ты даже не представляешь какая.

Он смотрит вдаль, и я чувствую, что его мысли улетают прочь, поэтому решаю оставить его в покое. Мы здесь не для того, чтобы раскрывать секреты друг перед другом. Однако я впервые осознаю, что, возможно, у него тоже есть непростое прошлое. Часть меня хочет поделиться с Хью моей настоящей историей, но если бы он знал, какие ошибки я допустила, то подозреваю, не захотел бы даже со мной обедать в тот первый день.

Хью берёт меня за руку, словно больше не хочет продолжать этот разговор. У него грубая тёплая кожа и, кажется, поток его согревающей жизненной энергии направляется прямым ходом в моё нутро. Подносит мою руку к своим безупречным губам и нежно целует ладонь. В тот момент, когда происходит тактильный контакт, по моему телу проносится волна похоти, и я дрожу от наслаждения. Он отстраняется, а я сжимаю ладонь в кулак, чтобы удержать это ощущение.

Меняю положение и прижимаюсь к нему спиной. Я пока не знаю, как далеко всё может зайти, но мне нужно, чтобы это продлилось как можно дольше. Мои плечи, спина, ягодицы и ноги плотно прижимаются к его телу. Его невероятно длинные руки скользят по моей талии, ладони прижимаются к животу и подтягивают ближе, затем Хью кладёт подбородок на место, где шея переходит в плечо, и он идеально подходит, словно кусочек пазла.

Дыхание Хью даже теплее, чем тело, и каждый раз, когда его грудь поднимается и опускается, я остро осознаю силу магнетического притяжения между нами. Когда тепло его губ, словно водопад, распространяется по моей шее и груди, бешеный поток электрической энергии разносится по моим рукам, бёдрам и ногам. Это ощущение охватывает всё тело целиком: пальцы на ногах скручиваются, а мышцы сжимаются, в то время как я пытаюсь сдержать возбуждение.

Должно быть, Хью заметил это, так как ещё сильнее прижимает меня. В этот момент кажется, что моя энергия проникает в него. Я знаю это, так как чувствую покалывание маленьких волосков его кожи, которые поднялись от возбуждения, также как и мои.

Мы каким-то образом связаны. Поистине связаны, и я не знаю, как и почему. Мы не произносим ни слова, просто продолжаем исследовать тела друг друга разными прикосновениями, поглаживаниями и надавливаниями. Я провожу ступнями вверх и вниз по его ногам, а Хью в ответ медленно водит ладонями по изгибам моих бёдер, усиливая нашу близость. Я с силой прижимаюсь спиной к его груди, а Хью в ответ трётся жёсткой щетиной об мою щеку. Поворачиваюсь, запускаю пальцы в его густые волосы и нежно тяну, что вызывает у него стон наслаждения, и Хью начинает мять мою грудь, скользя ладонями ниже к центру живота.

Каждое наше движение похоже на дикое животное трение. Ткань соприкасается с тканью, кожа с кожей, а каждое чувственное прикосновение распаляет огонь, который нас объединяет. Очень страстно и эротично, но мы не продвигаемся дальше, мы ещё даже ни разу не поцеловались. Нам это не надо. Мы разжигаем иной костёр отношений. Мы целуем и облизываем друг друга при помощи наших тел, дыхания и взгляда.

Мы начинаем новую игру, где Хью выступает в роли ведущего. Я доверяю ему, хотя до этого никогда и никому не верила, даже самой себе. Моё прошлое осталось далеко позади, и с Хью оно больше не кажется хоть каким-нибудь значимым. Поэтому я просто сдаюсь.

Глава 27

Он

Я снова как сексуально возбуждённый подросток. С такой пылкостью наших необычных отношений я могу навсегда влюбиться в эту девушку. Между нами не было ничего, кроме прикосновений, однако, кажется, что каждое движение имеет свой особый смысл. Я хочу её каждой частичкой своего организма, но ещё в машине по пути сюда решил, что поеду с Ши, куда она ни пожелает, и буду делать всё только ради её комфорта. И хотя у меня есть соблазн проскользнуть рукой ей под блузку, чтобы поласкать голую кожу груди, слегка ущипнуть соски, а другой рукой проникнуть ниже, чтобы помассировать кончиками пальцев сладкое местечко между ног, останавливаюсь и сдерживаю свои желания. Я не хочу разрушить этот чудесный миг, когда наконец-таки чувствую её тело на мне. Это уже сама по себе победа.

Пока мы крепко держимся друг за друга, все мышцы Ши расслабляются, возможно, от усталости, а может ещё и от выпитого вина, и она засыпает в моих объятиях. Видя её такой уязвимой и настоящей, понимаю, она не просто мне нравится, но пока не могу подобрать точного слова, чтобы описать, что я испытываю.

Притягиваю её ближе к себе, как будто могу спрятать и уберечь для себя. Здесь, в темноте посреди ночи кажется, что у меня есть шанс. Ещё ни одну девушку я так не оберегал. Это инстинкт, поднимающийся из глубины, который я не могу объяснить. Я тоже пытаюсь расслабиться и уснуть, но мои мысли улетают в будущее, которое может быть у нас, но им блокируют путь проблемы из моего прошлого. Уверен, Ши не захочет иметь со мной ничего общего, когда узнает ужасную правду.

Ведь я недостоин её игривого нрава, совершенства, сексуального тела. Несмотря на это, ничего не могу поделать с желанием разбудить её и поцеловать, продолжить с того места, на

котором мы остановились, и идти до конца, пока мы не будем полностью принадлежать друг другу. Мне еле удаётся сдержаться.

Я убегая от вины за то, что совершил, однако забыть это не так-то просто. Если я всё забуду, то это будет означать, что я простил себя, чего никогда не случится. Суть в том, что я не заслуживаю Ши. Даже в тот момент, когда держал в руке бокал вина и произносил тост за неё, мой рот наполнился слюной, рука начала дрожать, а тело вмиг покрылось нервным потом. Сто лет алкоголь не был так близко к моим губам, и я едва не сдался. Всё, что я мог сделать — это контролировать себя перед ней так, чтобы она не увидела, какой я на самом деле слабый придурок.

Даже отсюда, в лунном свете, я вижу очертания бутылки. Она искушает меня, словно соблазнительные изгибы бёдер Ши. Ночной ветерок доносит слабый запах винограда, и я поддаюсь, так как аромат пробуждает демона внутри меня, которого, похоже, не удастся побороть. Я молюсь каждый день о том, чтобы наконец освободиться от зависимости, однако знаю, это глупые и бесполезные попытки.

Смотрю на Ши, на её спокойное дыхание и слегка касаюсь рукой копны спутанных волос. Думаю, она может стать спасением от всех моих терзаний, если конечно сама этого захочет. Эта мысль заставляет меня понять, что всё зависит от этой сумасшедшей девушки, и самое невероятное, меня это устраивает.

Вздыхаю и прекращаю думать о постоянном беге по кругу своих проблем. Выпуская её из своих объятий, вылезая из-под пледа, встаю и потягиваюсь. Затем подхожу и наклоняюсь к ней, мои руки скользят под её спину и колени, и я с лёгкостью поднимаю её. Плед волнами струится по изгибам её тела, в то время как Ши со стоном просыпается и кладёт голову мне на грудь. Я несу её внутрь и кладу на кровать.

— Ложись в постель, — говорит она хриплым ото сна голосом и тянется, заманивая меня.

— Всё, что пожелаешь, — отвечаю я, ложась рядом.

...

— Аааааааа! О, Боже! О, Боже!

Мои глаза широко раскрываются. Я быстро подскакиваю и выпрыгиваю из кровати. Сердце бешено колотится из-за крика Ши.

Она отчаянно машет руками, визжит и прыгает по комнате. Всё это выглядит как полное безумие, так как мой мозг ещё не проснулся, в отличие от тела.

Проходит некоторое время прежде чем я понимаю, что происходит. Она борется с птицей, которая залетела в комнату. Здоровая, толстая, грёбаная птица.

— Выгони эту тварь отсюда.

Хватаю подушку и размахиваю ей в воздухе, пытаюсь выдворить это безумное существо через раздвижные двери, которые я, по-видимому, не закрыл на ночь.

Громко хлопая крыльями в ослепительном солнечном свете, птица улетает прочь.

Тяжело дыша от волнения, разворачиваюсь и иду обратно в спальню. Оказавшись внутри, слышу четыре громких удара в стену, которая разделяет нас с соседями. Мы с Ши переглядываемся и начинаем хихикать, совсем как вчера вечером. Это мгновенно прогоняет испуг, помогая моему сердцу вернуться к нормальному ритму.

— Думаю, соседи ненавидят нас, — говорю я.

— Конечно, это же не они проснулись от того, что птица устраивала гнездо у них в волосах.

— Прямо у тебя в волосах? — фыркаю я.

— Да, — отвечает она, всё ещё пытаюсь восстановить дыхание и держась рукой за сердце. — Срань Господня, она напугала меня! Вот уж маленькие сучки! — она смотрит через открытую дверь, сжимает губы, упирает руки в боки и бегом устремляется на террасу. Растопырив пальцы, бросается в атаку на стаю птиц, которые расположились на нашей террасе, пожирая то, что осталось от печенья. Размахивая руками и ногами, она прогоняет их прочь. Мне хочется запечатлеть этот момент на фотографии, но я не могу отвернуться, боясь пропустить что-нибудь интересное.

Тру подбородок, глядя на неё, и понимаю, что в данный момент чувствую то же самое, что и в тот первый день, когда увидел её в аэропорту. Она — бесшабашная и чертовски милая девушка.

— Благодаря птицам, нам придётся купить ещё пошлых печений, — я игриво поднимаю и опускаю брови.

— Возможно, — она поджимает губы. Словно вдруг застеснявшись, сводит плечи и ступни. Прошлым вечером в какой-то момент она была готова скинуть свои джинсовые шортики, и я искренне сожалею, что вёл себя не совсем правильно. Сейчас она стоит передо мной с голыми ногами в своих трусиках-неделька, от чего мой член болезненно возбуждается, так как я помню события вчерашней ночи. Очевидно, с ней творится то же самое, потому что её щёки краснеют, по цвету напоминая сердце, изображённое на её большой футболке, свисающей с одного плеча, на которой написано «Моё сердце принадлежит Сан-Франциско».

Я молю Бога, чтобы её сердце принадлежало мне. Или она хотя бы просто доверилась мне, чтобы я мог покорить её до конца.

— Доброе утро, — робко говорит она.

— Скорее день, — я подхожу к ней и заключаю в свои объятия. Самое важное, она позволяет, так как часть меня беспокоилась, что её вообще не будет рядом, когда я проснусь. Это уже прогресс.

— Птицы что-то нашли в тебе, — говорю я, а она смеётся мне в грудь. Её тело быстро поднимается и опускается. Она отклоняется назад и смотрит снизу вверх.

— Мне кажется, что эти зомби-чайки каннибалы твои приспешники. Они просто-напросто следуют за своим хозяином.

— Ты меня подловила, — говорю я с напускной серьёзностью. — Их миссией было забрать скучные печеньки, и они справились. Я с лихвой заплачу им пивом и кренделями.

— Это то, чем их можно подкупить? Я думала, они ведутся на птичьи мозги или что там ещё любят зомби?

— Они вегетарианцы.

— Конечно же, — Ши отстраняется от меня, и мне её уже не хватает. Она разводит руки в стороны, наслаждаясь солнечными лучами. — Какой прекрасный день. Чем займёмся?

— Чем пожелаешь, Солнышко.

Глава 28

Она

Хью принимает душ и одевается, затем наступает моя очередь. Тащу свои вещи в ванную и закрываю дверь. Сложив туалетные принадлежности на столик, раздумываю над тем, стоит ли принять лекарство на случай, если вдруг мой недуг снова настигнет меня. Вероятность наткнуться на свадьбу или на что-то аналогичное здесь, в Долине Напа, достаточно велика. Одна только мысль о такой возможности вызывает напряжение в плечах.

Откручиваю пробку, достаю таблетку и кладу на язык, однако проглотить не решаюсь. Я хочу стать выше этих лекарств, не быть прикованной к ним цепью, словно измученный пленник. На этот раз я хочу всё держать под контролем.

Выплюываю таблетку обратно на ладонь, бросаю её в унитаз и смываю. Не уверена, что поступаю правильно, но всё же стою, скрестив руки, наблюдая за тем, как она крутится в потоке воды и затем уплывает в канализацию.

Закрыв ящик столика, сажусь и начинаю раскачиваться туда-сюда, царапая руки ногтями.

С тех пор, как мы покинули город, всё складывается довольно хорошо, и я сильно сомневаюсь, что Люку удастся найти меня здесь. У него нет ни единой возможности выследить меня, и от этой мысли мгновенно расслабляюсь. Часть меня, хоть и опасно думать в этом направлении, всё же уверена, мне, наконец, удалось сбежать от него, и за это я должна быть благодарна Хью. Рядом с ним я чувствую себя сильнее, и хотя это меня смертельно беспокоит, делаю всё возможное, чтобы больше не бояться. Я могу достичь большего, если перестану бояться. Я хочу пнуть страх под зад, чтобы контролировать его.

Думаю, я смогу это сделать. Это просто необходимо сделать. Опираясь локтями на колени, рукой провожу по лицу. Глубоко вздохнув, хлопаю себя по бёдрам и встаю, собирая всю женскую силу, смотрю на своё отражение в зеркале. День, когда я приехала в Калифорнию, кажется таким далёким. А я уже чувствую себя сильнее. Цвет лица намного здоровее, а улыбка шире.

На самом деле я чувствую себя великолепно.

Снова возвращаюсь к событиям прошлой ночи, вспоминая, насколько возбуждающими были наши прикосновения. Если бы мы с Хью не остановились, то я бы точно добровольно сгорела в этом адском пламене страсти. Несмотря на то, что хочу это повторить снова и снова, прямо сейчас мне необходимо сосредоточиться на ежедневной рутине: душ, зубы, лицо, волосы.

Беру фен, втыкаю вилку в розетку и включаю его. Когда расправляю шнур, то случайно задеваю открытый пузырьёк с таблетками. Он опрокидывается, таблетки высыпаются и, словно в замедленной съёмке, катятся по раковине, затем скрываются из вида в зияющей бездне канализационного стока.

— Нет! — кричу я, будто это может что-то изменить. Успеваю поймать три таблетки снотворного, теряя безвозвратно все остальные ужасные белые и розовые пилюли. Тревожно поскуливаю и, сжимая в руке то, что удалось поймать, падаю на колени, проклиная всё на свете, так как без рецепта мне не продадут ни одного пузырька, и последнее, что я собираюсь делать — звонить врачу, чтобы он выписал новый.

Сука судьба.

Хью стучит в дверь ванной:

— Всё в порядке?

— Да. — Мой ответ короткий и я понимаю, звучит он не совсем убедительно: нетвёрдо

и неуверенно, напрямую отражая моё состояние. Кусаю внутреннюю поверхность щеки и обхватываю тело руками. Что я буду делать, если снова сорвусь? Смогу ли соображать, несмотря на панику, как это было в магазине Перл в Китайском Квартале? Я не знаю ответа на этот вопрос. Это был единичный случай, ведь раньше я никогда не справлялась. Но если продолжу двигаться маленькими шажками в этом направлении, то смогу в конце концов обрести контроль над собственным телом.

Глубоко вдыхаю через нос, вызывая ко всем частицам организма преодолеть эту неприятность.

Я смогу.

Я смогу.

...

В конце концов чистая и одетая я выхожу из ванной. Хью осматривает меня, вероятно, заметив некую боль в моих глазах. Естественно он заподозрил, что что-то произошло, услышав шум, пока я была в ванной. Он стоит передо мной, а я засовываю руки в карманы, в ожидании его вопросов.

— Всё хорошо?

— Да, пойдём исследовать местность! — оживляюсь, когда он отпускает ситуацию, однако кажется, что он всё ещё смотрит на меня, пытаюсь понять, настоящий мой энтузиазм или нет.

Он берёт кошелёк, ключи от номера и фотоаппарат, в то время как я удаляюсь в ванную, чтобы забрать сумочку. Затем мы запираем комнату и выходим на улицу.

Хью садится за руль и везёт нас на фестиваль в соседний город. За пределами Сент-Хелины машины паркуют на обочине дороги. Мы делаем то же самое и идём пешком в толпе к главной улице. Сегодня она закрыта для машин и заставлена палатками, торгующими винными бокалами ручной росписи, винными пробками, держателями для бутылок, футболками со стразами и надписями о вине, шарфами, шляпами, а также прочими всевозможными предметами, которые так или иначе связаны с вином. Тут можно встретить продавцов еды и других товаров, детские развлечения, домашний скот, надувные воздушные замки, и, конечно же, море вина.

— Это могло бы стать идеальным местом для продажи твоего вина из Долины Напа и печений с предсказаниями, — предлагает Хью.

— В отличие от тебя, я не шучу, а серьёзно рассматриваю эту возможность. Если ты собираешься построить здесь дом для меня, то мне нужна будет работа.

— Это правда, мисс не-знаю-вашего-имени.

Мы бродим по этому необычному городу в течение нескольких часов, наблюдая за парадами: сначала взрослым, затем детским и, наконец, парадом животных. Последний становится самым захватывающим. Все, начиная от домашних и сельскохозяйственных животных, заканчивая какими-то непонятными зверями, одеты в костюмы, связанные с вином. Мне больше всего понравился верблюд, покрытый кучей фиолетовых подушек, изображающий гроздь винограда. На табличке, свисающей с его шеи, написано: «Меня зовут Гиппопотам». В этот момент я решаю, что заведу дома в Напе собственного верблюда, с чем, наверняка, Хью не согласится.

Верблюд заканчивает шествие, и я следую за ним в надежде рассмотреть его получше.

— Смотри! — Отвлекаюсь и бегу к мастеру, который делает временные тату. — Думаю, что мне надо сделать одну. Что скажешь, если она будет у меня на спине? Бабочка?

— Это просто шутки, — говорит он, склоняясь над прилавком.

— А как по мне, так круто.

Именно так я себя чувствую рядом с Хью: свободной, красивой и, самое главное, обновлённой.

Рассматриваю рисунки и останавливаюсь на простом чёрном контуре бабочки Монарха с широко расправленными крыльями. К моему разочарованию, приходится встать в очередь за четырьмя детьми, которые хотят обзавестись временными татуировками: один — Губкой Бобом, другой — Человеком-пауком, а ещё двое — Дашей-путешественницей. Когда подходит моя очередь, сажусь на стул, открываю часть спины и объясняю художнице, где хочу сделать татуировку. Она кивает и немедленно принимается за работу, протирает место будущей татуировки и прикладывает трафарет.

— Не передумала? — спрашивает Хью. — Это очень ответственный шаг.

— Думаю, тебе нужно выбрать похожую картинку на копчик. Но у парней она, наверное, имеет другой смысл.

— Как неоднозначное клеймо? — смеётся он и качает головой. — Ни за что на свете.

Когда я, наконец, официально обзавелась бабочкой, встаю и смотрю в зеркало:

— Мне нравится!

— А ты хотела бы сделать настоящую? — Хью проводит пальцем по нижней части моей спины.

Я закрываю глаза, умирая от его прикосновения.

— Никогда, — сглатываю слюну, пытаюсь сложить слова во вразумительный ответ, но это очень трудно, когда он приводит меня в смятение таким способом. — Я до смерти боюсь иголок, больниц и всего, что связано с медициной.

Как только он убирает руку, открываю глаза и пытаюсь сосредоточиться. Завязываю нижнюю часть рубашки в узел, подобный тому, в котором держит меня Хью, и теперь виден мой живот и новая чудесная поддельная татуировка. С ней я чувствую себя сексуальной.

— Почему?

— Это одна из тех историй, которые тебе не захочется услышать, — когда я произношу эти слова, то шрамы на моём лице, голове и ноге начинают пульсировать в унисон.

Хью смеряет меня недолгим взглядом, а я понимаю, что только что потеряла бдительность и ненамеренно выдала правдивые сведения о себе. Да, я и раньше сообщала незначительные детали своей реальной жизни, однако мне удавалось завуалировать их всякими глупостями. И ничего до этого я не рассказывала, предварительно не обдумав. Я настолько расслабилась рядом с ним, что начала забываться.

Жду, что он попытается узнать подробности, но этого не происходит. Так же как и утром, он отпускает ситуацию. Вместо этого, его рука обвивается вокруг моей спины, и Хью притягивает меня ближе, словно защищая от моих секретов. Он не знает этого, однако чем ближе мы становимся, тем более настоящими кажутся наши отношения.

Наверное, Хью сделал выводы после моих многочисленных побегов, и, несмотря на мои явные небылицы, у него по какой-то причине осталось желание быть со мной. А я, больше чем когда-либо, хочу быть с ним.

Клоун, участвующий в параде, проходит мимо нас со связкой разноцветных шаров в виде конфет-хлопушек. Они раскачиваются в воздухе, ударяя меня по лицу, однако сквозь их

прозрачные очертания я вижу лицо — то лицо, от которого сбежала, и моё сердце останавливается.

Глава 29

Он

Ши крепко прижимается ко мне и отталкивает от себя несколько розовых шаров. Один из них лопается, напугав людей вокруг, и клоун, держащий их, поворачивается к ней со словами: «Осторожнее, леди!» Он смеряет её раздражённым взглядом и уходит прочь.

Я жду её остроумного ответа, достойного хорошего чувства юмора Ши, но вместо этого, опуская голову вниз, вижу, что она сидит на корточках на асфальте, её плечи сгорбились, а тело дрожит.

— Что случилось? — я наклоняюсь к ней.

— Нам надо уйти. Прямо сейчас, — её лицо превращается в маску страха. Я видел такую каждый раз, когда она убегала от меня. Взмолванный, хватаю её за руку, переплетая с моей, чтобы привязать к себе. Она никуда не пойдёт без меня. Я не позволю этой девушке никуда уйти. Я ведь так и не успел узнать её настоящее имя.

— Я сказал что-то не то? — с утра я уже придержал язык, когда что-то произошло в ванной. Я также не стал расспрашивать её о больнице.

Судя по всему, она слишком встревожена, чтобы ответить на мой вопрос. Вместо этого, Ши отчаянно всматривается в лица прохожих. Неважно, дети это или взрослые. Взгляд каждого человека отправляет её в состояние судорожной паники, от чего она ещё сильнее прижимается ко мне.

— Ты увидела кого-то знакомого?

Это единственное объяснение, которое я могу дать. Теперь я тоже оглядываюсь по сторонам, в поисках того, кто смотрит на неё.

— Пожалуйста, — Ши тяжело дышит и сгибается пополам. В этот момент не понятно: то ли она часто дышит, то ли её сейчас вырвет. Молю Бога, лишь бы ни то и ни другое. — Пожалуйста, отвези меня в гостиницу, — умоляет она.

Я киваю, обнимаю её за плечи, и мы встаем. Веду её к выходу. Будучи на расстоянии нескольких кварталов от праздничных гуляний, начинаю гладить её по спине, делая всё возможное, чтобы успокоить, однако Ши продолжает прижиматься лицом к моей груди, словно пытается спрятаться.

Но от кого?

Глава 30

Она

Когда мы оказываемся возле гостиницы, я выскакиваю из машины, бегу через подъездную дорожку, толчком открываю входную дверь и лечу вверх по лестнице к нашему номеру. Однако когда до меня доходит, что я забыла ключ, теряю рассудок, дергаю за ручку и барабаню в дверь, словно каким-то волшебным образом она может открыться.

Хью мчится вверх по ступенькам мне на помощь.

— Остановись. Он у меня, — говорит он спокойным голосом, который мне уже хорошо удалось узнать, но на этот раз он мне не помогает. Как только дверь со скрипом приоткрывается на дюйм, я проталкиваюсь внутрь и устремляюсь в ванную, захлопнув за собой дверь.

В приступе безумия меряю комнату шагами. Три шага, поворот. Три шага, поворот. Как Люк нашёл меня здесь? Мне давно следовало уяснить, что ему всегда это удаётся. Не существует способа сбежать от него, и мысль о том, что он охотится за мной, убивает. Слава Богу, он не заметил меня. Я тяну себя за волосы и кричу, но затем вспоминаю о Хью, который находится в соседней комнате.

Прекращаю истерику, отчаянно пытаюсь взять себя в руки, однако дрожь в теле унять не получается. Кусаю ногти, пальцы, руки. Ничто не помогает. Единственное спасательное средство, которое приходит мне в голову — включить душ и встать под поток ледяной воды. Что я и делаю, даже не удосужившись раздеться. Мне хочется смыть Люка прочь. Смыть моё прошлое, даже воспоминания о Брене. Облокачиваюсь спиной о кафельную стену и сползаю на пол душевой кабины, усаживаясь на попу. В этой позе вода ручьями стекает по лицу, и, кажется, помогает унять волнение. Сворачиваюсь в небольшой комок, желая, как и всегда прежде, уменьшаться до тех пор, пока от меня ничего не останется.

Хью стучится в дверь ванной:

— Ши, у тебя всё в порядке? Я очень беспокоюсь.

— Да.

Несмотря на то, что я пробормотала это слово себе под нос, оно эхом отдаётся в крошечной душевой кабине.

— Хорошо.

Хью не пытается выдавить из меня больше информации. Вот насколько он хорош, как он уважает меня, и я понимаю, что не совсем справедливо держать его в неведении, относительно причин моего неадекватного поведения. Могу ли я рассказать ему? Будет ли это иметь хоть какое-то значение, когда наша так называемая интрижка закончится? Хью до сих пор не знает моего имени. И не узнает, так как я приняла все возможные меры предосторожности, чтобы он никогда его не узнал.

Вода течёт по коже, пока та не сморщилась, становясь похожей на чернослив. Хью несколько раз приходит проверить меня, вероятно, чтобы удостовериться, что я жива, но по большей части, позволяет мне побыть одной. И это хорошо, ведь прежде чем появиться перед ним, мне надо обрести контроль над собой.

Наконец успокоившись, вылезаю из душа, встаю на коврик, на который с меня стекает вода, и открываю дверь. Когда она распахивается, Хью подпрыгивает с кровати, где он ждал меня и устремляется ко мне.

— Кто-то обидел тебя, Ши?

Я трясую головой. Хотя и вру, но какое это имеет значение.

— Тебе холодно?

Киваю, в то время как Хью уже схватил полотенце с полки. Накрывает им мою спину, окутывая чувством комфорта и защиты, которые всегда старается проявлять в мою сторону, и притягивает ближе. В этот момент мне хочется спрятаться в нем навсегда. Не знаю почему, но я всегда чувствую себя намного лучше, находясь рядом с ним.

— Нам надо снять с тебя мокрые вещи. Ты дрожишь как осиновый листок.

Должно быть, он принимает моё молчание за знак согласия, так как отбрасывает прочь

полотенце, хватается за низ рубашки и начинает тянуть её вверх.

— Подними руки, — говорит, и я подчиняюсь. Когда он снял с меня рубашку, от холодного воздуха я замерзаю ещё сильнее, и тело покрывается мурашками. Он бросает промокшую рубашку в раковину, а затем поворачивается ко мне. Начинает крутить пальцами кнопку на джинсах, пока она наконец не поддаётся, затем расстёгивает молнию. Тяжёлые мокрые джинсы сползают вниз до лодыжек, я опираюсь на него и вылезаю из них.

Он оборачивает вокруг меня большое полотенце, начиная с груди. Придерживая полотенце, поворачиваюсь к Хью спиной.

— Помоги мне с лифчиком.

Я слежу за его реакцией в зеркале. На мгновение его взгляд застывает на моей голой спине, как будто он не решается сделать это, однако потом оделает то, о чём я его попросила, медленно и нежно. Крючки расстёгиваются, освобождая меня. Теперь я осталась в одних трусиках с надписью «Четверг».

Это проверка. Для меня. Для него. Узнать, что значит быть не с Бреном, а с кем-то другим. Контролировать себя и не повиноваться Люку. Идти дальше. Делать что-то для себя.

От этой мысли моя дрожь утихает. Приступ паники проходит. Я не чувствую себя виноватой. Мне не хочется убегать. Я знаю только одно: мне нужно оставить прошлое позади и быть здесь с ним, прямо сейчас.

Эти чувства окрепли за последние дни, ну а ощущение комфорта и невероятное сексуальное притяжение были у нас с самого начала. Меня манит странное ощущение, что мы с ним давно знакомы. Мне хочется заботиться о нём. А он уж точно заботится обо мне.

Я позволяю случиться тому, с чем до этого боролась. Физическая реакция моего тела сильнее голоса разума, поэтому я поворачиваюсь к нему и обвиваю его шею руками, при этом полотенце падает на пол. И наконец после всего, что произошло, на этот раз я всё-таки прижимаюсь губами и телом к нему. На вкус Хью похож на конфету, которую он ел на ярмарке: сладкая карамель с привкусом соли. Я погружаю язык глубже в его рот, желая большего, и он издаёт рык.

Хью изголодался по мне, так же как и я по нему. Его ладони оказываются на моих плечах, затем спускаются ниже по спине, притягивая ближе. Он касается резинки трусиков, отодвигает её, тем самым распространяя пламя желания по моему телу, через напряжённые мышцы живота, направляясь на юг, к сладкой вишенке между ног. Пульсация там требует воссоединения с его органом, рвущимся из штанов, и тогда я с усилием толкаю его в спальню. Когда нам уже больше некуда идти, мы падаем на кровать.

Приземляюсь на него, сажусь в позе наездницы, заключая его стройный торс между бёдер. От созерцания его красивого лица и сексуальной ухмылки, чувство самоконтроля покидает меня, а это единственное чувство, которого мне так не хватает в жизни. Этот факт заставляет меня продолжать. Сягиваю с него рубашку через голову и бросаю её через всю комнату. Склоняюсь и провожу языком по глубоким линиям его твёрдого пресса, а также по изогнутой V-образной линии внизу живота, ведущей прямо в штаны.

Благодаря поворотам, перекатам и извиванию, мы оказываемся на середине кровати. Я целую его то игриво, то безумно, то покусываю, в то время как его поцелуи становятся всё нежнее и нежнее. Когда разница между нашими намерениями становится слишком очевидной, я отстраняюсь, чтобы задать несколько вопросов.

Я мечтал об этом на протяжении многих дней, часов, минут и секунд. Сбился со счёту, сколько раз в моей голове возникала картинка её обнаженного тела, особенно после того, как я в первый раз увидел её полуголой на велосипеде, от чего непроизвольно испытывал ночные оргазмы. И вот она на мне, сжимает бёдрами моё тело, облизывает его, и сейчас она намного прекрасней и идеальней, чем я вообще мог себе представить. Святые угодники!

Но с Ши что-то произошло. Она поменяла своё поведение там, в душе, но я не знаю почему. Мозг борется с бунтующим членом. Всем своим сознанием одобряю эти поцелуи и прикосновения, и, о Боже, даже игривые покусывания. Я не позволяю мозгу углубляться в причины её неожиданных перемен, однако мысли всё же лезут в голову. Или, возможно, это мой внутренний не-проси-всё голос, подсказывающий как поступить правильно.

Я притормаживаю нашу страсть, переходя от горячих и страстных поцелуев к более нежным и милым. Она замечает это и отстраняется, приковав взгляд своих изумрудных глаз ко мне.

— Что случилось? Ты не хочешь?

— Конечно, хочу. Ты разве не видишь?

— Естественно вижу, — она смотрит на нижнюю часть моего тела и улыбается. — Ну так что?

Я вздыхаю и обвиваю руками её спину. Не уверен, принесут ли мои опасения дополнительные баллы в копилку или заставят её убежать в противоположном направлении. Каждый вопрос в сторону Ши — рискованный шаг.

— Я хочу тебя. Но не хочу, чтобы это было твоей реакцией на случившееся на фестивале или в душе. Я хочу, чтобы то, что произойдёт между нами, было идеально, я волнуюсь за тебя.

Она откатывается от меня, и я думаю, что это конец. Всё закончено.

— Ты такой сексуальный придурок! — говорит она, сильно удивив меня. Смеётся, обматывая простынёй великолепную грудь.

— Возможно. Но это всё из-за того, что я переживаю за тебя, — я сажусь на кровати.

— Знаю, — её взгляд опускается на пол. — И я это ценю. Нехороший человек обязательно воспользовался бы ситуацией, — она смотрит на свою ступню, рисуя большим пальцем ноги круг на ковре. — В Мериленде я совершила кое-что ужасное, — она произносит эти слова непринужденно, а я стараюсь не показывать никакой реакции. — Я изменила своему парню, жениху, если быть точнее.

Не моргая, она смотрит на меня из-под ресниц, подавая знак, что возможно она говорит правду, а возможно и нет. В течение последних дней границы между правдой и реальностью сильно размылись.

— Всё в порядке, — я ёрзаю на месте. Такой вариант я даже не рассматривал. Мои мысли всегда двигались в противоположном направлении, где Ши была жертвой.

— С его братом, — добавляет она.

— Вау, — она застала меня врасплох, и я, чёрт возьми, не знаю, что ответить.

— Да уж, мне до тебя далеко.

— Вряд ли. Нет, точно. Я уверен.

Беру её за руку, пытаюсь успокоить. Очевидно, на это была причина.

— Я заварила всю эту кашу и сбежала, и теперь его брат разыскивает меня.

А вот и причина. Брат.

— Это его ты увидела на фестивале?

Она кивает.

— А ещё в Сан-Франциско в тот день, когда мы утром посещали фабрику печенья. Это единственная причина, почему я согласилась пойти с тобой. Я пряталась от него. Он охотится за мной, с тех пор как я бросила его.

— А я то подумал, что очаровал тебя, — стараюсь говорить беззаботным тоном, хотя всё, что она рассказала, сильно огорчает. Вспоминая время, которое мы провели вместе, в моём сознании всплывают шляпа, солнечные очки и туго завязанные волосы, хотя в тот день было облачно. В каком ужасе она была, когда мы увидели свадебную церемонию, а ещё её появление в самолёте, где я впервые её увидел.

— Это же очевидно, — Ши тянется ко мне и берёт меня за руку. — Дело в том, что этот брат относится к категории плохих парней.

Она делает паузу, словно подбирая подходящие слова:

— Скажем так, ему нужно поставить гигантское позорное клеймо внизу спину, чтобы предостеречь других девушек.

— Он причинил тебе боль? — задаю очередной вопрос, фокусируя взгляд на шрамах. Крючковатая линия на лице, длинная рваная на внутренней части ноги и другие мелкие отметины на её нежной коже. Мог ли он всё это сделать с ней?

На этот раз она не отвечает, однако для меня достаточно молчания. Я напрягаюсь. От этой мысли в венах закипает кровь. Волна гнева, которую пытался сдержать, вырывается наружу, готовая убить того, кто посмел причинить вред этому прекрасному созданию.

— Итак, ты всё ещё думаешь, что я хороший человек?

Этот вопрос обезоруживает меня, но я чувствую каждую частичку боли, которую могу видеть в океане её глаз. Я уже утонул в них. Никто из нас не идеален. Мы исполняли роли в течение прошедших дней, великолепная актёрская игра. Пытались сбежать от прошлого незнакомцами.

— Давай отбросим прошлое, словно ничего не было. Я влюбился в тебя такую, какая ты сейчас.

Ши на секунду замирает в моих объятиях. Мы не просто держимся друг за друга, мы выдавливаем всё плохое, позволяя ему выйти наружу и раствориться в воздухе, оставляя в наших объятиях только хорошее. Принимая во внимание всё, что происходит между нами, мне кажется, для негатива просто не будет места. Больше не будет.

Мы снова оказываемся на кровати и продолжаем то, на чём остановились прошлой ночью, но сейчас просто воркуем друг с другом: никаких поцелуев, только разговоры, без намека на секс. Каждая секунда, когда она не пытается сбежать от меня, уже сама по себе победа. А ведь прошла всего пара дней, с тех пор как у неё случилась истерика при виде свадьбы, и ещё несколько — с тех пор как я увидел её в разорванном свадебном платье в аэропорту. Честно признаться, не знаю, насколько смогу продлить это, но сделаю всё возможное.

После сегодняшнего вечера решаем остаться ещё на одну ночь, а потом, субботним утром, двинуться в другое место, неважно в какое.

Ши засыпает в моих объятиях. А моя бессонница не позволяет мозгу отключиться. Мой перелёт домой назначен на воскресенье, а я пока не определился, стоит ли его отменить,

позвонить на работу и остаться там, или вернуться к реальности и попытаться найти работу в Сан-Франциско. Я не могу продолжать жить в доме моей сестры Эшли в Мериленде. Они с мужем больше не хотят видеть у себя гребаного двадцати шестилетнего младшего брата, и я, конечно, тоже больше не хочу там оставаться, учитывая сложившиеся обстоятельства.

Интересно, перезвонят ли мне из ВСТ по поводу работы. Они сказали, что в любом случае свяжутся со мной в конце недели. Тянусь к телефону на прикроватной тумбочке. Я совсем забыл про него в свете всех событий. Голосовых сообщений не было, однако когда я решаю проверить электронную почту, то вижу письмо от сотрудника ВСТ, Боба Клейтона который написал мне сегодня. Они приглашают меня на второе собеседование, так как я вошёл в тройку кандидатов на эту вакансию. Похоже, я ещё не настолько плох, насколько мне казалось, и хочется закричать от радости, однако приходится оставить весь энтузиазм внутри. Они хотят встретиться со мной в понедельник. Итак, теперь я знаю, что придётся остаться здесь и аннулировать билет, но мне также нужно вернуться назад в Сан-Франциско.

Я не знаю, как сообщить об этом Ши. Наши отношения балансируют, будто на лезвии ножа: достаточно одного неверного движения, чтобы разорвать связь. Поэтому мне нужен запасной план. Я должен придумать какой-то способ, чтобы разрушить правила, узнать её настоящее имя и контактные данные, чтобы, когда мы вернёмся домой, я мог с ней связаться. И хотя знаю, сейчас нам хорошо вместе, это всего лишь дело времени, прежде чем я что-либо натворю или скажу что-то не то. В этом я особенно хорош. К сожалению, она пока находится в счастливом неведении, что это мой стиль жизни.

Может мне взять её кошелек, закрыться в ванной и заглянуть в водительские права, пока она спит? Я мог бы это сделать прямо сейчас, если бы мои руки не лежали под её шеей. Я пошевелил ими, надеясь, что смогу вытащить, но от этого она повернулась лицом ко мне и крепко обнял. Хмурюсь. Нет ни единой возможности добраться до её документов сегодня. Я сделаю это завтра по-тихому, возможно, когда она будет в душе.

Этот паровоз мыслей заставил меня подумать о том, чтобы посмотреть в её водительское удостоверение и впервые увидеть настоящее имя. Каким оно будет? По крайней мере, мне будет очень непривычно называть её как-то иначе. Она всегда будет моей Ши. Я мысленно начинаю перечислять возможные имена, словно считая овец, пока наконец не засыпаю.

Глава 32

Она

Проснувшись на следующий день, чувствую себя бодрой и отдохнувшей. У меня чудесное настроение, так как Хью находится в моих объятиях. Задумываюсь на секунду о событиях прошлой ночи. Первое: я практически переспала с ним, однако, несмотря на его рыцарские качества и моё ясное сознание, всё ещё хочу его. Второе: он сказал мне, что влюбился. От этих слов меня переполняет счастье и кружится голова. И третье: точно не уверена, откуда взялась у меня эта смелость, но в душе появилось чувство облегчения, после того, как поведала ему часть моей истории. Быстро осознаю, что все перечисленные пункты означают только хорошее, и хотя я всё ещё обеспокоена появлением Люка, всё же чувствую себя в безопасности рядом с Хью.

Скатываюсь с кровати, разминаю руки и поворачиваюсь навстречу солнцу. Раздвижные

двери издают скрип, когда я открываю их, позволяя свету затопить комнату.

Хью со стоном ворочается в кровати.

— Как так получается, что каждый день настолько великолепен? — делаю глубокий вдох и почёсываю голову с копной спутанных волос, затем оборачиваюсь через плечо.

Хью хватает подушку и закрывает лицо, прячась от солнечного света:

— Ааа, сейчас ещё так рано. — Переворачивается, намотав на себя белое пуховое одеяло.

Не могу сдержаться от того, чтобы не начать приставать к нему, заставляя проснуться. Для этого возвращаюсь в комнату и запрыгиваю на скрипучий матрас. Он никак не реагирует, и тогда мне приходится поднять одеяло и заглянуть в пещеру под подушкой.

Он пытается закрыться, однако мне быстро удаётся выхватить у него подушку, несмотря на протест.

— Пора вставать. Нас ждут великие дела, — наклоняюсь, чтобы нежно поцеловать его в губы. Когда отстраняюсь, он поднимает голову, пытаясь двигаться вслед за мной, чтобы получить ещё один.

— Ты меня погубишь, женщина. Я вымотан.

— Это наш последний день здесь, — напоминаю ему. — Я хочу выйти на улицу и увидеть всё в этом городе.

Впервые за долгое время меня абсолютно не волнует Люк. Я уверена, если ему снова удастся меня найти, то Хью будет моей каменной стеной, а я смело смогу противостоять Люку и покончу с ним раз и навсегда. Единственное, о чём мне хочется сейчас беспокоиться, так это о мужчине, который находится рядом и делает всё возможное, ничего не зная обо мне. Рисую кончиком пальца витиеватые узоры на его обнаженной груди.

— Отлично, — простонал он. — Но давай ты сначала соберёшься, а у меня будет ещё немного времени поспать.

Я подпрыгиваю с таким энтузиазмом, какого у меня не было на протяжении многих месяцев, хватаю свои вещи и убегая в ванную. Когда дверь захлопывается, Хью уже успевает завернуться в одеяло, закрыть глаза и растечься по кровати. Выполняю обычные дела, принимаю душ и одеваюсь, но вдруг останавливаюсь, рассматривая три таблетки, оставшиеся в злосчастном пузырьке. Из моей груди вырывается дрожащий вздох, ведь мне известно, что от снотворного не будет проку в течение дня. Они не имеют для меня значения. Я больше не хочу сидеть на лекарствах, уж лучше прожить каждый момент с Хью с ясной головой.

Через сорок минут мои сборы, наконец, подходят к концу и, когда я выхожу из ванной, вижу, что Хью тихонько храпит с приоткрытым ртом.

С подушкой в объятиях он выглядит весьма привлекательно, даже несмотря на вытекающую струйку слюны, словно из сломанного крана. Кусаю палец, чтобы подавить смех. Видя, что он так устал, мне становится неловко его будить, поэтому выскальзываю из комнаты и бегу вниз по лестнице в холл, чтобы раздобыть нам еды.

Глава 33

Он

Как только за Ши захлопывается дверь, сажусь прямо на кровати. Тыльной стороной

ладони вытираю слюни с лица, вслушиваясь, как её шаги удаляются на лестнице в направлении первого этажа. Не зная, сколько у меня времени, я вырываюсь из плена простыней и рыскаю в бардаке комнаты в поисках сумочки.

Я нахожу её на туалетном столике в ванной. Но прежде чем расстегнуть молнию, меня одолевают сомнения. Внутренний голос предупреждает, что узнав её имя, нарушу правила, на которых строится наша дружба. Пытаюсь сопротивляться этим мыслям. Наша игра слишком затянулась. Я делаю это только ради совместного возможного будущего с Ши. На которое очень надеюсь.

Делаю глубокий вдох и приказываю заткнуться моему не-просри-всё голосу. Мне не хочется её потерять. Запускаю руку внутрь и начинаю рыться. Мне попадается блеск для губ, выпавшие из пачки конфетки Twizzlers, кошелёк с большой суммой наличных денег и пузырёк с таблетками, но бумажника здесь нет. Возможно, пузырёка будет достаточно. Подношу его ближе к глазам, пытаюсь лучше разглядеть этикетку. Она порвана и содрана во всех нужных местах, за исключением двух. В её имени есть буква «С». Может быть в имени, а может и в фамилии — точно не пойму. В любом случае, это абсолютно бесполезная информация. Единственное, за что можно зацепиться, так это название города: Дэвидсонвилл, Мэриленд. Это всего лишь в пятнадцати минутах езды от моего дома.

— Чёрт!

Раздается стук в дверь, от которого сердце уходит в пятки, заставив меня замереть на месте.

Ши вернулась.

Быстрее, чем вообще возможно, запикиваю все вещи назад в сумку, застёгиваю молнию и кладу её обратно на туалетный столик.

Она снова стучит, но на этот раз немного сильнее.

Бегу к двери, однако возвращаюсь назад, чтобы удостовериться, что сумка лежит в том же положении, в каком её нашёл. Быстро подбегаю к двери, делаю глубокий вдох, расслабляю плечи, поправляю волосы и сощуриваю глаза, словно только что проснулся, затем спокойно открываю дверь.

Глава 34

Она

Держа в руках несколько кексов, завёрнутых в салфетку, останавливаюсь, чтобы поболтать с женщиной за стойкой ресепшн.

— Чем могу вам сегодня помочь?

— Когда мы заселялись, нам рассказали о вечеринках, которые проводятся на винодельнях. У вас есть более подробная информация о них?

— Я могу вам дать несколько буклетов, однако уверена, практически у всех билеты уже распроданы, — она выкладывает на стойку кипу причудливых приглашений. На некоторых из них размещены великолепные фотографии. Одна из них особенно притягивает моё внимание.

— Ух ты, а что это? — указываю я локтем.

— Это поместье Коппалина. Сказочно отстроенные здания, вина мирового класса и незабываемая вечеринка. Мне известно, что билеты на вечеринку уже распроданы, но вы

можете посетить само поместье и оплатить экскурсию по замку, посмотреть нескончаемые погреба и виноградники, — она вставляет брошюру и приглашение между моими свободными пальцами, и я надежно сжимаю их. — Хотите, я позвоню им и забронирую для вас тур?

— Спасибо, пока не надо. Я сначала обсужу это с моим другом.

Возвращаясь к нашему номеру и стучу локтем в дверь. Проходит некоторое время, прежде чем Хью наконец открывает. Его волосы взъерошены, губы надуты, а глаза сонные. Он почёсывает ягодицу и отступает в сторону, пропуская меня внутрь.

— Не могу верить, что не услышал, как ты ушла, — зевая, говорит он.

— Я подумала, что позволю тебе поспать подольше, — выкладываю на комод буклеты и кексы. — Вот, принесла еды, на случай если ты голоден.

— Спасибо, — он захлопывает дверь и подаётся вперед, чтобы поцеловать меня в щёку. Хью берёт кукурузный кекс и усаживается на стул, вытянув ноги. Подносит кекс к носу, вдыхает аромат и снимает обёртку. Затем, одним огромным укусом, целиком заглатывает кекс.

— Впечатляюще и некультурно, — сморщиваю я лицо.

Он заканчивает жевать, хлебные крошки падают на голую грудь.

— Большой рот. Ты знаешь для чего он? — он двигает бровями и вытирает руки, на которых были остатки еды, о грудь.

— Для слюнявых поцелуев? — дразню его, хотя это совсем не о нём. Его поцелуи идеальны, романтичны, чувственны и, как мне уже удалось выяснить, от них моментально намокают трусики с любым днем недели. Сдерживаю себя, чувствуя, как знакомый жар начинает разливаться по телу. Если я сейчас же не покину эту комнату, в которой он сидит в своих сексуальных боксерах и с таким взглядом, то мы никогда не выйдем в город.

— Не отрицай, они тебе нравятся, — парирует он в свою защиту и берёт очередной кекс с комода.

Стыдливо опускаю взгляд, так как знаю, что он говорит правду. Затерявшись в мечтах, поддвигаю пальцем приглашение к краю комода, беру его и начинаю обмахиваться, словно это поможет. Медленно открываю в себе что-то новое — смущение.

— Девушка на ресепшн дала мне буклеты о нескольких вечеринках на винодельнях, которые будут сегодня вечером. Мне очень хочется сходить вот на эту, — беру буклет и показываю ему фотографию.

— Выглядит круто и дорого, — говорит Хью с полным ртом еды.

— Это мой сюрприз. Просто представь, что это наше первое свидание.

— Первое свидание? — он поднимает брови. — А как же правила? — Хью тянется к открытой бутылке с водой и делает глоток.

— Они всё ещё в силе. Давай просто повеселимся.

— А чем мы занимались всё это время?

Хью поднимается с места и, проходя мимо, одаривает меня сладким и совсем не слюнявым поцелуем. Усаживаюсь на его стул, беру шоколадный кекс, в то время как он удаляется в ванную, чтобы принять душ и одеться. Когда выходит ко мне, то всё ещё выглядит уставшим, однако лучше чем прежде.

— Ты не очень хорошо спал, да?

Я чувствую это. В его глазах скрывается какая-то новая проблема.

— Иногда я не могу отключить мозг, — он засовывает ноги в шлепанцы.

— Это хорошо. Значит, ты все ещё жив.

— Ты всегда находишь что-то хорошее в плохом, не так ли?

Хью берёт кошелёк, ключи от номера и фотоаппарат, а я захватываю в ванной сумочку. Затем мы закрываем комнату и идём вниз.

Глава 35

Он

Внизу в главном зале с большим шведским столом только заканчивалась уборка после второго завтрака, а я уже сформировал план нашего сегодняшнего приключения, которое, надеюсь, весьма впечатлит Ши.

— Подожди минутку. Я сейчас вернусь.

— Хорошо, — говорит она, опускается в кресло возле окна и берёт журнал.

Я же направляюсь вглубь здания, где ранее приметил небольшую кухню. Засовываю голову в открытую дверь.

— Добрый день, — говорю я мужчине, который занимается приготовлением еды перед столом из нержавеющей стали.

— Я хотел бы удивить свою девушку и пригласить её на пикник, — делаю паузу, подбирая слова, и обдумываю, чтобы Ши сказала на это. — Могу ли я заказать у вас сэндвичи?

— Конечно, — мужчина кладёт нож, снимает перчатки и протягивает мне меню, которое висело на стене. — Выбирайте, что захотите.

— Спасибо, — внимательно просматриваю ассортимент и останавливаюсь на нескольких блюдах, не забывая о десерте и напитках. Огласив заказ шеф-повару, возвращаюсь к Ши.

Когда захожу в зал, то вижу её напротив основного стола. Она убирает с него вазу с подсолнухами, а затем стягивает скатерть и завязывает её у себя на груди.

— Что ты делаешь? — я останавливаюсь как вкопанный.

— Решила её одолжить, — она продолжает свои действия.

— Что? — смеюсь я. — Нет, не думаю, что это хорошая идея.

Она подходит ближе и говорит тихим голосом:

— Не хотела тебе рассказывать, но у меня есть заскок по поводу красивых тканей. На самом деле, это большая навязчивая идея. Я коллекционирую винтажные материи. А на этой скатерти самые красивые сине-зелёные розы, которые я когда-либо видела.

— Правда? Я смотрю, ты много чего собираешь, не так ли? — вспоминаю о её коллекции сувенирных одноцентовых монет. Вижу, как она смотрит вверх на меня, ожидая разрешения «одолжить» скатерть, и, когда она несколько раз хлопает ресницами, понимаю, она меня дразнит.

Я научился её разгадывать, взломал секретный код Ши, и пока она этого даже не поняла. Поэтому подыгрываю ей и беру за руку.

— Положите на место скатерть, мисс не-знаю-вашего-имени, — говорю я тоном полицейского и подмигиваю. — Когда мы выиграем в лотерею, я сделаю вам несколько комнат, заполненных красивыми тканями с точно таким же узором.

— В самом деле? А что же мне купить для тебя?

Осматриваю помещение в поисках какой-нибудь безделушки, которую можно было бы украсть.

— Это, — указываю на картину над камином. На полотне изображён яркий пейзаж с длинными рядами виноградников, залитых золотом вечернего заката, выполненный масляными красками. Цвета навевают мне мысли о живописи Максфилда Пэрриша. Подхожу к картине поближе.

— Почему именно эта? — спрашивает она.

— Потому что она всё время будет напоминать мне о времени, проведённом здесь с тобой.

— Но мы ещё даже не начали наше путешествие по этому славному местечку, — она поднимается на носочки и нежно целует меня в ухо. Когда Ши так близко ко мне, я представляю, как её губы расплываются в улыбке, перед тем как она повернётся и уйдёт. Эта чертовка всегда знает, как возбудить меня и оставить в этом беспокойном состоянии.

Когда я собираюсь взять её под руку и развернуть, чтобы поцеловать так, как целовал вчера, в зал входит шеф-повар, испортив подходящий момент.

— Сэр, ваш заказ.

Не отрываю взгляд от Ши, в то время как он протягивает мне объёмный пакет.

— Большое вам спасибо.

Шеф-повар кивает и удаляется.

— Что это? — Ши заглядывает в пакет.

— Сюрприз, — убираю пакет в сторону, испытывая абсолютное счастье, что и у меня есть собственный секрет.

— Ты плетёшь какие-то интриги у меня за спиной? — она хлопает длинными ресницами.

— Увидишь, — веду её к двери в боковой сад. Там, к высокому белому забору прислонены несколько велосипедов.

— Я подумал, что в честь дня нашей первой встречи, мы можем взять велосипеды и найти местечко для пикника, — показываю на пакет с едой.

Езда на

велосипеде голышом? — Ши с надежной смотрит на меня.

— Ответ отрицательный. Я никогда в жизни не дотяну до твоей предыдущей велосипедной банды. И к тому же, я не такой смелый, как ты.

Ши смеётся:

— О, уверена, что дотянешь. — Она внимательно осматривает моё тело, покусывая палец. Это убивает меня.

Ши выбирает велосипед лимонного цвета и выкатывает его. Стараясь придерживаться нашей цветовой гаммы, беру фиолетовый и забрасываю в корзинку спереди пакет с едой. Надеваю рюкзак на плечи, усаживаюсь на сиденье и отталкиваюсь.

Мы выезжаем на соседнюю улицу, и я беру инициативу на себя. Хоть город и небольшой, меня не волнуют достопримечательности вокруг. Беру прямой курс на выезд из города. Я хочу, чтобы Ши была только моей.

Глава 36

Она

Мы с Хью едем по длинной просёлочной дороге. Я выпрямляю ноги, пытаюсь удержать равновесие, затем отпускаю руль, широко расставляю руки в стороны, поднимая лицо навстречу солнечным лучам, и закрываю глаза. На мой взгляд, я ещё никогда не была так счастлива. Это происходит со мной. Приятные минуты этого дня побеждают всё плохое.

— Это жизнь! Ю-ху! — кричит Хью во весь голос.

— Ю-ху! — кричу я в ответ и открываю глаза.

Велосипед Хью виляет от одной стороны дороги к другой. Справа и слева от нас раскинулись миллионы рядов винограда. Вдалеке, там, где они заканчиваются, видны склоны гор, пики которых касаются лазурного неба, по цвету напоминающего яйца синей птицы счастья.

Этот день — само совершенство.

Мы проезжаем несколько миль рядом друг с другом, и останавливаемся только тогда, когда Хью фотографирует. Таких возможностей предоставляется масса, особенно когда мы сворачиваем на пыльную дорогу и подъезжаем к красным амбарам и белым сараям, часть которых уже разрушена, а в некоторых до сих пор есть коровы, ламы, цыплята и козы. Затем мы оказываемся на поле, где Хью тормозит в очередной раз.

— Что не так? — подъезжаю к нему и останавливаюсь.

— Настало время мести, — он указывает на поле с низкой травой, где мирно разгуливают сотни птиц.

— Чёрт возьми, ты — гений! — стискиваю зубы и залезаю на велосипед, затем направляю переднее колесо в сторону этих маленьких ублюдков. — Похитители печений с предсказаниями! — выкрикиваю я, словно боевой клич, и так быстро, как только могу, кручу педали, налетая на стаю птиц. Велосипед гремит подо мной, попадая в ямы и путаясь в пучках травы, пока я, наконец, не достигаю их. В диком безумии, они, расправив крылья белой волной, и крича, срываются с места и улетают прочь в синее небо. Только распугав всех птиц в округе, возвращаюсь к Хью, который фотографировал меня всё это время.

— Я их проучила, — говорю я.

— Ты в буквальном смысле до усрачки напугала всех зомби-птиц в этом районе, — он указывает на мой велосипед, усыпанный белыми густыми брызгами. Слава Богу, они не попали на меня.

— Фу, какая гадость!

— Ты их хорошенько проучила! — смеётся он.

— Я слышала, это приносит удачу, — говорю я и считаю пятна. — Похоже, они предвещают тройную удачу.

— Всегда пытаешь увидеть во всём лучик света?

Хью указывает мне рукой, и я еду за ним, пока мы не подъезжаем к полянке с деревом, отбрасывающим огромную тень на речной берег. Кладу велосипед на бок и направляюсь к воде. В этом месте река Напа собирается в большой бассейн с прозрачной водой. Хью стоит под деревом. Он достает фотоаппарат и откладывает его в сторону. Затем вынимает сложенную белую простыню.

— И ты ещё ругал меня, что я пыталась украсть скатерть!

— Это простыня из нашего номера. Разница в том, что я вообще-то собираюсь её вернуть, — он взмахивает ей в воздухе, держа за края. Вместе мы расправляем ткань и расстилаем на земле. Я усаживаюсь, и Хью присоединяется ко мне. Затем мы кладем пакет с едой между нами.

— Ты всё равно бы не украла ту скатерть.

— Ха!

Хотя это правда. Я никогда в жизни ничего не крала. Я была порядочным человеком, следовавшим общечеловеческим правилам, однако это не означает, что я не смогла бы этого сделать, по крайней мере, мысленно могу отважиться на это. Разве это может изменить то, кем я являюсь?

— Говорю тебе, ты не сделала бы этого, потому что ты хороший человек.

— Поступки не всегда делятся только на белые и чёрные. Я не стала бы плохим человеком, если бы взяла её. Осталась бы прежней. Даже хорошие люди совершают ошибки.

— Несмотря на твоё знание, что такое хорошо, а что плохо, ты всё равно решилась бы на воровство? — спрашивает он с сомнением.

— Возможно, это сделало бы меня счастливее.

— Возможно. Но тебя бы съело чувство вины. И как бы далеко это зашло? Сначала красивая скатерть, затем симпатичный стол, а потом великолепный верблюд по кличке Гиппопотам и не успеешь оглянуться, пойдёшь по кругу краж цирковых животных.

Конечно, он шутит, но я чувствую нотку серьёзности в его голосе.

— Откуда ты знаешь, что этого уже не произошло? Может быть, это моя работа, — говорю, разворачивая пакет с едой. — Ты когда-нибудь что-нибудь крал? — кладу клубнику в рот.

Хью садится на корточки и делает глоток воды.

— Да, — признаётся он и опускает глаза.

Я выпрямляюсь, услышав его ответ.

— Расскажешь поподробнее? — протягиваю ему завёрнутый сэндвич.

— Нет, — он делает ещё один глоток.

Вижу, что ему некомфортно, поэтому решаю прекратить расспросы, словно мне неинтересно. За последние несколько дней я много раз делала вид, что пропустила его слова мимо ушей. Мне очень хочется узнать, как долго мы ещё сможем так здорово проводить время вместе и практически не делиться информацией о том, кто мы на самом деле, что отчасти охарактеризует нас. Люди сделаны не только из радуги и приторно-сладких конфет, хотя я бы не возражала, чтобы в моём случае было именно так. Половина нашего характера формируется нашими ошибками, неудачами и недостатками.

— Хочешь узнать, насколько я голодна? — разворачиваю сэндвич и прислоняюсь спиной к широкому стволу раскидистого дерева, чтобы сменить тему.

Мы едим в тишине. Хью поглощает свой бутерброд и даже несколько раз

прикладывается к моему, пока я разбираюсь с фруктами, а затем произносит:

— А что ты скажешь, если узнаешь, что я украл машину?

— Что? — мой взгляд прикован к нему.

— Ты будешь продолжать считать меня хорошим человеком?

Глаза Хью не отрываются от моих, он не подмигивает мне как обычно, переводя всё в шутку. Но всё же, то, что он совершил, не настолько серьёзно, как то, что совершила я. Судя по выражению его лица, Хью не так хочет узнать правду, как проверить мой ответ. Нетрудно заметить, что он переживает из-за этого.

— Конечно же, да.

— Я мог быть серийным убийцей, и ты бы об этом даже не узнала, — шутит он и отклоняется назад, устремив взгляд вдаль на горы.

— Могу сказать то же самое о тебе, — поворачиваюсь к нему.

Он трясёт головой и играет желваками.

— Смотри, — придвигаюсь ближе и кладу руку ему на плечо. — Очевидно, у нас обоих есть своё прошлое, но сейчас оно не имеет значения. Мне не надо знать о каждом плохом поступке в твоей жизни чтобы понять, что сейчас ты — хороший парень. Люди меняются, взрослеют, становятся умнее, двигаются вперёд. Через десять лет я могу стать абсолютно другой, но я никогда не буду такой, какой была вчера или даже этим утром. Я не хочу быть прежней. Мне хочется становиться лучше с каждой прожитой секундой.

Хью не произносит ни слова. Как и прежде, его мысли улетели куда-то далеко, возможно в то время, когда он украл машину, или бог его знает, что он ещё там сделал. Я хочу стереть эту боль в его глазах и рану в сердце. Я тоже мысленно улетаю к нему, и моё сердце также болит. Я знаю, что у него чистая душа: в его глазах было сожаление, после всего того, чем мы поделились друг с другом. Ему не удаётся скрыть своё истинное лицо, даже за выдуманным именем или любой другой глупостью, которую мы придумали в нашем маленьком мирке. Чтобы хоть как-то изменить ход событий — резко встаю.

Этим манёвром мне не удаётся привлечь его внимание, поэтому начинаю раздеваться. Скидываю туфли и отставляю их в сторону. Когда стягиваю рубашку и бросаю её на траву, его внимание переключается на меня. Теперь он не витает где-то в другом месте. Он здесь со мной, полностью сфокусирован на моих руках, в то время как я расстёгиваю молнию на джинсах, и они спадают вниз к лодыжкам. Вытаскиваю из них сначала одну ногу, затем другую, и большим пальцем ноги подбрасываю их в воздух. Подлетев на десять футов вверх, они начинают неминуемо падать вниз, приземлившись аккуратно на голову Хью.

Он улыбается через штанину, а я поворачиваюсь, предоставив его взору мою попу, одетую в трусики с надписью «Пятница». Они жёлтого цвета с изогнутой радугой.

— Твои мрачные мысли вызвали радугу, — трясущ задницей, а затем пускаюсь бежать. Я ныряю с берега в поток реки. Вода освежает холодными брызгами, и я ныряю глубже, чтобы намочить голову. Когда вынырываю на поверхность и протираю глаза, вижу, что Хью стоит под деревом и не отрывает от меня взгляд.

— Иди сюда! — кричу и призывно машу рукой. — Вода просто великолепная, — делаю руками круги.

Хью отворачивается, и я думаю, что он всё ещё расстроен, однако парень снимает через голову футболку, открывая моему взору широкие плечи, накаченные мускулы и ямочки на спине. Господи, помоги мне! Каждый дюйм его тела силён и чётко очерчен, и тот спазм, который я чувствовала вчера, снова объявился в моих трусиках. Хью отбрасывает футболку в

сторону, и она оказывается на ветке дерева.

Он смотрит через плечо и улыбается. Я кричу словно возбуждённая домохозяйка в стрип-клубе. Он сказал, что танцует только когда напивается, однако сейчас я вижу, как двигаются его бёдра, пока он расстёгивает ширинку и в скрюченном состоянии продолжает двигаться в мою сторону, спустив джинсы до ступней. На нём тёмно-синие боксеры.

Хью поворачивается, давая мне некоторое время, чтобы насладиться. Я могу рассмотреть каждую линию и изгиб его тела, даже те, которые находятся ниже торса. У него большой размер, который трудно скрыть под трусами. Он разбегается, и, когда достигает берега, подпрыгивает и ныряет в воду, словно пушечный снаряд.

Глава 37

Он

Открываю глаза под водой и плыву к тому месту, где вижу стройные и гладкие ноги Ши, затем тяну её вниз. Она с воплем погружается под воду. Ши игриво борется со мной, после чего мы вместе всплываем на поверхность и заключаем друг друга в объятия.

— Рада, что ты решил ко мне присоединиться, — она прижимается ближе.

— Тебе не стоит купаться после еды. Я пришёл тебе на помощь.

Между нами снова возникает то напряжённое возбуждение, когда трудно дышать и воздух в грудной клетке становится густым, совсем как это описывается в одном из тех глупых романов, которые любит читать моя сестра. Мой взгляд фокусируется на ней. Нежно прикасаюсь ладонью к её подбородку и поглаживаю щеку большим пальцем руки.

— С каждой секундой, проведённой с тобой, я чувствую, как становлюсь лучше. Ты меня заставляешь поверить в то, что это возможно, что я могу двигаться дальше, забыв о совершенных ошибках, и занять место в твоём мире.

Ши делает глубокий вдох и приковывает взгляд ко мне. Я нежно провожу пальцем по щеке к уголку её персиковых губ, а она опускает голову и целует мою ладонь. Её щеки оказываются в моих ладонях, и она смотрит на меня снизу вверх из-под длинных мокрых ресниц, склонив голову. Её большие глаза прекрасны. Их живой зелёный цвет напоминает цвет виноградной лозы под солнечными лучами. Я больше не могу осторожничать с ней. Я хочу её. Не на один раз, а навсегда.

Мои губы опускаются на её рот, и наши тела незамедлительно изгибаются на встречу друг другу. Словно кто-то щёлкнул переключателем; каждая эмоция, которую я сдерживал до этого, передаётся в этом поцелуе, заставляя мои губы выразить всю страсть. Целую её подбородок, шею, плечи и затем снова возвращаюсь к губам. И самое удивительное — она отвечает мне. Не противится. Хочет этого также сильно, как и я. Её руки касаются моей груди, плеч и зарываются в волосы. С каждым прикосновением я всё больше и больше пускаюсь в гонку по её завоеванию. Томно вздохнув, Ши прикусывают зубами мою губу, от чего забываюсь и жёстко приподнимаю её за задницу. Она обвивает ногами мои бёдра, крепко держась так, что я упираюсь в неё членом. Ласкаю кожу и запускаю руки в трусики, в поисках того сокровища, которое прячется за нарисованной радугой.

— Какого чёрта вы там делаете? А ну-ка вылезайте оттуда! — кричит мужчина с берега.

Мы отлипаем друг от друга и оборачиваемся в сторону источника звука. Это полицейский, стоящий позади открытой двери патрульной машины на противоположном

берегу реки. Моё сердце замирает при виде полицейской формы. Последнее, что мне сейчас нужно, стычка с представителем закона.

— Купание здесь запрещено. Вода течёт в водохранилище. Вы не видите этих чёртовых знаков? — он указывает на табличку рядом с собой. Она довольно заметная, но я не обратил на неё никакого внимания.

Мы с Ши смотрим друг на друга и улыбаемся. Несмотря на то, что я смертельно напуган, ничего не могу с собой поделать. Чувствую себя шестнадцатилетним подростком, которого родители застукали со спущенными штанами во время развлечения с подружкой. Мы выскакиваем из воды и мокрые бежим к велосипедам. Хватаю рюкзак и закидываю его на спину, затем бросаю фотоаппарат в корзину на руле. Ши берёт всё остальное, запрыгивает на велосипед и уезжает. Я тоже залезаю на велосипед и кручу педали изо всех сил, чтобы догнать её. Отъехав на пол мили от полицейского, мы тормозим и разражаемся истерическим смехом, будучи всё ещё полуголыми.

— Копы только что застали нас на месте преступления! — говорит она.

— Нам не дано быть порядочными людьми.

Всё выглядит так, словно мы сообщники. Она осматривает меня с ног до головы, поднимает брови, задерживая взгляд на торсе, и произносит:

— Добро пожаловать в Банду Голых Велосипедистов!

— Я соответствую требованиям?

— Ха! Я обязательно тебе сообщу, — она посылает мне воздушный поцелуй, затем наклоняется к рулю, стискивает зубы и быстро начинает крутить педали, удаляясь от меня.

Наше бегство от полиции медленно, но верно, превращается в гонку. А так как во мне живёт соревновательный дух, просто не могу позволить ей выиграть, поэтому пускаюсь вдогонку. Спустя некоторое время я пролетаю мимо неё с победным выражением лица.

— Гонка за джакузи! — выкрикивает она, ещё усерднее крутя педали, пытаясь перехватить лидерство. Целую милую мы едем ноздря в ноздю, и потом оба начинаем выдыхаться. Мы заехали дальше, чем я мог предположить. Наша гонка превращается в весёлое и беззаботное мероприятие: мы машем руками и посылаем улыбки проезжающим мимо машинам, которые сигналият нашим полуобнажённым телам, пока наконец не доезжаем до гостиницы и оставляем велосипеды в боковом дворе. Я заключаю её в своих объятиях и целую так, как целовал в реке. Я схожу с ума по ней с самого начала, с того самого момента, когда впервые встретил. Она дразнит меня языком, в то время как её руки гладят мою грудь, затем плавно перемещаются к спине. Она отстраняется и отступает назад, призывая меня идти за ней.

— Почему у меня такое ощущение, что ты строишь из себя невинность?

— Я такая и есть, — ухмыляется Ши, и на этих словах я хватаю её, приподнимаю и закидываю на плечо. Она бьёт меня коленками в грудь, а локтями по спине.

— Опустить меня! — хихикает, однако начинает грязную игру. — Я сейчас потяну за твои трусы, чтобы они врезались тебе в задницу! — она дёргает за резинку трусов, демонстрируя серьёзность намерений.

— Ааа! Ты хочешь убить меня, женщина!

Но я не уступаю и тащу её к высокой стеклянной двери, которую открываю коленкой и захожу на задний двор, где расположен бассейн и джакузи.

— Ладно, ты сам напросился! — она с усилием тянет за резинку, так что ткань врезается в мои булки, и я кричу. Кидаю вещи на газон и начинаю её щекотать. Она не

может сдержаться, извивается и визжит, от чего начинает смеяться ещё сильнее.

— Остановись. Хватит! — вопит Ши.

Я прекращаю и опускаю её ниже так, что мы оказываемся лицом к лицу. Её руки обвиваются вокруг моей шеи, и мы снова сливаемся в поцелуе.

Уголкем глаза замечаю, что мы не одни, и осознаю, что около бассейна полно людей. Они загорают на солнце, потягивая вино или читая книгу. Все их нахмуренные взгляды обращены к нам. Мы вели себя шумно и неприлично, поэтому я отстраняюсь от Ши, опуская её на землю. Она перекидывает спутанные волосы через плечо, приходя в себя после нашей игры, и тоже возвращается к реальности.

— Упс.

Зарывается лицом в мою грудь и пыхтит.

Склоняюсь к ней:

— Давай покажем, насколько примерно мы можем себя вести. Люди должны увидеть только лучшее, что есть в нас.

Ши кивает, принимая вызов. Мы собираем вещи с земли, поднимаем подбородки, выпрямляемся и идём в сторону стойки у бассейна так, будто на мне надеты плавки, а на ней купальник.

Кладём вещи на два шезлонга и направляемся к джакузи. Залезаем в горячую воду и садимся рядом друг с другом таким образом, чтобы видеть всех вокруг.

Глава 38

Она

— Как ты думаешь, кто из присутствующих наш дурацкий сосед? — шепчу я на ухо Хью, желая прийти в себя и наконец убрать руки от его тела. Хью окидывает взглядом всех людей, глядя прямо сквозь меня, затем берёт мою руку и кладёт себе на коленку. Улыбаюсь и придвигаюсь ближе.

— Если соседи здесь, то, скорее всего, уже догадались, кто мы такие.

— Возможно.

— Исходя из общего количества номеров в нашем отеле, можно с пятидесяти процентной вероятностью сказать, что они здесь. Если только уже не уехали.

Внимательно изучаю каждую пару, мысленно представляя, могли ли они быть теми, кто стучал нам в стену, вызывая у нас с Хью безудержный смех. Нам не хотелось сильно шуметь. Оба раза были чистой случайностью.

— Что скажешь по поводу пары номер один? — кивком указываю на самую дальнюю от нас. Они сидят за столиком, уткнувшись в телефоны. На вид им около 35 лет.

— Хм, не думаю, что это они.

— С чего ты взял?

— У них под глазами мешки размером с Техас, хлебают вино так, словно это их последний день в отпуске и, самое главное, они находятся в том возрасте, когда люди оставляют дома пару орущих детей, что объясняет первые два пункта. Бьюсь об заклад, они даже не заметили наших проделок.

Рука Хью скользит по моему плечу, притягивая ближе. Вжимаюсь в изгиб его тела, чувствуя себя смелой и защищённой, одновременно исследуя его нижнюю часть под

бурлящей водой.

— Мне кажется, у тебя есть странный дар предвидения, — смотрю вокруг в поисках новой пары. — Как насчёт них?

Указываю подбородком на пару лет пятидесяти, разместившуюся на двух шезлонгах. Женщина невысокого роста, полноватая, в футболке с винными бокалами в стразах уткнулась носом в потёртую книгу. Волосатая грудь и круглый живот её мужа покраснели от солнца. Его голова накрыта рыбацкой шляпой, скрывая закрытые глаза.

Поворачиваю лицо к Хью так, чтобы он мог посмотреть на них через моё плечо. Он переводит взгляд на меня, прежде чем снова вернуться к ним.

— Как я могу сконцентрироваться на наших плохих соседях, если ты изводишь меня своими волшебными руками?

— Если ты удивишь меня своими способностями, то, возможно, я покажу тебе то, что умею. — Он ухмыляется.

— Вызов принят.

Его взгляд возвращается к супружеской паре, а я продолжаю гладить его бёдра и твёрдый пресс, решив случайно коснуться члена, что точно заставит его потерять рассудок.

Он с большим усердием продолжает наблюдение.

— Эта женщина не из тех, кто любит жаловаться. Она милая и частенько входит в положение других. Но, — Хью останавливается, — мужчина определённо брюзга, легко теряет самообладание, хотя он и хороший парень, если с ним познакомиться поближе.

— Как ты это понял? Ты Шерлок Холмс?

— Нет, просто догадка. Они напоминают мою семью.

Хью продолжает говорить, изо всех сил пытаясь сконцентрироваться на нашей беседе, однако его глаза всё больше и больше закрываются, а тело глубже погружается в воду, предоставляя мне большую площадь для массажа.

— А что насчёт вон той крайней пары? — они ближе всех сидят к нам, женщина что-то печатает на ноутбуке, а её муж разговаривает по телефону.

— Хм. Она определённо явный претендент, судя по косым взглядам, которые кидает на мужа. Работает в отпуске, и, видя, что её плечи практически касаются ушей, могу предположить, что она немного раздражена.

Мужчина громко смеётся, и тогда женщина наклоняется и хлопает его по колену, чтобы заставить замолчать.

— Думаю, у нас есть победитель, — говорю я, и наконец запускаю руку в его боксеры, поглаживая мощный орган. — Вопрос только в том, что нам делать с этой информацией, — прикусываю губу, чувствуя озорство.

— Ши, что случилось с нашей договорённостью о хорошем поведении?

— Я сказала, что попробую. Я не говорила, что это будет легко для меня.

Хью погружается ещё немного глубже в воду и придвигается ближе.

— Что у тебя на уме? — произносит он низким сексуальным голосом.

— Кое-что умопомрачительное, — подразывая, отвечаю я.

— Ты убьёшь меня, женщина, — на этих словах он накрывает меня горячим влажным поцелуем, в то время как я продолжаю поглаживать его там, незаметно для посторонних глаз.

Я не заметила, как из джакузи мы переместились в номер. Наша прелюдия длилась достаточно долго и, чем больше времени я провожу с ним, веселясь, позволяя ему

раскрывать мои положительные качества и заставляя забыть прошлое, тем больше жизненных сил пробуждается во мне, тем более отчаянно я нуждаюсь в нашей связи на всех уровнях.

Хью закрывает дверь ногой, а я стягиваю с него мокрое бельё, наконец, полностью раздев. Каждая часть его загорелого подтянутого тела идеальна, и я чувствую, что сгораю от желания наброситься на него.

Мы обнимаемся. В течение нескольких дней мы флиртовали, намекали, игриво касались друг друга. Теперь я понимаю, что это всего лишь маленькие кусочки той секс-бомбы, которая вот-вот взорвётся в этой комнате.

Хью прижимается ко мне своим стояком, я в ответ приподнимаюсь на носочки, в отчаянной попытке дотронуться до него своей пульсирующей в трусах вишенкой. Его руки тянутся к трусам, а пальцы забираются под ткань, стягивая её с линии пояса, пока они не съезжают вниз до бёдер. Холодный воздух проникает в пространство между ногами, высушивая там влагу, и мне мгновенно хочется приподняться, чтобы он оказался внутри меня.

Из моего рта вырывается стон наслаждения или, возможно, облегчения, что мы наконец дошли до этого момента. Этот чудесный мужчина ворвался в мою жизнь, хоть я и не знаю почему, но на это должна быть веская причина. Он стал лучиком света, в котором я нуждалась, и я знаю, что когда отдамся ему, он примет мой подарок с уважением, заботой, в точности так, как обращается со мной, даже не зная настоящего имени.

Хью опускается на колени и горячий воздух из его рта обжигает мою промежность, одновременно он стягивает трусики «Пятница» с бёдер, пока они, оставляя мокрый след, наконец не падают на пол.

Когда тепло его рта оказывается у меня между ног, закатываю глаза и запускаю пальцы в его густые волосы на голове. Пока цепляюсь за пряди волос, его мягкая щетина трётся о внутреннюю сторону моих бёдер, и я чувствую, что открываюсь ему во всех смыслах.

Хью встает, и наши взгляды встречаются. Тепло его дыхания ощущается на моём лице, шее, и всё моё тело дрожит, в то время как он покрывает его поцелуями. Руки перемещаются к моей попке, затем он легко приподнимает меня и усаживает на низкий комод. Облокачиваюсь спиной о стену, полностью сосредоточившись на сексуальности Хью, а он соблазняет меня каждым своим движением. Его палец проскальзывает под бретельку моего влажного бюстгалтера и ловко снимает её с плеч. Наклоняется ближе и нежно целует кожу в том месте, где была бретелька. Тоже самое происходит и с противоположной стороной, однако другому плечу достаётся два поцелуя. Затем его руки оказываются на спине, он расстёгивает застёжку, целуя меня в ключицу. Выгибаюсь дугой, наслаждаясь каждым чувственным прикосновением.

Хью словно поклоняется мне, максимально растягивая момент, медленно пробуждая внутри желание. Его губы исследуют моё тело, задерживаясь на самых чувствительных частях. Он накрывает ладонью мою грудь, прикусывая зубами затвердевший сосок. Сильные ладони скользят по бёдрам и животу. Будто из мягкой глины он вылепливает контуры моего тела.

С каждым прикосновением ощущаю покалывание на коже, пробуждающее животное желание, от которого мои ноги раздвигаются, чтобы быть к нему настолько близко, насколько это возможно. Но у меня есть только одно место, где я жажду его прикосновений, и, когда Хью начинает двигаться в этом направлении, наконец, делает то, чего мне больше

всего хотелось. Касается пальцем пульсирующей точки, медленно надавливая, обводя лёгкие круги, усиливая моё похотливое желание. Мои ноги широко раздвигаются, а голова падает на бок, приглашая его. Тяжело дыша, запускаю пальцы в его волосы, направляя. Когда его губы опускаются на мои, горячее дыхание и язык уже знают своё дело. Каждое движение ритмично и целенаправленно. Моё тело подрагивает под ним, в то время как с уст срываются долгие первобытные стоны, которые прекращаются, когда я достигаю высшей точки наслаждения, благодаря его оральным ласкам, доведшим меня до исступления.

Он на секунду позволяет мне перевести дух, прежде чем натянуть презерватив и снова овладеть мной, полностью заполняя и соединяя нас в единое целое. Моё тело сжимается, ноги обвивают его талию, умоляя войти глубже. Он ещё даже не начал двигаться, и я взорвусь, если он не начнёт прямо сейчас.

— Пожалуйста, Хью, — словно кошка, мурлычу я, желая, чтобы он начал безумные движения, а он уже знает, что мне нужно. Снова приподнимает меня. Легко и аккуратно. И кладёт на край кровати. Придерживая, стоит на полу, находясь глубоко внутри, а затем медленно вытаскивает член. Это вызывает во мне вздох удивления, однако, когда он снова погружается внутрь, издаю стон блаженства, чувствуя, как наши тела касаются друг друга в медленных, уверенных, волнообразных движениях.

Когда Хью надавливает большим пальцем в самом чувствительном месте, нежно работая на двух фронтах, я уже не могу сдержаться, сердце рвётся из груди, а жар разливается по каждому нервному окончанию. Его прикосновение отзывается сильным давлением внутри, заставляя меня желать его ещё сильнее. Упершись ногами, приподнимаюсь и опускаюсь, заставляя его двигаться быстрее, в то время как стоны и учащённое дыхание сопровождают наш прекрасный ритм. Чем сильнее я сжимаюсь, тем выше напряжение. Моё тело и мышцы напрягаются, прежде чем очередная волна оргазма накрывает меня с головой. Пульсация моего удовольствия, заставляет его кончить в ответ. В водопаде спазмов он наполняет меня теплом и любовью.

Тянусь к его лицу, и блестящие глаза Хью устремлены на меня. Он целует мою ладонь. В этот самый момент я понимаю, что мы только что поделились той самой настоящей правдой, которую могут доверить друг другу два человека, и думаю, он тоже это почувствовал.

Глава 39

Он

Мы растянулись на кровати со сбитыми простынями, восстанавливаясь после того, что между нами было. Ши лежит на моей груди, кончиком пальца рисуя сердечки на коже.

— Нет такого места, где я бы хотела оказаться прямо сейчас, — шепчет она, и я полностью понимаю, что она имеет в виду.

— В данный момент я чувствую себя хорошим человеком, который находится рядом с тем, с кем должен быть, — говорю ей я. Всё плохое, что произошло со мной раньше, привело меня к ней. Невольно задумываюсь, что если она станет моим будущим, я смогу жить дальше, лишь вспоминая о прошлом.

Ши переворачивается, и теперь её красивое тело оказывается на мне, а сладкие губы касаются моих. Касаюсь ее шеи, растрёпанные волосы Ши ниспадают на меня, и я понимаю,

что обрёл своё счастье.

Но этому не суждено долго продлиться, так как Ши отвлекается на разговор в коридоре перед нашим номером и отстраняется от меня. Дверь открывается и закрывается. Слышится звук работающего телевизора и приглушённый шум голосов в соседней комнате. Наши паршивые соседи вернулись.

— Ты готов начать второй урок мести? — спрашивает она. В её глазах загорается искорка озорства. После нашего соития я уже и забыл о плане, который мы для них задумали.

— Что у тебя на уме? — спрашиваю, поднимая взгляд.

Она встаёт и наклоняется, чтобы ещё раз поцеловать меня.

— Второй раунд? — предлагаю я и кладу руки на её невероятно узкую талию, затем сжимаю пышные бёдра, в то время как её язык проникает в мой рот.

— Делай как я, — говорит она, соблазнительно прижимаясь ко мне обнажённым телом. Опираясь на руки и нависая надо мной, смотрит на меня сверху вниз. Я не уверен, что она собирается делать дальше, однако её поза вызывает в моей голове бурю фантазий. На моём лице появляется выражении заинтересованности.

— Что ты замышляешь, мисс-не-знаю-вашего-имени? — кладу руки ей на лодыжки и провожу ладонями по шелковистой коже.

В ответ она стучит рукой по стене с криком: «А, о да!». Запрокидывает голову и громко стонет от удовольствия, затем смотрит на меня с улыбкой.

— Ты не сделаешь этого.

Ужас и желание узнать, что будет дальше, одновременно борются во мне.

— О да! — она прыгает на кровати, а я убираю руки от неё. Она снова стучит и стонет, но на этот раз с большим рвением.

Не могу поверить, что собираюсь это сделать. Поднимаю глаза на Ши и вижу её открытый рот, из которого вырываются стоны удовольствия и притворного сексуального наслаждения, и смеюсь над собой. Эта девушка однозначно сумасшедшая, но я не могу ничего поделать с тем, что мне нравится в ней абсолютно всё.

Сажусь на кровати, затем встаю рядом, стараясь удержать равновесие. Вместе мы начинаем скакать на кровати, дружно стонать и бить по стене. Мы делаем это как надо, начиная медленно, чтобы всё казалось реалистичным, затем ускоряемся в естественном ритме, и через несколько минут наш спектакль превращается в оглушительную симфонию тяжёлого дыхания и похотливого экстаза.

Ши великолепно вживается в образ Мег Райан. «Да, да, да!» — рычит она утробным голосом. А я прибегаю к стандартной фразе: «О, боже! Вот так! Да, детка!». Мы входим в состояние крайнего безумия и в конце концов когда наши стоны, удары и крики сливаются воедино в поток сексуального хаоса, одновременно изображаем бурный оргазм. Это оказалось настолько забавным и утомительным, настолько завело меня, что я уже готов повторить всё ещё раз по-настоящему.

У меня есть подозрение, что в ближайшее время мы больше не услышим наших соседей. Обессиленный, падаю на кровать. Ши делает также, но когда она боком приземляется на кровать, то скатывается к краю, падает на пол и смеётся. Подкатываюсь в её сторону и приземляюсь рядом.

— Одна маленькая обезьянка прыгала на кровати. Она упала и ударилась головой.

— Ха, — задыхаясь, хохочет Ши. Её щёки покраснелись, но она прекрасна. — Ты даже

понятия не имеешь.

— Мне кажется, это был лучший псевдо секс в моей жизни, — шучу я. Это правда и мне хочется продолжения, не хочу останавливаться. У меня есть желание разбудить всех и каждого в этой гостинице. Они должны слышать нас и завидовать.

— Мы сделали это, — она поднимает руку ладонью вверх.

— Странно, что ты даёшь мне пять после такого оргазма, — отбиваю её пять и хватаю за руку, притягивая к губам и целуя, надеясь перейти к чему-то большему.

— Что ты предлагаешь? — Ши перекачивается на бок, кладёт руку под голову, ухмыляясь искусанными губами.

— Настоящий секс, — произношу я, и она соглашается.

Глава 40

Она

Вытираю мокрые волосы после душа, принятого вместе с Хью. Он подходит сзади и обнимает меня длинными руками за талию:

— Кажется, мы опоздали на свидание, которое планировали на празднике. — Он целует меня в шею.

— Сейчас я уже сомневаюсь, что хочу туда пойти. В любом случае, мне нечего надеть, — говорю, хмуря брови от мысли, что придётся идти в обрезанных шортах. Нас через секунду выгонят.

— Я могу это уладить.

— Можешь? — поворачиваюсь к Хью с озадаченным видом.

— Жди здесь.

Хью тотчас влезает в джинсы, накидывает футболку, хватая кошелек и ключи и, до того как выйти за дверь, говорит:

— Пожалуйста, никуда не уходи отсюда.

Он выбегает из комнаты, а я понятия не имею, куда он направился. У меня нет никакого желания бросать этого мужчину. Как это вообще возможно с чувствами, которые я сейчас испытываю к нему; с тем, что он заставляет меня поверить, что я способна победить демонов моей души и жить вместе с ним в нашем идеальном мире?

— Мне надо, чтобы ты встала, — говорит он.

Соскальзываю с одеяла и встаю.

— Ты доверяешь мне? — спрашивает он.

— Да.

Как я могу ответить иначе, тогда как он доверял мне с самого начала, даже когда я пригласила его на ланч, не называя настоящего имени. Когда водил меня в свои любимые места, рассказывал сокровенные мечты, и мы создавали целый мир, основанный на доверии. Он никогда не задавал мне вопросов, а я ему. Доверие — единственное, что существует между нами с самого первого дня.

— Сними полотенце.

Выполняю его приказ без колебаний. Оно падает на пол, открывая всю меня.

С отвисшей челюстью Хью осматривает меня. Даже после всего, что произошло между нами сегодня, после того, как он увидел всё, его пристальный взгляд заставляет меня

покраснеть.

— Ши, ты просто потрясающая. — Проходит некоторое время, прежде чем он наконец отводит глаза и начинает рыться в сумке. Первыми достаёт светло-голубые кружевные трусики. Зубами отрывает этикетку, что провоцирует мой смех.

— Ты — животное.

Хью издает игривый рык, затем опускается на колени, подносит трусики к полу, а я встаю в них. Медленно тянет их вверх по моим ногам, от чего на коже появляются мурашки. Когда трусики занимают положенное место, его руки оказываются на моей спине, и он притягивает меня за талию ближе к себе. Находясь в том же положении, начинает ласкать моё тело влажными губами. Запускаю пальцы в его шевелюру, массируя голову, одновременно откидываю голову со стоном наслаждения, переходя в состояние экстаза от его действий. Хью ещё сильнее прижимает меня, заставляя почувствовать каждое движение по моему телу.

Когда он отпускает меня и поворачивается к сумке, я уже не могу дождаться, когда он вернётся ко мне. На этот раз он берёт бюстгальтер. Не имею понятия, как он узнал мой размер. Он встаёт, скользит бретельками по моим рукам, от чего волоски на них приподнимаются в ожидании, а тепло разливается по моим конечностям. Прикосновения Хью невероятно сексуальны. Но, почему-то, то, как Хью одевает меня, куда более сексуально.

Он двигается позади меня, не переставая покрывать шею и плечи горячими поцелуями, одновременно заканчивая с лифчиком. Массирует мою грудь, прежде чем надеть бюстгальтер на нужное место и застегнуть.

Хью дважды возвращался к сумке. В третий раз он извлекает пару блестящих серебряных сандалий, затем снова опускается на колени и аккуратно надевает обувь на мои ноги, поглаживая при этом лодыжки. На четвертый раз он возвращается с переливающимися серебряными серёжками и бережно вставляет их в мочки моих ушей. При каждом моём движении они тихонько позвякивают, словно миниатюрные колокольчики.

— Практически закончили, — и тут он достаёт скатерть. Ту самую, про которую я соврала, что хотела «одолжить» в нашем отеле.

— Ты взял её!

— Я купил её! — поправляя меня, парирует он.

— Лжец! — Он подмигивает, от чего в моей душе появляются сомнения.

— Зачем она тебе?

— Затем, моя дорогая Скарлетт. Я подумал, что смогу сделать тебе платье из скатерти, — произносит он с южным акцентом.

— Думаю, она лучше, чем занавески.

— Так и будет. Обещаю.

Хью накидывает ткань на меня, позволяя ей ниспадать прямо, а затем делает складки. Не знаю, чем он занимается, но, похоже, планы у него великие, поэтому просто доверяюсь ему как обычно. Он перекручивает, поворачивает и завязывает, превращая меня в некое подобие капусты, и, когда заканчивает, толкает к зеркалу.

Глава 41

Он

— Боже, как красиво! Где ты этому научился? — восклицает Ши.

— У меня три старших сестры. Всё детство я был вовлечён во все девчачьи игры, которые только можно представить.

— А, бедняга.

— Моя сестра Бет ближе всех ко мне по возрасту. Когда она была маленькой, то хотела стать модельером. Заворачивалась в одеяла, постельное бельё или в любую другую ткань, которая попадалась ей под руку, и представляла себя моделью, вышагивающей по подиуму. У неё я научился несколькими трюками. Каждый раз, когда она одевалась сама и наряжала сестёр, я должен был изображать, что фотографирую их дефиле пустой коробкой из-под макарон с сыром, в которой вырезал дырку для объектива.

Произнося эти слова, играю с волосами Ши, пропуская пряди между пальцев, при этом улыбаюсь, вспоминая детство.

— Правда?

Подмигиваю ей, и она прекращает расспросы, хотя всё, что я рассказал — абсолютная правда. Бет так и не осуществила свою мечту. И это добавляется в копилку тех событий, вину за которые моя семья возложила на меня.

— Должна признаться, меня немного обеспокоило упоминание «Унесённых ветром».

— Это тоже благодаря сёстрам. Давай просто скажем, что они постоянно пробуждали во мне женские черты. Хочешь спою тебе все песни из фильма «Бриолин»?

«Бриолин» — экранизация одноимённого бродвейского мюзикла, описывающего жизнь американской молодёжи.

— Я хочу тебя, — она опускает взгляд и берёт меня за руку. — Это может стать лучшим первым свиданием в мире, — Ши тянет меня в свои объятия. — Спасибо тебе за наряд.

Затем она отступает и осматривает себя, и теперь по выражению её лица, я могу сказать, что она наконец-то увидела себя такой, какой вижу её я — красивой.

— А теперь скажи мне, какую вечеринку мы осчастливим своим присутствием? — спрашиваю я.

— Ты же хорошо меня знаешь!

Поведение Ши кардинально поменялось. Ещё вчера она закрывалась в ванной из-за панической атаки. Я, конечно же, не против таких изменений, однако меня немного беспокоит тот мудака, от которого она пытается сбежать, а также есть ли ещё тайны в той истории, которые я должен знать. Ко всему прочему, меня не оставляют мысли о женихе, которого она бросила, и может ли это повлиять на нас. Но сейчас я должен быть счастлив, хотя бы от того, что она начинает потихоньку мне открываться.

- Итак, теперь моя очередь одевать тебя, — Ши показывает язык. К ней снова возвращается игривый настрой. Она помогает мне одеться, но со мной это больше похоже на спринтерскую гонку, нежели на спокойную прогулку, так как мы уже опаздываем. Надеваю серые брюки от костюма, в котором был на собеседовании, бабочку с рисунком шотландской клетки и подтяжки. Сине-серые тона бабочки прекрасно сочетаются с платьем Ши. Когда мы выходим из центральных дверей отеля, Ши срывает белую розу с клумбы и вставляет её в петличку моей рубашки.

Я оставил фотоаппарат в номере, так как хочу прочувствовать каждую секунду этой ночи, запечатлеть наше первое официальное свидание в своей памяти, а не на плёнке фотоаппарата.

Я веду машину, в то время как Ши указывает мне дорогу. Она заводит нас в парк позади поместья Коппалина, где мы прячем машину среди густых деревьев.

— Уверена, что хочешь туда пойти? — глядя на неё, говорю я.

— Мы идём всего лишь на вечеринку, а не на ограбление.

— Смею предположить, что планы по исправлению переносятся на завтра.

— Просто расслабься и веселись.

Мы выходим из машины. Она берёт меня за руку и ведёт сквозь деревья, обходя виноградники, к задней части огромного отреставрированного замка. Пройдя линию высокой живой изгороди, попадаем на вечеринку.

Снаружи всё выглядит очень красиво и элегантно. Повсюду развешены большие круглые лампочки, мерцающие в свете уходящего дня. Завсегдатаи вечеринок уже танцуют на площадке, вымощенной камнем, под музыку, которую исполняет джаз-группа из пяти человек. Столы с угощением накрыты белым кружевом и украшены цветочными композициями. Шведский стол до отказа заполнен ледяными скульптурами, едой и шоколадными фонтанами. Здесь также есть бар, забитый всевозможными видами алкоголя. Даже люди здесь невероятно красивые, и я не могу поверить, что нам так легко удалось сюда пробраться.

— Ты — гений, — наклоняюсь и целую её в висок.

— Знаю, — с ноткой дерзости отвечает она и выпрямляет осанку.

Мы смеёмся. Ши берёт бокал вина. Я довольствуюсь газировкой, говоря ей, что это коктейль с ромом. Мне хочется рассказать ей правду, но сегодня не тот день, чтобы разрушить всё то, что мы построили. Угощаемся закусками и знакомимся с другими гостями, очень серьёзными людьми со всего мира. В нашей дешёвой одежде мы, наверняка, как бельмо на глазу, однако Ши умеет приспосабливаться к обстановке, словно хамелеон, и трансформирует меня тоже.

Кто-то даже спросил, от какого дизайнера её платье, как будто мы пришли на церемонию награждения. Ши ответила, что её наряд пошит подающим надежды молодым дизайнером по имени Хью Хью. Француз, сказала она другой женщине. Талантливый и безумно дорогой, однако стоит каждого потраченного цента. Затем она подмигивает мне. Собеседница верит каждому слову Ши так же, как верю ей я. В ней есть что-то, что заставляет влюбляться в неё и безоговорочно верить. Это, прежде всего, её искренность, обаяние, и у меня есть подозрение, что какой-то особый дар.

Осматриваюсь вокруг и понимаю, что мы находимся среди самых молодых завсегдатаев вечеринок. Большинство людей нашего возраста надрывают спину, чтобы выплатить кредит за колледж или все ещё учатся в колледже, играя вечером по пятницам в «пивной бочонок» среди орущей толпы, а не попивают роскошное столовое вино среди миллиардеров. Вполне возможно, Ши всё ещё учится в колледже, странно, что я не подумал об этом раньше. Она достаточно молода, и вообще, она достигла того возраста, когда можно употреблять алкогольные напитки? В некоторых ситуациях эта девушка ведёт себя так глупо и наивно, в то время как в других — вполне зрело и осознанно.

Теперь, по мере того как она начинает открываться, у меня возникает всё больше и больше вопросов, которые имеют значение в обычных нормальных отношениях. Поначалу мне было достаточно того небольшого количества информации, но сейчас я хочу знать о ней больше. Всё. Направляюсь к ней и оттаскиваю от новых знакомых, потому что не хочу делить ни с кем. Это наше первое свидание, и Ши должна принадлежать только мне.

Она приносит мне ещё один ром с колой, но на этот раз в составе действительно есть алкоголь. Я провёл весь вечер среди выпивающих людей, улавливая их дыхание и запах травы из тёмных уголков вечеринки. Поэтому я наконец делаю то, на что пускал слюни весь вечер — перестаю думать, как я и хотел на протяжении долгого времени, отдаюсь настоящему моменту и выпиваю, так как хочу перестать завидовать и держать себя под контролем. Мне всего лишь хочется хорошо провести время.

Как только я приканчиваю первый бокал, и алкоголь попадает в кровь, мир вокруг моментально начинает играть новыми красками. Я оказываюсь в самом центре веселья, моё сознание возбуждается от присутствия Ши рядом. Мы много пьём. Я становлюсь свободнее, как это и было всегда в состоянии опьянения: улыбаюсь, смеюсь, возможно, даже веду себя немного по-дурацки. Находясь в таком состоянии, веселюсь на всю катушку. Я составляю Ши хорошую конкуренцию.

Она увлекает меня в танец. Эта девушка очень эмоциональна. Её бедра раскачиваются и сталкиваются с моими. Она хватается за подтяжки, каким-то образом превращая их в инструмент соблазнения. Каждое её движение заводит меня всё больше и больше. Мы не можем оторвать рук друг от друга. Её присутствие создаёт видимость, что я более хороший танцор, чем есть на самом деле. Я понимаю, что общее впечатление обо мне улучшается, она способствует тому, чтобы я выглядел приличным человеком. Но я и сам ощущаю себя достойным человеком. Так или иначе, сейчас я счастливее, чем был когда-либо.

Последние лучи закатного солнца исчезают, уступая место абсолютной темноте, в которой видно только мерцание звёзд. Музыка выключают, и на сцену поднимается мужчина в смокинге, берёт микрофон и делает объявление: «Наступает время благословить вино!». Все одобрительно кричат, включая нас, и я чувствую, что мы уже сильно пьяны. Кажется, все здесь уже дошли до кондиции, и это является главной целью вечеринки. Мы не можем отступить.

Выходит священник, берёт микрофон, склоняет голову и читает молитву, вода руками над открытой бочкой с виноградом. Она должно быть футов пятнадцать в ширину и установлена в боковой части помещения. В конце молитвы толпа в унисон кричит «Аминь». Мы с Ши кричим громче всех. Ведущий снова берёт микрофон и просит женщин, присутствующих в зале, помочь подавить виноград. Ши первой сбрасывает серебряные сандалии. Пошатываясь, поднимаю её на руки, переносу через край и ставлю внутрь бочки.

Музыканты начинают играть особенную песню, которую, кажется, здесь знают все и подпевают ей, а я слишком занят наблюдением за Ши. Двадцать других женщин на фоне Ши двигаются словно в тумане, хотя вместе с ней в танце топчут и давят босыми ногами виноград. У меня создаётся такое впечатление, что я смотрю на всё через объектив фотоаппарата, однако фокус ловит только Ши: то как она поёт, смеётся и становится цвета виноградного сока, по мере того как брызги попадают на неё, на меня и на всех вокруг. Ши прекрасна, и мне хочется потянуться и снова прикоснуться к ней.

Когда песня заканчивается, мне удаётся это сделать. Вытаскиваю её из бочки и ставлю на пол, затем сжимаю её руку, тяну за собой внутрь через открытые настежь двери, которые ведут к винным погребам под замком. Там есть бочки размером с грузовик, и мы прячемся за ними около дальней стены в темноте, там, где никто не сможет увидеть нас.

Глава 42

Она

Хью прижимает меня к краю высокой винной бочки и страстно целует, а я с удовольствием принимаю это. Мне хочется, чтобы его руки переплелись с моими, а его тёплое дыхание обожгло тело. Сейчас случится великолепное повторение того, что произошло сегодня днём.

Алкоголь снова притупил мои чувства, и я действительно чувствую себя счастливой, так как освободилась от беспокойств по поводу того, правильные ли поступки я совершаю, хороший ли я человек, делаю ли правильный выбор, понравится ли он окружающим. Я потратила много времени, угождая другим. Всё, что мне надо сделать в данный момент, так это быть счастливой.

— Пойдём со мной, — на этот раз я беру его за руку, и мы устремляемся наверх, через открытые двери назад на вечеринку. Пробираемся сквозь танцующих людей, группку гостей, потягивающих вино, и наконец скрываемся от людского шума в тёмной тишине виноградников. Пока мы бежим, грязь забивается между пальцами. Когда останавливаемся, музыка вечеринки едва слышна, приглушённый жёлтый и белый свет мерцают на приличном расстоянии.

— Посмотри на розы в конце каждой линии винограда. Разве они не прекрасны? — подхожу к цветку, задерживаю дыхание, прежде чем приподнять огромный бутон и вдохнуть его аромат.

— Да, согласен с тобой.

Я смотрю через плечо и вижу, что Хью пристально смотрит на меня.

— Бьюсь об заклад, что ты не знаешь, почему их сажают именно так? — я осторожно сгибаю стебель и срываю розу с куста.

— Знаю.

— Расскажи мне, — крадусь к нему, перекаывая стебель розы между пальцами.

— Виноделы используют розы, для раннего выявления мучнистой росы. Розы и виноград одинаково реагируют на этого паразита.

Останавливаюсь в нескольких футах от него, наслаждаясь этим мужчиной. Хью красивый, сексуальный, милый, умный и обаятельный, и я осознаю, что тоже в него влюбляюсь. Мне не обязательно знать его настоящее имя, ведь я узнала его душу и она прекрасна. Разжимаю пальцы, роза падает на землю, а я дёргаю за тесёмку, на которой держится платье. Не торопясь, разворачиваю шедевр Хью, не отрывая взгляда от него. Его глаза также не покидают моего тела. Именно так я понимаю, что мы хотим одного и того же — заботиться друг о друге.

Я позволяю скатерти упасть на землю, полностью обнажив моё тело. Подгоняемая ветром, она приземляется между нами. Мы встаём на середину в дюйме друг от друга.

— С тобой я как в раю, — ладонью он проводит вниз по моей голой руке.

В его зеркальных глазах отражаются все его проблемы. Тем не менее, со мной он всегда такой понимающий и заботливый.

— Просто стой на месте, — выдыхаю эти слова ему в грудь. Развязываю узел бабочки, затем принимаюсь за рубашку: вытаскиваю её из брюк, поднимая вверх. Одну за другой расстёгиваю пуговицы. Как только с пуговицами покончено, стягиваю сначала один рукав, затем второй, после чего ткань падает на землю. Но я оставляю подтяжки. Я дёргала и играла с ними весь вечер, пока танцевала, и ещё не закончила. Мои руки скользят по его груди, мышцы на которой напрягаются под ладонями.

— Ты сводишь меня с ума, — его губы касаются моего лба.

Накрутив подтяжки на запястья, сжимаю их пальцами. Таким образом привязав его к себе, мы вместе опускаемся на землю. Стоя на коленях лицом к лицу, я уже больше не могу сдерживать желание поцеловать его, во мне растёт желание снова ему отдаться целиком и без остатка. Расстёгиваю его брюки, стягиваю подтяжки с сильных плеч, тем самым освобождая его и себя от всей одежды, пока наши тела не начинают полностью дышать.

Мы находимся на равных, когда стоим голые в ночи. Хью берёт инициативу на себя, а я ему подчиняюсь. Он медленно укладывает меня на землю. Тянется к розе, которую я уронила рядом. Дразнит меня цветком, нежно глядя лицо пахучими лепестками и обводя кругами мою стоячую грудь. Тело реагирует на каждое прикосновение выгибанием спины, напряжением мышц пресса, ознобом по коже. Сжимаю руками ткань под нами. Все чувства обострены. Он перемещается ниже, лепестки скользят, чувственно касаются бёдер и ног. В конце концов он переходит к поцелуям, не забывая и о ногах. Каким-то образом, Хью узнал о моих эрогенных зонах: лодыжки, кожа под коленками и внутренняя поверхность бёдер. Пальцы на ногах сжимаются каждый раз, когда наши тела соприкасаются.

Хью не оставляет ни одного места без ласки. И когда он наконец входит в меня, я охотно растворяюсь в нём, позволяя нашим телам слиться в одно целое. По телу мгновенно проносится поток похоти, на гребне которого меня несёт к краю водопада.

Глава 43

Он

Обнявшись, мы лежим посреди виноградников, опьянённые друг другом. Ши прижимается к моему плечу. Ничто в жизни ещё не было настолько правильным и идеальным. Целую её макушку, а она указывает пальцем на мерцающие звёзды. Ночь волшебным образом опускается на землю, также и мы чудом оказались здесь. Звёзды и полная луна освещают эту девушку, словно они тоже в курсе того, что известно мне — она особенная.

— А как называется вот эта звезда? — спрашивает она.

— С чего ты решила, что я знаю?

— Ты производишь впечатление человека, который обладает огромным багажом бесполезных знаний.

— Не уверен, комплимент это или нет.

Она поворачивается и нежно кусает моё плечо.

— Расскажи, расскажи, расскажи, — повторяет она монотонным голосом.

— Ладно, уговорила. Вон там Большая Медведица. Я знаю это только потому, что вместе со всеми остальными картами у меня была ещё и карта звёздного неба.

— А вон там? — она указывает в другом направлении.

— Созвездия Лиры, Геркулес, Северная Корона, Дева, Чаша, Лев, — говорю без остановки, указывая пальцем в различные части неба. — Хочешь, чтобы я продолжил?

— Что ещё ты знаешь? — с вызовом спрашивает она.

— Глаз страуса больше по размеру, чем его мозг.

— Не останавливайся, пока я тебе не скажу, — она целует мою руку.

— Космонавты не могут плакать в невесомости.

Её влажные губы скользят по моему плечу, плавно перемещаются к груди, покрывая бесчисленными поцелуями. Каждый необычный факт, о котором я сообщаю, позволяет мне заслужить ещё больше внимания, но со временем начинаю запинаться и терять концентрацию, поглощая её ласки.

— Мы ещё не закончили, — кончик её языка кружит по моему прессу.

— Леонардо да Винчи изобрёл ножницы ... невозможно достать локоть языком. — Этот бесполезный факт заставляет Ши сесть и странным образом выкрутить себе руку.

— Ты прав. Я не могу. Ты такой умный!

— Перед сексом у мужчины быстрее растут волосы, — продолжаю я с ухмылкой, надеясь, что она вернётся к моему телу.

Последний факт производит желаемый эффект, и она опускается на меня так, что наши обнажённые тела снова соединяются вместе. Её рука зарывается в мои волосы, наматывая пряди на пальцы.

— Похоже, они стали немного длиннее и их стало больше, — признаёт она.

— Больше? — сжимаю её в объятиях. — Это не единственное, что стало больше.

И тогда я набрасываюсь на неё. Она кричит, хихикает, дёргает ногами, но затем сдаётся, когда я оказываюсь на ней, держа руки над головой и зажав бёдра собой. Она тяжело дышит от смеха. Ши ещё никогда не была настолько красива, как в эту ночь. Мои ладони скользят по её рукам, губы ласкают кожу, а затем мы снова сливаемся в поцелуе. В продолжение прелюдии, мой рот опускается к её вишенке, желая вновь овладеть ей. На этот раз всё происходит более игриво, и я осознаю, что мы слишком шумим, однако меня это не особо волнует. Во всяком случае до того момента, пока я не слышу звук, который точно исходит не от нас.

— Ты слышала это? — отстраняю Ши и осматриваюсь в поисках источника звука.

— Это просто машина, — её руки обнимают мою талию, опускаясь к ягодицам.

Вдруг темноту ночи рассекает свет фар, останавливаясь в конце виноградников.

— О нет, — стоило мне произнести эти слова, как прожектор, установленный на автомобиле, осветил пространство возле нас. Свет сканировал темноту в нашем направлении.

— Нас засекли! — говорю я. Мы вскакиваем, попутно собирая вещи.

— Бежим! — сквозь смех произносит она, уже пустившись галопом через поле. С одеждой в руках я устремляюсь за ней. Яркий свет поворачивается в нашу сторону, вылавливая в темноте. Задняя часть голого тела Ши попадает в полосу света. Когда наши тени вырастают на земле, она визжит и сворачивает в виноградник, а я бегу вслед за ней. Наше бегство продолжается в лабиринте, тем не менее, мы мчимся в сторону вечеринки, пробегая мимо расходящихся гостей. Они свистят, когда мы проносимся мимо, так как слишком пьяны, чтобы придать значение тому, что мы полностью раздеты.

Когда свет впервые осветил нас, моё сердце остановилось уже во второй раз за сегодня. Проблемы с полицией могли поставить меня в ужасное положение. Но сейчас опасность позади, ведь ни одна машина не проедет здесь. Вздыхаю с облегчением и мне хочется вернуться к тому, на чём мы остановились.

Ши первая добегает к машине, прислоняется к капоту, словно мы участвовали в гонке и только что завершили этап. Она поворачивается как раз в тот момент, когда я приближаюсь

к ней и заключаю в объятиях. Даже сейчас, запыхавшись и будучи до смерти напуганным, моё сердце рвётся из груди от мысли, что нас могли поймать. Я не могу перестать целовать её, желая и нуждаясь в ней. На земле нет ничего, что я хотел бы больше, чем её. Она не сопротивляется, и мы облокачиваемся на машину.

— Это было потрясающе. Ты потрясающая, — шепчу я ей на ухо. Её спутанные волосы щекочут мой нос, и она отталкивает меня. Сначала я удивляюсь, но потом до меня доходят её намерения. Ши нащупывает дверную ручку, открывает дверь, берёт мою руку и тянет внутрь, заставляя упасть на неё.

Несмотря на крошечные размеры автомобиля, нам всё-таки удаётся принять несколько интересных поз. В конечном итоге мы заканчиваем то, что начали в винограднике.

Глава 44

Она

Просыпаясь, понимаю, что я в объятиях Хью. Щурю глаза и приоткрываю один, чтобы посмотреть на улицу через покрытое росой окно пассажира. Снаружи встаёт солнце, птицы на деревьях громко щебечут. Я пытаюсь пошевелиться, но чувствую, что тело задеревенело, а во рту сухо, как в пустыне. Сбоку от меня шевелится Хью. Отстраняюсь, вытаскиваю руки и пытаюсь развернуть спину.

— Боже, как у меня раскалывается голова, — тру виски.

— Чёрт. У меня тоже, — стонет он.

— Кажется, мы вчера перебрали, — хихикаю я, откапывая в сознании детали прошлого вечера, постепенно восстанавливая всю картину. Голова начинает болеть ещё сильнее, когда в мыслях всплывает сцена в винограднике, а затем и в машине. Опускаю взгляд на голое тело и улыбаюсь, после чего прижимаюсь к загорелому мускулистому телу Хью. Наклоняюсь и целую его. — Прошлая ночь была восхитительной.

Он смотрит на меня сверху вниз и гримасничает.

— Что не так? — спрашиваю я.

Он ничего не отвечает.

— Я что так плохо выгляжу? — начинаю приглаживать волосы и тереть лицо.

— Нет, дело не в тебе, — Хью потирает мою руку. — Ты выглядишь прекрасно. А вчера было просто...вау.

Мы снова целуемся, но что-то не так. Я это чувствую.

— Готова уехать с вечеринки? — Хью отодвигает сиденье, находит брюки на полу, натягивает их и достаёт из кармана ключи от машины. Сегодня он необычайно молчалив, и я надеюсь, что это всего лишь странные особенности его похмелья. Ну, вы понимаете. От боли в голове мне тоже хочется умереть. Стараюсь не сильно акцентировать на этом внимание, беру скатерть, которая теперь покрыта пятнами от винограда и травы, наматываю её на тело как полотенце, так, чтобы в ней можно было вернуться в нашу комнату в отеле.

Хью заводит машину и берёт курс на Йонтвиль. Как только он паркуется возле отеля, наша поездка заканчивается.

Глава 45

Я облажался. Я всё испортил! Ши сидит на пассажирском сиденье по дороге в отель. Она напевает какую-то мелодию и выглядит вполне счастливой после прошлой ночи, в то время как я на грани того, чтобы направить машину в бетонную стену за то, что был таким мудаком, за то, что не сдержался и напился.

Я ещё крепче вцепляюсь в руль, от чего костяшки пальцев белеют. Внутренний голос не может промолчать, совесть внутри орёт внутри благим матом, её крики закручивают волны штурма, нагоняя всё больше и больше песка. Мне хочется заорать, пробить что-нибудь кулаком или ударить себя так, как бил меня Солли Уинтерс. Я заслуживаю того, чтобы меня избивали так каждый день, каждый час, каждую минуту и секунду, пока от меня не останется мокрого места. И даже этого может быть недостаточно. Сгореть в аду — и то мало для меня.

Перед глазами возникает юное личико Бет. Её смерть стала тревожным звонком, который заставил меня изменить свою жизнь. Именно этим трагическим событием были продиктованы все перемены с тех самых пор. В ту ночь, когда она умерла, а я выжил, я дал ей обещание, которое запросто нарушил просто ради веселья.

Блядь!

Представляю, как бьюсь головой об руль. Если бы Ши не было здесь, то именно это я бы и сделал. Не хочу портить ей настроение своей безрассудной тупостью.

Мы возвращаемся в отель. Выйдя из машины, Ши берёт меня за руку и тянет к центральному входу.

— Почему бы тебе не запрыгнуть снова в кровать и не подождать меня там? — пытаюсь сохранить самообладание, предлагаю я.

— С тобой всё в порядке?

— Да, просто хочу прихватить кофе в магазинчике, который мы с тобой видели в городе. Ты хочешь чего-нибудь?

— Я хочу только тебя.

Она поднимается на носочки и нежно меня целует, а моё сердце разлетается на крошечные осколки от того, что я подвёл не столько её, сколько себя. Последней причиной, с помощью которой я мог освободиться от зависимости, могла бы стать она. То, что я сделал прошлым вечером, было ошибкой.

— Возвращайся поскорее, — она игриво улыбается, плотнее заматывая скатерть вокруг груди.

— Конечно.

Она уходит прочь. Когда я слышу, как за ней закрывается дверь, то направляюсь вниз по улице и скрываюсь в переулке за продуктовым магазином. Только тогда я наконец позволяю себе закричать. Звук эхом отражается от зданий, нарушая тишину раннего утра. Бью ногой по кирпичной стене с той силой, с какой хотел бы ударить себя. Бросаюсь на шершавую поверхность, пытаюсь сломать себе кости, но не настолько удачлив. И тогда, завершая представление говнюка, коим я являюсь, мой живот скручивает от боли. Содержимое желудка невыносимо бурлит и вырывается изо рта на бетонную стену. Опустившись на колени, изрыгаю всё до последней капли. Наконец опустошившись, облокачиваюсь на стену и очень сильно кусаю себя, продолжая сползать вниз и рыдать, словно потерявшийся ребёнок.

Самобичевание продолжалось около часа. Меня снова поглощает моя старая приятельница, депрессия, принося мрачные мысли и убивая всякую надежду. Когда на улице показываются люди, выгуливающие собак или просто вышедшие на пробежку, мне приходится подняться и взять себя в руки. Мне необходимо вернуться к Ши. Я знаю, она защитит меня от себя самого.

Оказавшись в отеле, застаю её спящей. Спасибо, Господи. Проскальзываю в ванную и включаю душ. Мои ушибленные костяшки пальцев, руки и ноги обжигает ледяная вода, однако это меня успокаивает, хотя, возможно, просто не осталось сил, так как за ночь я поспал всего три часа. Залезаю в кровать к единственному позитивному человеку в моей жизни и обвиваю её тело руками.

Такое ощущение, что я только уснул, как уже проснулся в спутанных простынях. Ши успела принять душ и одеться. Она стоит перед зеркалом в комнате. С волос капает вода, в руке держит ножницы. Она берёт одну прядь, затем слышится один быстрый металлический щелчок. Длинный локон падает на пол.

— Что ты делаешь? — я поддвигаю подушку для лучшего обзора.

— Стригу волосы. Несколько месяцев мечтала об этом.

— Зачем? У тебя идеальные волосы, — и красивые. Я обожаю то, как они струятся по плечам и ниспадают на спину.

— Мне хочется, чтобы они снова были короткими. У меня такое чувство, что это делает меня сильнее. Думаю, их стоит ещё и покрасить. Когда-то они были симпатичного рыжего цвета, и мне очень шло, — она отстригает ещё одну прядь.

— Рыжие? — от этой информации я принимаю сидячее положение. Вглядываюсь в её отражение и представляю более короткие рыжие волосы. Трясу головой, чтобы отогнать размытый призрак девушки с рыжими волосами, который появляется на месте Ши. Это не моя Ши. Слава Богу! Однако то, что Ши хочет сделать с собой именно сейчас, после прошлой ночи, похоже на злую шутку судьбы! Если бы она только знала, что это значит для меня и как это будет в дальнейшем меня преследовать.

Она продолжает стрижку. И когда заканчивает, волосы едва достают плеч. Сзади причёска получилась немного короче, но выглядит просто великолепно. Естественно, с любой причёской она будет сексуальна.

— Ну, как тебе? — она взбивает влажные локоны руками, выглядя уверенной и счастливой.

— Мне нравится, — всё, что мне удаётся выдать из себя.

— Но тогда почему я жду, когда ты подмигнёшь? — Ши усаживается на кровать рядом со мной, облокотившись на изголовье. — У тебя всё ещё болит голова?

Обнимаю её за талию и укладываю свою голову на подушку, которую она переложила на колени.

— Немного, — это не ложь, однако главное то, что я всё ещё зол на себя. Я устроил пьянку и принял не только алкоголь, а ещё и бог знает что. Хоть и некоторые подробности размыты в моём сознании, я всё-таки помню большую часть праздника. Не могу поверить, что попал в полную жопу и тем самым отодвинул мысли о прогрессе в отношениях с Ши на задний план. Разъедающие изнутри эмоции вновь пытаются прорваться на поверхность, однако мне удаётся загнать их глубоко внутрь.

— Ты уверен, что в порядке? — она поглаживает мои волосы.

— Лучше не бывает, — беру её руку и целую ладонь. Я пытаюсь не позволить своим

мыслям изменить нашу атмосферу, но тяжело скрыть злость и разочарование, в тот момент, когда не-просри-всё голос всё ещё кричит на меня.

— Есть кое-что, о чём я хочу с тобой поговорить, — сейчас самое подходящее время. Я громко сглатываю.

— Кое-что.

Прочищаю горло.

— Я получил е-мэйл от компании, в которой проходил собеседование. Они хотят пригласить меня на второе собеседование. Я один из трёх последних кандидатов.

— Это великолепная новость!

— Так и есть, но мне надо до понедельника вернуться в Сан-Франциско, и потом, как бы то ни было, придётся вернуться домой и приступить к работе.

Повисает долгая пауза, затем она поднимает руки. Языком тела всегда можно сказать очень многое, особенно в случае с Ши. Так же как это и было с самого начала, мы балансируем на краю ножа. Её слова сейчас всё решат: упадём ли мы с него, разрезанные на части, или ещё один день продержимся на острие.

— Ты успешно пройдёшь собеседование, — говорит она, предварительно положив руку на мою спину. Между строк мне удаётся заметить печаль, и она из-за меня. Мысль о том, что всё так скоро закончится, невыносима. Даже сейчас, после всего, что произошло между нами, не уверен, нарушит ли она правила игры и назовёт своё настоящее имя, когда мы будем прощаться. Да, я мог бы назвать ей моё настоящее имя прямо сейчас, но это не является гарантией того, что она свяжется со мной. Так не может продолжаться вечно, однако в этом и был весь смысл с самого начала. Смысл для неё.

— Знаю, ты не хочешь ничего планировать, но мне хочется провести с тобой столько времени, сколько это будет возможно. Я раздумывал над тем, чтобы вместе вернуться в Сан-Франциско и, быть может, отправиться в круиз вдоль побережья. Я слышал, что там очень красиво, — пытаюсь заново начать этот день и навестать упущенное время.

— Я видела фотографии. Это действительно так, — добавляет она спокойным, но безэмоциональным голосом, который наводит на мысль, что я потерял её.

Пытаясь показаться искренним, сажусь и беру её за руку, чтобы она поняла меня:

— Ну что, как думаешь? Это будет весело.

Она оглядывает комнату, словно в поисках ответа. Когда её взгляд возвращается ко мне, она наконец, улыбаясь, кивает в знак согласия.

— Круто! Я соберусь, и мы сможем поехать.

Неторопливо собираю вещи, пытаюсь шутить и смеяться с Ши, в надежде, что наш привычный стёб немного успокоит её, а мой гнев будет сидеть на поводке. В какой-то степени это помогает, немного. Я пытаюсь избавиться от собственного страха. Ши намного важнее для меня, чем мои дурацкие проблемы. Так было с первого дня, и я смогу это сделать снова. Борюсь за торжество хороших мыслей, которые будут вести меня в позитивном направлении. Я не могу позволить моим проблемам погубить наши отношения или испортить тот недолгий промежуток времени, который нам отведён. Но самое важное — я хочу, чтобы она осталась со мной. Даже сейчас она может сорваться и убежать. Пока она не видит, я прячу ключи от машины в ведёрке со льдом, чувствуя себя немного параноиком. Надеюсь, она не умеет заводить машину без ключа, однако, зная Ши, возможно, и умеет.

Выйдя из ванной, где я побрился и переоделся, вижу Ши, она сидит на кровати и смотрит на меня. Она положила руки между коленей, маленькие сумки уже собраны и стоят

около ног. Подхожу ближе и замечаю, что её глаза и лицо покраснели, скорее всего, от слёз.

Если бы она была обычной девушкой или даже моей сестрой, то я бы без раздумий спросил, что случилось. Но это Ши, поэтому я должен с особой осторожностью подбирать слова, особенно если это касается чувств и эмоций.

Присаживаюсь на кровать рядом с ней.

— Ты торопишься уехать от меня или я чего-то не знаю?

— Нет. Просто готова к отъезду, — её ответ краток, добавить нечего.

Вот дерьмо. У меня проблемы. Устремляюсь собирать вещи и проверять, не забыли ли мы чего в номере. Достāju ключи из ведёрка со льдом, когда Ши выходит за дверь. Надеюсь, когда мы сядем в машину, дела пойдут лучше.

В тот момент, когда мы оказываемся в холле, из своего номера показываются наши дурацкие соседи. Меня удивляет то, что это оказалась более зрелая пара, а не те супруги, на которых я думал.

Ши смотрит через меня:

— Похоже, ты ошибся.

Эту фразу она произносит ровным и даже скучающим голосом. Ей представилась отличная возможность отпустить очередную шутку в мою сторону, намекая, как я облажался. Однако она бежит вниз по лестнице. Вместо того чтобы сейчас веселиться, я всё испортил тем, что был самим собой.

Несколько минут оформляю выезд из отеля и отношу сумки в машину. Сажусь за руль. Опускаю крышу машины так, чтобы солнце светило на нас, и беру курс на юг в том направлении, откуда мы приехали сюда. Сегодня трасса 101 сильно загружена, поэтому мы проезжаем через мост Золотые Ворота и прибрежное шоссе № 1 не ранее полудня.

Разговор не клеится. Честно говоря, я до смерти напуган тем, что должен сказать. Пытаюсь как обычно шутить, но, кажется, что всё неуместно. Когда молчание затягивается, я обеспокоенно напрягаюсь. Ладони крепко сжимают руль, руки находятся в одном положении. Останавливаюсь на нескольких смотровых площадках, выхожу из машины, чтобы размяться и сделать несколько фотографий пляжей, скалистых берегов, морских львов и, конечно же, зомби-чаек. Иногда Ши стоит со скрещенными руками рядом, её новая укороченная прическа развевается на ветру, а иногда она просто остаётся в машине, слушая радио.

Возвращаясь из магазина в Халф Мун Бэй, решаю, что стоит отбросить в сторону все переживания. Я сам себя довожу до безумия.

— Давай поговорим обо всём, — захопываю дверь машины, поворачиваюсь к ней и кладу фотоаппарат между нами.

Ши сидит на своём сиденье, прислонившись к двери и согнув одну ногу в колене. Она массирует голову в некоем подобии успокаивающей медитации.

— Поговорим о чём? — она не смотрит на меня.

— О том, что тебя расстраивает.

— Я не расстроена.

— Тогда почему мы не общаемся и не шутим как обычно?

Вместо ответа она пожимает плечами.

— Я сделал что-то не то? Пожалуйста, скажи мне, — произнося эти слова, осознаю, что был настоящим мудаком этим утром и, по-видимому, это заразно. Я изо всех сил старался, чтобы моё настроение не отразилось на нас. — Прости меня за утреннюю отстранённость.

Если я сказал что-то плохое, то очень сожалею.

— Ничего страшного. Просто води машину.

Ладно. Вставляю ключ в замок зажигания и завожу машину. Этот день лихо катится ко всем чертям. Она не собирается ничего мне рассказывать до того момента, пока эта бомба замедленного действия не взорвётся, разрушая те запутанные отношения, которые нам удалось выстроить. Я чувствую это, и это меня жутко бесит. Наша поездка продолжается, и чем дальше уезжаем, тем менее комфортной становится атмосфера. Каждый раз, когда я бросаю на неё взгляд, вижу, как Ши маниакально наматывает волосы на палец, смотря на машины позади нас и поглядывая в боковое зеркало.

Глава 46

Она

Я себя не очень хорошо чувствую, в голове туман. Возможно, это из-за того, что я влюбилась в Хью, и теперь, спускаясь с вершин страсти, осознаю, что так не может больше продолжаться. Я не могу любить кого-либо или быть где-то на пороге этого чувства, пока не решён вопрос Брена и Люка. На данный момент я только ещё больше всё усугубила, добавив в эту гремучую смесь несчастного прекрасного Хью. Боже, да я до сих пор не знаю его настоящего имени! Он не захочет иметь ничего общего со мной, когда узнает правду, несмотря на то, что пока даже я не совсем отчетливо формулирую её в моём сознании. На самом деле, я абсолютно уверена, что Хью выдумал всю эту историю со вторым собеседованием, только чтобы слить от меня. Мне не хочется думать об этом, особенно учитывая то, что я отдалась ему в винограднике, в нашем номере, на полу и на комод в отеле.

Когда Хью бросает на меня взгляд, желудок скручивается в судорогах, и я хватаюсь за сиденье. Он злится из-за того, что я с ним не разговариваю, не смеюсь над его шутками. Сегодня он ведёт себя совсем как Люк. Мне хотелось бы, чтобы Хью понял это сам, без моих объяснений. До этого дня, казалось, он понимал меня. Как я могла быть настолько глупа, думая, что смогу вынести это? Что эта странная дружба, ну или что это было, может быть нормальной?

Меняю позу, откидываясь на спинку, и снова смотрю в боковое зеркало. Одна машина едет за нами уже достаточно долго, и я не могу избавиться от мысли, что, возможно, это Люк. Он нашёл меня в Напе, хотя и не понимаю как. Однако и Хью всегда удавалось найти меня, когда он этого хотел. Поэтому, какой смысл переживать?

В тот момент, когда пытаюсь обрести контроль над дыханием, утихомирить растущее волнение, водитель тёмно-синего грузовика мигает нам дальними фарами. Что ему от нас надо? Хью ведёт машину быстрее, чем разрешено правилами. Оборачиваюсь через плечо. Когда поворачиваюсь во второй раз, он уже сигналил нам, и я понимаю, что больше так не могу.

— Остановись! — указываю на следующую смотровую площадку. Хью делает так, как я прошу. Как только он останавливается на площадке около скалистого утёса, где стоят фотографирующие Тихий Океан и снимающие видео туристы, выскакиваю из машины.

Неудивительно, что синий грузовик последовал за нами. Мне не обязательно было видеть водителя, чтобы узнать кто он. Есть только один психически нестабильный человек,

способный выяснить с кем я и затем выследить и меня, и его. Одному Богу известно, к каким ресурсам у Люка есть доступ благодаря работе в правительстве, и эти средства могли бы вскружить голову любому обычному сыщику. Видео с камер наблюдения, электронная почта, сообщения, банковские выписки — для него доступно всё. Люку достаточно было увидеть Хью на записи камер безопасности, чтобы найти его, и, соответственно, меня.

Люк выходит со стороны водительского сиденья грузовика и резко закрывает дверь. Заметив меня, поднимает солнечные очки и скрещивает огромные руки поверх коралловой рубашки.

— Я говорил тебе, детка, что тебе не удастся сбежать от меня, — стиснув зубы, говорит он. — Не могу понять, почему твоя тупая башка до сих пор не может это уяснить, — длинные ноги Люка делают шаг вперёд.

— Почему, чёрт возьми, ты не можешь оставить меня в покое? — кричу я. — Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Всё кончено. Уже год как всё закончилось!

Люк приближается ко мне так, как делал это раньше, не заботясь о моих чувствах. Его интересуют только собственные потребности. Эгоистичный ублюдок.

Отступаю от него на шаг назад, в конечном итоге оказываясь на краю смотровой площадки возле обрыва скалы. Здесь, наверху, ветер кружит вокруг скал, отбрасывая волосы мне на лицо. Смотрю вниз на бушующий океан. То, как вспенивается вода, врезаясь в скалы, точно передаёт те чувства, которые я сейчас испытываю к Люку.

Оборачиваюсь на Хью, который со скоростью света отстёгивает ремень безопасности и выскакивает из машины с выражением лица типа что-здесь-на-хрен-происходит.

Люк хватается за руку и сжимает так, что может сломать её. Он уже проделывал это с другими моими костями, поэтому надо быть аккуратнее. Поворачивает меня к себе так, словно я тряпичная кукла.

Хью приближается к нам. Он задаёт какие-то вопросы, ведёт себя очень странно, однако я не обращаю на него внимания, пытаюсь сосредоточиться исключительно на Люке. Мне необходимо решить проблемы с ним, прежде чем переключусь на Хью, так как, кажется, сейчас всё разом сгорит в адском пламени, а я не могу работать в режиме многозадачности.

Но Хью старается быть услышанным. Я поворачиваюсь к нему.

— Держись. Не подходи близко к краю — это опасно. Что происходит? — спрашивает он, размахивая руками перед собой, умоляя нас отойти от обрыва. Разве не очевидно, что происходит? Зачем задавать такой глупый вопрос?

Возможно, он до сих пор не понял, что Люк представляет реальную угрозу. До этого я не вдавалась в подробности относительно него, но он должен всё понять прямо сейчас. Когда мы с Люком продвигаемся ещё ближе к краю скалы, Хью тянется к моей руке, пытаюсь оттащить назад, но я уклоняюсь.

— Стой там! Это моя борьба! — кричу я. — Это только между мной и Люком!

— Ты чертовски права, — сурово произносит Люк, и его уверенность раздражает.

Именно сейчас, сравнивая поведения Люка и Хью, я понимаю, что преимущество явно в пользу второго мужчины. Всё утро я вела себя как идиотка, полагая, что он не сможет понять смысл этого безумия, однако теперь чётко осознала, Хью — единственный, кого я хочу и в ком нуждаюсь. С этой уверенностью в сердце поворачиваюсь к Люку, готовая покончить с ним любым возможным способом. Он сделал меня сумасшедшей, на протяжении долгого времени играясь с моим телом и разумом.

Собираю всё мужество в кулак, стискиваю зубы, сжимаю кулаки, занимаю удобное положение, вызывая ко всем тем чувствам, которые приобрела за последнюю неделю и которые сделали меня сильной личностью, до того момента пока не появился Люк. Хью помог мне вспомнить каково это. Я сильный человек и у меня есть сила избавиться навсегда от этого чудовища.

— Люк, ты должен оставить меня в покое, — требую я.

— Только через мой труп, сучка, — он наклоняется ко мне, фокусируя взгляд на лице. Челюсть напряжена. Зубы стиснуты.

На этих словах Хью вновь устремляется к нам, однако я поднимаю руку с выставленной ладонью, показывая ему оставаться на месте. Я должна это сделать сама.

— В Хью намного больше мужского, чем когда-либо было в тебе, — говорю я Люку, указывая на Хью.

Люк смотрит на Хью убийственным взглядом. Он осознаёт, что я была по-настоящему близка с кем-то другим, это читается в его глазах. Теперь это подтвердилось. Возможно, он никогда не допускал этой мысли, с тех пор как стал таким крутым. В ту же секунду он делает шаг в сторону Хью, а я хватаю Люка за руку, утягивая его назад. Я с ним ещё не закончила.

— Это с ним ты мне изменяешь? Ты всегда была немного шлюховатой.

Вцепляюсь в руку Хью, пытаюсь помещать надвигающейся драке между двумя мужчинами.

— Он относится ко мне с добротой и уважением, а от тебя ничего подобного я никогда не чувствовала. Отвечая на твой вопрос, могу сказать, что да, это он. Единственный! С тобой у меня всё кончено!

Произнеся эти слова, наваливаюсь обеими руками на его грудь и со всей силой и злостью, которая закипала внутри, толкаю. Он спотыкается, начинает размахивать руками, пытаюсь удержать равновесие. На его лице отражается неподдельный шок, потому что я ещё никогда не осмеливалась противостоять ему. Не с такой силой. Не с физической силой. Я снова его толкаю, прежде чем он успевает поймать равновесие, однако сейчас ещё сильнее, пытаюсь показать ему, что не шучу. На этот раз Люк не в состоянии мне противостоять, а сила притяжения заканчивает начатое. Он падает назад в свободном полёте, прямо с того места, где был неогороженный край скалы.

В тот момент, когда это всё происходит, я не могу поверить в то, что только что совершила. В шоке я подхожу к краю, чтобы увидеть собственными глазами. Рот широко открывается в крике, а я пытаюсь закрыть его ладонью. Мой крик исчезает в грохоте разбивающихся внизу волн, находящихся под нами на расстоянии нескольких сотен футов.

Он погиб.

Я убила его.

Я только что убила Люка.

Осознание этого доходит до меня словно пощёчина, температура тела падает, и я не чувствую ничего кроме леденящего холода. Кровь приливает к ногам, от чего я ощущаю, что больна и слаба. Перед глазами пляшут чёрные точки, мешая нормально смотреть. Колени подгибаются, и я теряю равновесие, наклоняюсь, и весь мир начинает кружиться. Последним кого я видела, прежде чем уйти в забытие, был Хью.

Он

Прежде чем мы успеваем полностью остановиться, Ши выскакивает из машины.

— Почему, чёрт возьми, ты не можешь оставить меня в покое? — кричит она. — Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Всё кончено. Год назад уже всё закончилось! — продолжает орать она, обходя Фиат сзади.

Отстёгиваю ремень безопасности, открываю дверь и быстро выбираюсь из машины, пытаюсь понять, какого чёрта она делает и на кого кричит. Она продолжает перемещаться и оказывается перед автомобилем, своим поведением смахивая на сумасшедшую: размахивает руками и яростно бросается из стороны в сторону, словно кто-то нападает на неё.

Но здесь никого нет.

Никого.

Только Ши.

Мой желудок превращается в бассейн с кислотой, и мне становится не по себе от того, что я вижу.

Чайки, паря в небе на потоках океанского бриза, хором гогочут, словно смеются над ней и надо мной. Возможно, они всю эту неделю смеялись над нами обоими. Туристы, которыми были семьи и пенсионеры, шарахаются от Ши в разные стороны. Они показывают на неё пальцами и наблюдают за бредовой панической атакой, только так я могу описать её состояние.

Я не верю своим глазам. Не могу поверить, что дела Ши настолько плохи, а я до сих пор этого не понял. Её странное поведение на протяжении всего времени потихоньку начинает раскладываться по полочкам в моей голове.

Направляюсь к ней, чтобы попытаться вернуть к реальности.

— Ши, какого хрена здесь происходит? С кем ты, чёрт возьми, разговариваешь? — осматриваюсь вокруг, от всей души надеясь увидеть кого-то, чтобы оправдать её странное поведение. Но тут никого нет.

Всё время она движется к краю смотровой площадки, прямо к обрыву скалы, и с каждой проходящей секундой я всё больше и больше боюсь, что она может травмировать себя. Не будучи уверенным в своих действиях, осторожно пытаюсь приблизиться к ней. Очень медленно подхожу ближе, зная, что одно неверное движение вызовет детонацию этой бомбы замедленного действия.

— Держись. Не подходи близко к краю, — призывно машу рукой, чтобы она вернулась ко мне. — Это опасно. Что происходит? — мой голос дрожит от волнения.

Выбрав подходящий момент, бросаюсь к ней и пытаюсь схватить за руку, но она борется со мной и вырывается, ещё ближе подходя к обрыву. Сейчас она всего в паре шагов от верной смерти, от чего моё сердце замирает.

— Стой там! Это моя борьба! — кричит она мне. — Это только между мной и Люком! — затем она останавливается, слушает, явно веря в то, что кто-то ей отвечает. Словно они спорят друг с другом.

Она смотрит на «Люка», а потом на меня, награждая весьма странным взглядом — обожающим, он настолько отличается от всех её предыдущих, что у меня создаётся впечатление, что она вернулась к реальности, однако это длится всего пару секунд.

— Люк, ты должен оставить меня в покое, — она направляет в пустоту указательный

палец. Её лицо краснеет, тело напрягается, а руки совершают какие-то угловатые движения.

Я снова делаю шаг навстречу, однако она предупредительно выставляет руку.

— В Хью намного больше мужского, чем когда-либо было в тебе, — она указывает на меня, в то время как мне удаётся приблизиться. Я должен занять правильную позицию, чтобы в подходящий момент схватить её.

Она царапает и хватает воздух.

— Он относится ко мне с добротой и уважением, а от тебя ничего подобного я никогда не чувствовала. Отвечая на твой вопрос, могу сказать, что да, это он. Единственный! — кричит она, потом издаёт громкий рык и снова и снова толкает перед собой воздух руками, как сумасшедший мим, словно пытается оттолкнуть «Люка» прочь от себя. После самого сильного толчка, который происходит прямо на краю обрыва, она смотрит вниз на воду под нами. Я думаю, что она верит в то, что только что толкнула «Люка» в лапы смерти.

Моё сердце разбивается на миллион мельчайших осколков, так как до меня, наконец, доходит, что всё это время Ши жила в выдуманном мире. Всё, что я узнал о ней, теперь встало на свои места. Ненастоящие имена, нежелание рассказывать подробности своей жизни, взлёты и падения, многочисленные истерики, практически пустой пузырёк таблеток, грандиозные истории, которые заканчивались подмигиваниями, и даже мы. То, что было милой игрой в неправду для меня, возможно, было абсолютно реальным для неё.

Она поворачивается ко мне, её лицо искажается от ужаса, она мрачнеет и становится белой как смерть. Веки Ши закрываются, а тело падает на землю, как раз в этот момент я делаю шаг, пытаюсь поймать её.

Глава 48

Она

Пытаюсь открыть глаза, но мир вокруг выглядит размытым. Как только я хочу пошевелиться, кто-то сжимает мою руку.

— Милая, всё в порядке. Открывай глаза.

Очень странно услышать сейчас этот утешающий голос. Я не слышала его уже некоторое время.

— Мама? — это слово прорывается через потрескавшиеся губы.

Моему зрению открывается обстановка вокруг. Телевизор на противоположной стороне комнаты, стерильные стены мятного цвета, цветы и шарики, мягкая мебель и плачущий аппарат рядом, который мне не видно. Мама наклоняется и поглаживает ладонью мою голову.

— Мама? — я знаю, что её не должно здесь быть. Я не могу быть в Мэриленде. Я сейчас в Калифорнии с Хью. — Хью! — я сажусь на кровати, восстанавливая в памяти его искажённое ужасом лицо перед тем, как упала в обморок. Пытаюсь пошевелиться, однако меня удерживают трубки, воткнутые в тело в нескольких местах. Вытаскиваю одну из носа, отрываю другую с тыльной стороны ладони, затем откидываю простынь с твёрдой решимостью найти Хью.

— Нет, милая, не надо. Ты должна оставаться в кровати. Ты сильно упала, и у тебя случился приступ, — мама удерживает меня на месте, пытаюсь как обычно воздействовать уговорами. На линии роста волос ощущается острая боль. Дотрагиваюсь то этого места и

нашупываю огромную повязку. Меня это не волнует, снова пробую встать. В дверях комнаты появляется отец и бежит маме на помощь, но я знаю, что могу справиться с ними двумя. Уже делала это раньше, к тому же я не могу сдаться в тот момент, когда на карту поставлено так много.

— Хью! — выкрикиваю я. Я знаю, что он придёт. Он здесь, я уверена.

— Милая, успокойся, — нежно произносит папа. — Тут нет никакого Хью.

— Нет! — упираюсь я. Они ошибаются. Я размахиваю руками.

Медсёстры спешат на помощь, чтобы удержать меня, и теперь они значительно превосходят количеством, но я продолжаю борьбу за свободу. Мне надо отыскать Хью.

— Уходите! Хью! — я ожесточенно сражаюсь. Почему они так со мной поступают? Мне просто хочется увидеть его. Я кричу и плачу, в то время как медсёстры быстро привязывают к кровати мои руки и ноги. Я так сильно реву, что вскоре начинаю задыхаться от собственных соплей.

Почему Хью не приходит?

Очередная медсестра заходит в комнату, и я знаю, для чего она здесь. Я играла в эту игру раньше. Она встаёт около кровати и готовит шприц. Несмотря на мои мольбы, наклоняется и вводит иглу во внутренний сгиб руки.

— Вам надо отдохнуть, — говорит она успокаивающим голосом.

— Мне всего лишь нужен Хью.

Я продолжаю бороться, однако быстро устаю и ощущаю, как начинает действовать лекарство, делая мои слова неотчётливыми. Последнее, что я вижу перед тем как уйти в забытие — мама и папа. Папа обнимает маму, поглаживая рукой по спине, потому что она тоже плачет. В то мгновение, видя лица любимых людей совсем так, как видела их много раз прежде, вспоминаю, почему я здесь и почему они ведут себя подобным образом. Я больна, а сейчас у меня наступил момент просветления, и меня интересует только один единственный вопрос: был ли Хью, также как и Люк, всего лишь галлюцинацией?

Глава 49

Она

Мэриленд. Пять дней спустя.

— Итак, в моих документах говорится, что теперь я должна называть Вас Ши. Это правда? — доктор Ливи смотрит на меня поверх очков в тонкой оправе. Она улыбается, а её тёмные щёки выпирают, словно два яблока. Хотя мне и не нравятся наши сеансы, что-то в ней привлекает, скорее всего, отношение ко мне, лишённое всяких сантиментов. И даже, несмотря на то, что она — упрямая ослица, она мне нравится больше, чем все те, кто пытался меня лечить до неё. Она — единственная, кто нашёл ко мне подход.

— Да, это осознанное изменение имени. Это не бред, — уверяю её.

— Отлично, отложим вопрос с именем до завтра. Сейчас я проведу быстрый опрос, чтобы понять, что произошло с вами с того момента, как мы встречались последний раз, — она смотрит в папку, — две недели назад. — Откладывает её в сторону и кладёт руки на стол. — Ши, я не собираюсь ходить вокруг да около. У нас с вами длинная история, и вам известны методы моей работы. Вы будете проходить здесь десятидневный период

наблюдения. По данным полицейского отчёта несколько свидетелей видели вас в Калифорнии. У них создалось впечатление, что у вас были попытки суицида, и вы хотели прыгнуть вниз со смотровой площадки на скале.

— Вы знаете, что это просто смешно, — я закатываю глаза.

За шесть месяцев, прошедших после аварии, я видела множество докторов, готовых поставить мне любой диагноз. Туда входила шизофрения, паранойя, шизоаффективное расстройство и даже маниакально-депрессивный психоз. По правде говоря, мои симптомы не подходили ни под один недуг. Даже близко.

Когда я встретила с доктором Ливи, она применила абсолютно другой подход. Она была первой, кто потратил на меня своё драгоценное время, чтобы понять всю сложность и уникальность моего состояния и объяснить, что психическое заболевание не всегда только чёрное или белое. Моё расстройство задерживается в серых уголках сознания, что не может быть полностью объяснено статьями учебников.

Таким образом, на данный момент она не дала какого-то точного названия моей болезни. По её словам, в медицинской практике пока не зарегистрировано ни одного случая полностью похожего на мой. Единственное, что мы знаем наверняка — галлюцинации цикличны. Когда у меня случается приступ, моя реальность может сильно отклоняться от того, что происходит на самом деле. Моё восприятие скорее похоже на картину Сальвадора Дали со стекающими часами и странными пейзажами из постоянно меняющихся предметов, которые подстраиваются под мои нужды на уровне подсознания и которые мучают или спасают меня, когда я этого хочу. Но при всём при этом, у меня никогда не было мыслей о самоубийстве.

— Да, это меня не беспокоит, — признаёт доктор Ливи. — Даже в самые плохие дни у тебя ни разу не отмечалось суицидальных наклонностей. Тем не менее, объясни, пожалуйста, что ты делала там?

Окидываю взглядом комнату, подбирая правильные слова. Вот уже несколько дней меня пичкают различными лекарствами, поэтому сейчас я способна отличить реальность от фантазий. В основном. Хотя мой мозг и функционирует сквозь привычный туман, вызванный розовыми таблетками.

— Ну? — она откидывается на стул и скрещивает руки.

— Понимаете ли. Всё так же как раньше, — пожимаю плечами. Когда я вспоминаю предыдущие приступы, мне становится стыдно о них рассказывать. Их удавалось держать под контролем только благодаря регулярному приёму розовых таблеток, от которых я отказалась в Калифорнии, исключением были лишь те случаи, когда *он* вновь объявлялся в моей жизни.

— Люк? — спрашивает она.

Киваю головой в знак согласия, но не осмеливаюсь посмотреть ей в глаза.

— Хорошо, давайте перейдём к тому, что действительно является правдой на данный момент. Продолжайте!

Тяжело вздыхаю и закатываю глаза. Если бы мне давали сувенирный цент каждый раз, когда я должна была «вернуться к реальности» за последние несколько месяцев, как называет это доктор Ливи, то у меня было бы их несколько сотен, вполне достаточное количество, чтобы наполнить ящик из-под сигар.

Сегодня меня зовут Ши. Это осознанный выбор, — напоминаю ей. — Я нахожусь здесь, потому что около двух лет назад мы с моим женихом Бреном были на свидании в Иннер Харборе в Балтиморе, когда женщина за рулём автомобиля вылетела на Прайт Стрит и сбила нас.

Моя переносица начинает гореть, гореть холодным огнём, как это обычно происходит, когда я вспоминаю эту часть истории. *Брен.* Я чуть ли не плачу, когда вспоминаю о нём, мой голос дрожит, когда пытаюсь продолжить рассказ.

— Мы с Бреном получили тяжёлые травмы, — голос практически срывается на визг. Молчу, чтобы собраться с мыслями, чувствуя каждый шрам на теле, который отдаётся болью с той ночи. — Он умер, а я выжила.

— Не упускайте подробности. Это важно, — она постукивает пальцем по деревянной поверхности стола.

Вздыхаю. Я делала это много раз во время наших встреч, так как всё то, что мы обсуждаем, заставляет меня снова и снова переживать всю эту боль, откалывая маленькие кусочки души.

— Я получила серьёзную травму головы, и с тех пор страдаю от синдрома посттравматического стресса, который, в свою очередь, провоцирует галлюцинации.

— Всё правильно, тогда кто такой Люк?

— Люк — это иллюзия. Способ решения проблем, изобретение от паранойи, — я употребляю те термины, которые она использовала ранее, и вытираю рукой влажные щёки. — Я придумала его, так как не могла поверить, что Брен когда-либо сможет меня покинуть, даже умерев. В своей голове я создала выдуманного брата, с которым изменяла

ему. Таким образом, получается, что это я сама бросила Брена.

В первый год работы с доктором Ливи я не умела отличать реальность от фантазий. Люк был настоящим, а Брен живым. И как только кто-то пытался доказать обратное, я раздражалась, становилась агрессивной, защищая свою правду до тех пор, пока не заканчивались ресурсы моего тела, разума, голоса и терпения окружающих. И только несколько месяцев назад у меня начали появляться моменты просветления. В такие моменты доктор Ливи показывала мне кипы документов, среди которых было свидетельство о смерти и протоколы нескольких встреч с семьёй Брена. Всё это было для того, чтобы я в конце концов могла сложить вместе кусочки пазла, которые потерялись или деформировались в моём сознании.

Она полагает, что я никак не могла правильно осознать смерть Брена, пока в течение полутора лет лечила в больнице своё тело и разум. Я не присутствовала на похоронах и поэтому не видела своими глазами, что он действительно умер. И даже когда я всё-таки осознала, что Брена уже нет, Люк так и остался постоянным раздражителем. Паршивый сувенир из неудачной поездки. Я даже верила в то, что именно он послужил причиной всех моих шрамов. Я до сих пор иногда так считаю.

Но разница в том, что сейчас я быстрее осознаю, что впала в размытое психотическое состояние. Это улучшение доктор Ливи связывает с новым экспериментальным лекарством, которое я принимаю. Всё шло так хорошо, что я даже порвала отношения с Люком и ушла от него в моих галлюцинациях, однако паранойя по отношению к нему усилилась, так как Люк всё время боролся за меня, пытаясь вернуть. Так было до того момента, пока я не столкнула его со скалы несколько дней назад.

— Вы видели Люка после вашего возвращения?

— Нет, — я вжимаюсь в стул.

Доктор Ливи наклоняется вперёд и начинает рыться в папке, затем достаёт листок бумаги, который внимательно просматривает.

— Как насчёт того человека, которого вы звали в больнице в Калифорнии? Некто по имени Хью, как здесь говорится.

Даже принимая лекарства, я всё ещё верю, что Хью был настоящим. Я, словно киноленту, постоянно прокручиваю в голове все события с ним: необычное знакомство, игра в придуманные имена, путешествие по любимым местам Сан-Франциско, поездка в Напу, катание на велосипедах по виноградникам, переодевания и то, как он обожал меня в тот день и в ту ночь, когда мы занимались любовью на празднике и в нашем номере. Это были всего лишь события. А как насчёт чувств и всего, что с ними связано? Похоть, счастье, комфорт, доверие, все те шутки и смех, которые были у нас? Нет. Нет! Я ни на секунду не могу поверить, что выдумала всё это. Ладони сжимают ручки стула в тот момент, когда я борюсь со своим замешательством.

Хью был сложным и объёмным, в то время как Люк всегда был плоским. Он состоял из фрагментов старой истории, которую я умудрилась разложить в голове и заставить идти так, как нужно мне. Возможно, я придумала Люка, чтобы излечить разум после смерти Брена, однако Хью был тем, кто спас меня и вылечил моё сердце. Он дал мне мужество победить Люка и, наконец, освободиться от него. Я знаю, что теперь Люк ушёл, и это хорошо. Проблема заключается в том, что если я расскажу всё это доктору Ливи, она скажет, что Хью ещё один вымышленный спутник, которого я придумала, чтобы освободиться от Люка, некая иллюзия бойфренда.

Каждое мгновение, которое я провела с Хью, кажется таким реальным. И хотя эта информация является неоспоримой для меня, всё равно опасно ей делиться. Пока у меня нет никаких доказательств его существования, кто мне поверит? Именно так я думала про Люка в самом начале. Болезнь убедила меня, что это заблуждение является абсолютной правдой. А что если это как раз тот случай?

Стараюсь разобрать это в перипетиях своего вяло соображающего сознания, но всё ещё путаюсь в мыслях, так как осталось несколько вопросов без ответа. Каким образом Хью и Люк всегда умудрялись отыскать меня в Сан-Франциско? И если он всё-таки настоящий, то почему оставил меня как раз в тот момент, когда я больше всего в нём нуждалась? Я напугала его? Понимаю, что могла, но тогда куда он пошёл? Когда я упала в обморок после убийства Люка, я ударилась об камень и сильно рассекла голову. Он не мог просто оставить меня там, истекающую кровью. В полицейском отчёте нет никаких записей о нём или о каком-либо другом мужчине. Я это знаю, так как просила прочитать его. Как мог человек, который был со мной на протяжении нескольких дней, терпел мои истерики и не имел ни чего против вымышленных имён, сбежать тогда, когда он мне так сильно необходим?

— Я не помню этого. У меня даже нет знакомых по имени Хью, — в конце концов с непроницаемым лицом и глядя прямо сквозь неё, лгу на вопрос.

— Понятно, — большим пальцем руки она три раза щёлкает кнопкой на автоматической ручке, хотя обычно она делает это четыре раза, — включена, выключена, включена. Она делает это всегда, перед тем как что-то написать. Клянусь, у неё обсессивно-компульсивное расстройство.

— Что касается изменения имени ...

— Сознательного, — поправляю я.

— Сознательного, — она направляет на меня свой знаменитый взгляд из-под поднятых бровей. — Конечно же, всё зависит от дальнейших наблюдений, однако я не вижу причин держать вас здесь дольше десяти дней.

Внутри себя я улыбаюсь, но не хочу, чтобы она увидела это, поэтому лицо остается непроницаемым. Когда буду дома, то смогу начать поиски Хью и доказать себе, что он настоящий, но более важным для меня является то, что это даст мне возможность как-то извиниться перед ним и вернуть обратно.

— Итак, Ши. Если это будет одобрено, вы вернётесь к семье, как это и было ранее. Вы должны принимать прописанные лекарства и оставаться под наблюдением родителей. Больше никаких одиночных путешествий. Во всяком случае, пока. Вы поняли?

Киваю головой и опускаю взгляд, перебирая руками подол больничного халата.

— За те полтора года, что я с вами работаю, я убедилась, что вы не представляете угрозы для себя и окружающих. На самом деле улучшение вашего состояния, несмотря на небольшие отклонения, само по себе уже чудо. Однако сейчас вы не должны прекращать приём лекарств. Скажите да, если вам всё понятно.

— Да, — бормочу я.

— Отлично, — она закрывает папку и плавно поднимается с кресла.

— После того, как вы покинете больницу, мы будем встречаться с вами каждую неделю.

— Да, мэм.

Она провожает меня к двери. За дверью ждёт мой санитар Рэй, который должен проводить меня в палату.

— Жду вас завтра в два часа. Мне хотелось бы поговорить поподробнее о поездке в

Калифорнию и о вашем новом имени, — напоминает мне доктор Ливи, прежде чем закрыть за мной дверь.

Глава 50

Она

Два месяца дома в Мэриленде

На полу моей спальни в родительском доме царит полнейший беспорядок. Повсюду разбросаны свадебные аксессуары вперемешку с идеями к нашей идеальной свадьбе с Бреном, незаконченные подарки для гостей, наборы для ручного творчества, образцы приглашений, а также туристические брошюры, предлагающие места по всему миру, где можно провести идеальный медовый месяц. Уже второй раз за последние два с половиной месяца я рассматриваю все эти вещи. Первый раз случился как раз в день, когда мы с Бреном планировали пожениться после окончания университета. Я надела свадебное платье, словно готовясь к этому событию, посмотрела на себя в зеркало, и вот тогда всё и покатилося к чёртовой матери.

После случившейся трагедии, выписавшись из больницы, я пробыла дома всего несколько месяцев. Представляю шок моих родителей, когда я в истерике выбежала из дома в свадебном платье, прыгнула в заранее вызванное такси и уехала прочь. А через неделю им сообщают, что меня нашли на скале в Калифорнии, где я пыталась покончить с собой. Последняя часть до сих пор не укладывается у меня в голове. Если и есть на свете человек благодарный за то, что остался жив, так это я. И хотя мне было очень трудно пробираться через весь мусор в своей голове, возникший после тяжёлого испытания уготованного

судьбой, я всё-таки начинаю потихоньку возрождаться.

Сегодня по просьбе доктора Ливи (и по множеству своих личных причин) я отправляю эти дорогие для моей памяти вещи в небытие. Но всё же оставляю брошюру о Париже. Я хочу там однажды побывать. Должна. Ради Брена и ради себя.

Встаю с пола, подхожу и сажусь в кресло возле окна. Пролистываю брошюру и рассматриваю глянцевые фотографии Эйфелевой Башни, реки Сена, причудливых кафе и музеев. Откладываю её в сторону в поисках чего-то реального и смотрю в окно. Снаружи светит солнце, а с деревьев уже начали опадать листья.

После Калифорнии я больше не видела Люка. Доктор Ливи полагает, что дело о «убийстве»; столкнув его с обрыва, я позволила разуму освободиться от иллюзии его существования. Я спросила, почему она мне не посоветовала с самого начала так поступить, раз это настолько просто? Она ответила, что я сама должна была захотеть, чтобы он ушёл. Это всё равно, что попросить уйти засидевшегося гостя. Иногда я думаю, что она позволяет всему идти своим чередом. Легко казаться умной задним числом.

До сих пор я не призналась ей в существовании Хью. Она знает только то, что я в одиночку путешествовала по Калифорнии, во что я и сама понемногу начинаю верить. Я искала его через Интернет, вводя различные поисковые запросы, которые, по моему мнению, могли иметь хоть какое-то отношение к настоящему Хью. Однако не имея никакой достоверной информации о нём, не зная даже его настоящего имени, мои поиски оказались бесполезными.

Я каждый день, проведённый без него, пыталась вызвать его в своём воображении, подобно одной из моих иллюзий. Он ни разу не материализовался так, как это случалось с Люком. С тех пор как я смирилась с тем, что он тоже был всего лишь галлюцинацией, в моей душе образовалась гигантская дыра. И если это правда, то я лучше останусь навсегда с ним в нашем мире. С этими мыслями неделю назад, без ведома родителей и доктора Ливи, я прекратила принимать лекарства. Прямо под подушкой, на которой я сейчас сижу у окна, лежит приличная горка таблеток. Я прячу их туда, чтобы затем отнести в ванную и смыть в канализацию.

Прислоняюсь к стеклу, и оно запотевает от моего тёплого дыхания. Рисую на нём пальцем контур сердечка, а затем стираю. Закрываю глаза в попытке ещё раз вызвать образ Хью в своём воображении. Когда я их открываю и смотрю через стекло, то вижу, что на нашей подъездной дорожке остановился автомобиль. Кто бы это ни был, он не выходит из машины, а только сигналил снова и снова. В конце концов водитель наклоняется вперёд, и когда я вижу его лицо, моё сердце замирает.

Каким-то образом я вызвала его.

Глава 51

Он

Мои ладони вспотели. Они скользят по кожаному рулю, когда я сворачиваю на подъездную дорожку. Я не видел Ши с тех пор как сбежал от неё в наш последний день в Калифорнии. На то была веская причина, но уже сейчас, я осознаю, что не имел никакого морального права оставлять её подобным образом. С тех пор я не чувствовал ничего, кроме болезненной вины. За эти два месяца ради новой работы я переехал из квартиры моей

сестры, которая находилась в полуподвальном помещении, в маленькую студию в Сан-Франциско. Пока устраивался там, всё время думал, есть ли хоть малейший шанс у нас с Ши быть вместе. Что касается меня, то я не перестаю размышлять о причине, почему всё случилось именно так. Я постоянно мысленно возвращался к нашим шуткам, к каждому прикосновению, поцелую, ласкам и к каждой секунде, проведённой вместе. Но вопрос заключается в том, простит ли меня Ши, когда узнает, в какой точке пересеклись наши судьбы?

Глушу мотор и решаю просто стоять здесь и сигналить. Если она дома, то обязательно увидит меня. Наклоняюсь к лобовому стеклу и смотрю на окна второго этажа. В одном из них вижу прекрасное лицо Ши, прислонённое к стеклу. Она улыбается, и моё сердце тает от счастья, однако глазам больно снова смотреть на неё.

Через несколько секунд входная дверь резко открывается, Ши бежит через крыльцо вниз по ступенькам и босиком пересекает газон. Я выскакиваю из машины и встречаю её посреди переднего двора.

— Хью! — она кричит так громко, что птицы вспархивают с деревьев. Когда мы уже находимся на грани столкновения, она прыгает в мои объятия, обвивая ногами талию. Не тратит время на разговоры, а просто целует меня. Я не сопротивляюсь, позволяя ей соединить наши тела в одно целое. Оказаться снова вместе с ней сродни возвращению домой.

— Ши! — кричит с крыльца её отец. — Какого чёрта ты делаешь? Ты не знаешь кто это!

Солли Уинтерс сбегает с крыльца. Видно как напряглись его мышцы под фланелевой рубашкой. Он готов наброситься на меня так же, как и несколько месяцев назад, когда я впервые приехал к Ши (которую тогда звали по-другому). Тогда я хотел извиниться перед ней за то, что разрушил её жизнь. Шаг № 9 по правилам Анонимных Алкоголиков — загладить вину. Сейчас есть одно отличие по сравнению с прошлым визитом: тогда я приехал просить прощения, на этот раз я здесь, чтобы просить о любви.

Прежде чем соскользнуть вниз, Ши напоследок обнимает меня, а я стараюсь насладиться этим моментом, зная, что он может оказаться последним. Как я и предполагал, она не знает, кто я на самом деле. После аварии она провела в больнице полтора года, пытаясь излечить тело и разум, и, скорее всего, была изолирована от внешнего мира. Ей не известно моё настоящее имя, но она узнает его через пять секунд.

Солли хватает Ши за запястье, оттаскивая в сторону, прямо перед тем как занести руку и нанести мне смачный удар в челюсть. Моя голова откинулась в сторону, а изо рта брызнула кровь. Как и прежде, я не сопротивляюсь.

— Папа, нет! Остановись! Что ты делаешь? — кричит она и толкает его в плечо, заставляя отойти в сторону.

Дотрагиваюсь до рта, чтобы вытереть кровь, затем уверенно встаю, чтобы услышать приближающееся обвинение.

— Этот парень был участником твоей аварии! — Солли размахивает руками, готовясь ко второму раунду.

Инстинкт самосохранения заставляет меня сгруппироваться, хоть внутри я понимаю, что заслужил всю эту ненависть.

— Что? Нет, папа. Это Хью. Мы познакомились в Калифорнии. Он мой друг.

— Скажи же ей, ублюдок!

— Ши, — тихо произношу я, желая остановиться, так как понимаю, насколько эта

информация ранит её. Это может разъединить нас навсегда. Теперь я знаю, кто она на самом деле, я знаю её историю и всю ту боль, которую причинил ей, я знаю, что сломал её проклятую жизнь, убил её жениха и заставил сойти с ума. Я знаю каждую чёртову подробность. — Мне нелегко это говорить. — Ши отталкивает отца и начинает плакать.

— Нет, нет, нет. — Она закрывает уши, качается в разные стороны, словно волчок, при мысли о том, что я собираюсь рассказать. — Нет, это неправда. За рулём была женщина. Это не мог быть ты! — Она скрипит зубами и рассерженно тычет в меня пальцем, в то время как её рука и всё остальное тело начинает бить дрожь.

— Ты права, — говорю я ей.

— Вот видишь, папа. Ты ошибся. Ты ошибся. Слава Богу! — Ши бросается, чтобы обнять меня. Она прижимается головой к груди, а её сердце учащённо бьётся. Мне отчаянно хочется быть в её объятиях, однако я знаю, что не заслуживаю этого. Пока она не знает всего.

На этот раз я смотрю на Солли поверх головы Ши, рот которого открылся от удивления. Он молча отошёл от нас и встал рядом с женой, которая только что вышла из дома. Думаю, что до него, наконец, дошло, какие отношения связывают нас с Ши. Трудно отрицать этот факт, видя нас вместе. Даже я вижу это сквозь оболочку нашего с Ши мира. Мы влюблены друг в друга, но это так чертовски трагично, как грёбаное крушение поезда, которое вы не хотите видеть, однако не можете оторвать взгляд. Каждый из нас влюбился в человека, разрушившего его жизнь. Ши не по своей вине сломала мою. Я же был в той машине, которую мы угнали с моей сестрой Бет ради весёлой прогулки, будучи в состоянии наркотического опьянения.

Ши и Брен просто оказались не в том месте, наслаждаясь романтическими мгновениями, целовались и не обратили внимания на машину, которая потеряла управление и свернула в их сторону.

— Боже, я так счастлива видеть тебя, — руки Ши скользят по моему телу, но она так и не подняла голову.

Когда я смотрю на Солли, то вижу, что он просто кивает мне, словно понимает, моей правды будет достаточно, чтобы навсегда развести нас в разные стороны. Ши единственная, кто может заставить меня уйти прочь. Не он.

Солли и его жена бросают на меня жалостливый взгляд, прежде чем войти в дом. Они продолжают наблюдать за нами изнутри, их силуэты виднеются в окнах передней части дома.

Глава 52

Она

Он настоящий? Господи, пусть это будет так! Я снова и снова думаю о его словах, прижимаясь лицом к груди, чтобы окончательно удостовериться, что он действительно здесь.

Он собирается сказать мне что-то нехорошее, я в этом уверена. Возможно, что слова, которые он собирается озвучить, взялись из моего выдуманного мира. В таком случае я могу его оттолкнуть от себя и найти внутреннюю причину, чтобы никогда больше не видеть галлюцинаций, связанных с ним. Я не смогла бы столкнуть его со скалы как Люка, потому

что слишком сильно люблю. Он должен сделать что-то гораздо ужаснее, чтобы заставить меня возненавидеть его.

Прежде чем я успеваю собраться с мыслями, Хью берёт меня за плечи и отрывает от себя. Напуганная, поднимаю взгляд в его глубокие глаза.

— Ши, — сглатывает он, от чего адамово яблоко подпрыгивает на уровне моих глаз. — Мне очень сложно говорить об этом, однако ты должна кое-что знать.

Я трясую головой, так как не хочу ничего знать.

— Два года назад я был совсем другим человеком. Абсолютно потерянным человеком. Я постоянно ходил на вечеринки вместе с сестрой. Принимал наркотики, стал алкоголиком и бросил колледж, прямо перед самым выпуском. Моя жизнь стала грёбаным дерьмом.

Хью опускает руки и отступает на шаг назад. Не могу поверить его словам. Он слишком хороший человек. Я знаю это. Каждая секунда, проведённая с ним, является тому доказательством. Он лжет.

— На момент нашего знакомства, я вот уже два года не брал в рот ни капли алкоголя, отсидел год в тюрьме за угон машины, был выпущен досрочно за хорошее поведение и долгое время выполнял общественные работы. Я даже вернулся в университет и получил диплом, в то время как проходил практику в небольшой компании в Балтиморе. И хотя я переехал туда с семьей, чтобы работать и копить деньги, мне удалось восстановить свою жизнь, начать двигаться в правильном направлении и искать новую работу в Сан-Франциско.

— Пожалуйста, нет, — шепчу я.

— Бет была моим лучшим другом, а я её младшим братом, — в глазах Хью появляются слёзы. — Мы потеряли контроль над собой задолго до той трагедии. Она со своим бойфрендом украли дорогую машину со стоянки шикарного отеля в центре города. Когда я сел в машину, за рулём была Бет, убитая в хлам. Мы устроили скоростную гонку по Пратт Стрит. Она проскочила на красный свет и резко крутанула рулём, чтобы не сбить пешехода. Машина вылетела с дороги и... — его речь обрывается.

— Нет, — я ударяю его в грудь. — Нет! Ты не должен лгать мне, чтобы бросить. Ты не можешь меня бросить. Я люблю тебя!

— Мне бы очень хотелось, чтобы это было ложью. Мне хочется моргнуть и заставить тебя поверить, что это не может быть правдой. Но я никогда не стану врать насчёт этого, это слишком важно для меня. Ты единственная, кто знает всю правду.

Внутри меня что-то ломается. Я просто падаю на колени и начинаю выть. Я испытала на себе все виды боли, кроме той, когда правда и ложь сливаются в ужасный водоворот.

Он наклоняется:

— В ту ночь, Ши, машина выехала на пешеходную дорожку, сбила двух людей и оказалась в ледяной воде гавани. Когда салон наполнился водой, у меня быстро закончился воздух, и я не смог спасти Бет. Чтобы всплыть на поверхность мне пришлось разбить лобовое стекло. Наверху Брену едва удавалось держать твою голову над водой, ты была без сознания и очень сильно травмирована. Он попросил меня спасти тебя, и я это сделал. Несмотря на то, что я был под наркотой, каким-то образом мне удалось перетащить твоё изувеченное тело на лестницу, к плавучему доку, и поднять на поверхность. У тебя была открытая рана на челюсти, лицо залито кровью, ручейки стекали в короткие рыжие волосы. — Он проводит пальцем по старым шрамам на моём лице, а я рывком отстраняюсь от него. — Однако я понимал, что только что спас ангела от падения в пропасть ада. Это

было единственным хорошим поступком за всю мою жизнь. Единственным и неповторимым.

Все мои мышцы становятся каменными от злости. Я отхожу на шаг назад, чтобы между нами была дистанция, но Хью продолжает говорить. Похоже, что он и не собирается затыкаться.

— Вот почему я бросил тебя в Калифорнии. Когда ты ударила голову об камень, и твоё лицо было залито кровью, в памяти всплыла картинка той злополучной ночи. Возможно, что это в сочетании с короткими волосами и фразой, что ты хочешь покрасить их в рыжий цвет, и заставило меня в конце концов узнать тебя. В ту ночь мой мозг был слишком затуманен, к тому же я был не в себе, и мне запомнились лишь волосы и кровь. Когда я понял, кто ты такая, то испугался, что ты никогда не сможешь полюбить человека, разрушившего твою жизнь. Я убедился, что ты в безопасности, а затем ушёл прочь.

— Почему ты не спас Брена? Почему ты не вернулся за Бреном? — бросаюсь на него и начинаю колотить по груди и рукам. Он стоит на месте, словно нерушимая стена, глядя на меня и позволяя делать больно, что только ещё сильнее злит меня.

— Я вернулся! — наконец произносит Хью в свою защиту. — Я прыгнул назад в воду, однако Брена уже не было видно. Была ночь и вода была слишком тёмной. Ничего не видно. Никто не мог его найти, пока не приехали водолазы.

— Я ненавижу тебя! — налетаю я на него. — Уходи! — кричу я, снова толкая его. — Я ненавижу тебя! — я ору так громко, что кажется, что вот-вот моё горло разорвётся на части.

Хью, словно раненый зверь, отходит назад. Он не оправдывается и не предпринимает попыток изменить моё мнение. Он просто садится за руль и заводит двигатель, как будто сказал всё, что хотел.

Так и есть. Он сказал всё необходимое, чтобы заставить меня возненавидеть его и больше никогда не захотеть увидеть вновь. Неважно, был ли он реальным или выдуманным, я уже стараюсь вырвать те части души, в которых он присутствует, в то время как его автомобиль задним ходом выезжает с подъездной дорожки и уносится прочь.

Глава 53

Он

Выезжаю с грязного асфальта подъездной дорожки и стремительно удаляюсь от фермы семьи Ши. Крича от злости, бью ладонями по жесткому покрытию руля, до тех пор, пока боль не становится невыносимой. Отъехав на милю от её дома, ударяю по тормозам, отчего машину заносит, и она вылетает с дороги и останавливается уже в поле на сухой траве.

Разве я надеялся, что она воспримет эту информацию как-то по-другому? Как я мог просить её о любви, после того, как сломал ей жизнь? Все её шрамы из-за меня. Меня! И наконец спустя два года, как я мог подумать, что моя жизнь наладилась и что я могу жить дальше? Какая жестокая шутка. Теперь, когда я встретил эту потрясающую девушку, я должен потерять её навсегда, совсем как потерял мою сестру. Ши была абсолютно права в первый день нашей встречи: судьба — это сука, а её месть — настоящая пытка.

Тру ладонями глаза, затем начинаю растирать лоб, стараясь хоть как-то ослабить невероятное давление, нарастающее в черепе. Знаю, что в любую секунду он может расколоться. Поэтому делаю единственное, что могу: быстрыми движениями наклоняюсь к

пассажирскому сидению и открываю бардачок, чтобы взять то, что находится внутри. Занеся руку над серебряной фляжкой, подаренной мне на свадьбе несколько лет назад, ещё до того, как выпивка стала проблемой, я не могу принять решение.

Начиная с той вечеринки в Калифорнии вместе с Ши, мне стыдно признаться, что мое поведение было не самым лучшим. И с каждым выпитым глотком алкоголя я ненавижу себя чуточку сильнее. Моя вина за ту жуткую ночь в Балтиморе значительно увеличилась с тех пор, как я влюбился в Ши. Пока я сидел в тюрьме после аварии, моя семья рассказывала мне, что случилось с той девушкой. Да, я чувствовал угрызения совести, но теперь перешёл на новый уровень боли. Сразу после трагедии решил, что справлюсь с этим, пытаюсь спрятать в дальний угол памяти всё, что случилось, и взять под контроль каждый аспект моей новой жизни, что было не так-то трудно, находясь в тюрьме. Однако с тех пор, как меня выпустили, становилось всё сложнее и сложнее, словно изнурительная битва, которая, кажется, никогда не закончится. По опыту знаю, что намного легче притупить свои чувства, а для этого у меня есть один единственный способ.

Одной рукой хватаю флягу и быстро открываю водительскую дверь, затем выскакиваю из машины и бегу.словно спринтер, бегу через поле, уворачиваясь от деревьев и камней. Я пытаюсь измотать своё тело по максимуму, словно это какая-то очередная пытка. Мне нужно принять решение. Я могу измениться в лучшую сторону и совершать правильные поступки, а могу легко вновь надеть поношенный костюм старого меня.

Когда я с ностальгией вспоминаю, какой лёгкой и беззаботной была моя жизнь в те времена, внутри кричит не-просри-всё голос, будто моя душа начала полыхать в пламени ада: «Вспомни, чем всё закончилось в прошлый раз?»

Быстро принимаю решение. Останавливаюсь как вкопанный, замахиваюсь рукой с фляжкой и выбрасываю её подальше от себя. Она летит, вращаясь в воздухе, и приземляется с плеском в пруд, распугав плавающих вокруг уток. Круги расходятся по воде и достигают берега, где стою я, усердно пытаюсь унять дрожь и обрести контроль над телом и разумом. Но есть и хорошая новость: внутренний голос, наконец, замолчал.

Мои плечи опускаются. Напряжение спадает, и я сажусь на землю, совершенно выдохнувшийся и обессиленный, готовый в конце концов сдаться. Это оно. Я так больше не могу. Но, как я раньше и говорил себе, в моём грёбаном пазле появилась новая весомая деталь, которая для меня важнее всего — Ши. Я должен сделать это ради неё, ради того, что причинил ей, её жениху и их семьям. И ради всего того, что причинил собственной семье.

Моя семья.

Слова на секунду застывают на кончике языка. Эти два слова кажутся такими непривычными. После аварии мы уже больше не были похожи на семью. По крайней мере, в тех моментах, которые касались меня. Перестав бороться, я падаю в грязь, сворачиваюсь в позу эмбриона и оплакиваю всё то, что потерял, включая себя.

Я хочу стать лучше.

Мне необходимо стать лучше.

Я стану лучше.

Начиная с этой минуты, я буду делать всё, что в моих силах, чтобы стать достаточно хорошим для Ши. Для самого себя. Для Бет. Для моей семьи и для всех тех, кто решит стать частью моей жизни. Я даю себе обещание.

Список обещаний увеличивается, пока я наблюдаю за закатом. Когда солнце опускается за деревья, закрывая занавес этого дня, который я уничтожил или, возможно наоборот, спас,

мне, наконец-то, удаётся взять себя в руки. Я вот уже как час должен был быть в доме моих родителей на ужине по случаю Дня Благодарения. И хотя я уверен, что они не особо скучают по мне, решаю, что сейчас самый подходящий момент, чтобы попытаться загладить вину.

• • •

Когда оказываюсь перед родительским домом в Аннаполисе, закрываю глаза и слышу скрип стульев по деревянному полу, звон столового серебра по праздничному фарфоровому сервизу моей мамы, а также гул приятной беседы. В тот момент, когда моя нога ступает на крыльцо, все разражаются громким смехом. Я могу на слух определить каждого из членов семьи. От звука их голосов, внутри ощущается острая боль. Прижимаю руку к животу, физически ощущая реальную боль от того, как сильно мне их не хватало. Того, какими мы были раньше, и от неведения, что будет, когда я войду внутрь.

Прикладываю ладонь к двери и вздыхаю. Если я уйду, то их праздник станет только лучше. Они не видели меня практически два месяца, с того момента, как я переехал к месту новой работы. Моя сестра Эшли, у которой я жил до переезда, прислала мне приглашение на сегодняшний ужин. Даже несмотря на то, что мы с ней общаемся ближе всего, она, возможно, и не предполагала, что я действительно покажусь им на глаза. На самом деле так бы и случилось, если я не решил поехать к Ши, чтобы покаяться.

Прямо перед тем, как я повернулся, чтобы уйти, дверь со скрипом открылась.

— Привет, — произносит тихий голос, через дверь с москитной сеткой.

Оборачиваюсь и вижу дочь моей сестры Лейн, трёхлетнюю племянницу Бини. Её глаза широко открыты и сияют от счастья. Она ещё слишком маленькая, чтобы знать, почему все так меня ненавидят. Наша дружба началась с того момента, когда мы играли в принцесс.

Стоя на цыпочках и покачиваясь, она дотягивается до щеколды и открывает дверь. Её маленькие пальчики ног оказываются на пороге:

— Пойдём играть, — очаровательно лепечет она. — Я хочу показать тебе мою новую Барби, — она протягивает мне крошечную ручку.

Её большие глаза с надеждой смотрят на меня, она, пожалуй, единственный человек в этом доме, которому я не могу отказать. Протягиваю руку, и её маленькие пухлые пальчики цепляются за неё.

Оказавшись в холле, вижу, что никто не заметил моего присутствия. Я приподнимаю Бини и держу её на руках. Знаю, дерьмовое действие. Словно она броня, которая спасёт меня от снарядов, брошенных в мою сторону, когда они увидят меня.

Иду через холл в гостиную, откуда отчетливо виден накрытый стол. Сквозь открытые двери вижу, что вся семья сидит вокруг стола, продолжая общаться и смеяться так, как это происходит в каждой нормальной семье.

Эшли первой замечает меня.

— Ты пришёл! — она встаёт, отодвинув стул. Пока идёт в мою сторону, чтобы обнять, всё мгновенно замолкает. Нависает такая тяжёлая атмосфера, что становится трудно дышать. Они знают, моё присутствие здесь может означать только одно — скандал. — Я так рада, что ты здесь, — Эшли обнимает меня, в то время как Бини хихикает.

— Кто здесь? — произносит папа, входя в столовую из прилегающей кухни с кастрюлей в руках. Он поворачивает голову в мою сторону. Когда видит меня, то его рот сжимается, а челюсть напрягается. — Зачем ты пришёл? Из-за той девушки? — он с грохотом ставит

кастрюлю на стол.

— Роберт! — моя мама встаёт и предостерегающе смотрит на отца.

— Ладно, ты же знаешь, что он вернулся не для того, чтобы повидаться с семьёй. Он никогда не ставил свою чёртову семью на первое место, — выпрямленным пальцем указывает на меня.

— Ты им рассказала? — в ужасе я смотрю на Эшли, а она отводит взгляд в сторону. Она никогда не умела хранить секреты. Чёрт возьми!

Эшли подходит к Бини, берёт её на руки и прижимает к себе, возможно, по той же причине, по которой я делал это.

— Я доверял тебе, — шепчу я, находясь на грани гнева. Наверно, я был пьян и одинок в тот момент, когда рассказывал ей всё по телефону, будучи в Калифорнии, но всё же.

— Прости, — говорит она и отступает назад. — Они спрашивали, как у тебя дела, и у меня вырвалось.

Эшли была единственным человеком, которому я доверился за последние два месяца. Она знает про Ши, про то, что мы были вместе в Сан-Франциско, и про то, кто она на самом деле. Проблема в том, что мои родители и старшая сестра Лейн винят меня в смерти Бет. Ни один из членов семьи и даже Эшли не могут поверить в то, что их сладкая малышка Бет могла быть настолько плохим человеком, чтобы угнать машину и убить другого человека, находясь под наркотой.

Чувствуя себя виновным, я соврал им и рассказал, что именно я угнал машину, хотя и не делал этого; что именно я подсадил Бет на наркотики, хотя на самом деле, всё было совершенно иначе. Я сказал, что во всём виноват только я. После аварии мне не хотелось, чтобы память о короткой жизни Бет была омрачена нашими неправильными поступками. Им почему-то было легче поверить в то, что только я был плохим, и меня это сильно ранило. Однако то, что я остался жив, позволяло делать то, чего уже не могла сделать Бет: понести наказание, которое я заслужил, сесть в тюрьму, постараться наладить жизнь и загладить вину за нас обоих. Но я никогда не раскрывал ни им, ни кому-либо другому всю правду; только Ши сейчас знает абсолютную правду, но теперь она ненавидит меня также сильно, как и они.

«Почему ты решил спасти незнакомку вместо своей собственной сестры?» Это был единственный вопрос при каждой встрече. У меня не было ответа. В тот момент моя жизнь была сильно запутана, и я точно не знал, почему всё произошло именно так, однако был уверен, что в тех обстоятельствах сделал всё возможное. Они упрекают меня за это. Ненавидят. А я ненавижу себя за то, что не смог сделать больше, просто за то, что оказался там.

Самое печальное, они ненавидят за это даже Ши.

Если бы у нас с Ши и было будущее, то в нём точно бы не оказалось моей семьи. Они ненавидят её, так как она осталась жива, а Бет — нет, хотя именно мы с Бет были виновниками аварии. Они такие люди, которые не могут понять, что Ши изначально невиновна. Они похожи на придурочных соседей, которые ненавидят вас из-за своего отсталого ума, и ничто не сможет их переубедить. Они неразумны и эгоистичны, и именно поэтому никогда не простят меня.

— Мне не стоило приходить, — мой взгляд блуждает по комнате, переключаясь с одного лица на другое, в поисках того, кто возразит и настоит на том, чтобы я остался. Но такого человека тут не нашлось. Видимо, даже Эшли не станет этим человеком. И даже если

она и хотела видеть меня здесь, то была слишком стеснительной, чтобы вступить за меня, и, возможно, рассердить отца.

Поворачиваюсь и направляюсь к выходу. Прежде чем взяться за дверную ручку, останавливаюсь. Мне надо прекратить убегать от них и сказать им что-то. Я решительно возвращаюсь в столовую, мои кулаки сжаты.

— Поцелуйте меня в зад! — агрессивно размахиваю рукой перед ними. — Я уже сто раз повторял, что очень сожалею. Я совершил ошибку. Огромную грёбаную ошибку! И я ненавижу себя за это гораздо сильнее, чем вы все вместе взятые. Ни один из вас не живёт с той виной, какая есть на мне, — ударяю себя кулаком в грудь. — Но вы, очевидно, никогда и не позволите мне жить дальше, не так ли? Насколько правильно для вас забрать мою жизнь в тот момент, когда я пытаюсь снова встать в колею и хоть как-то загладить вину? Чем вы помогаете мне, ненавидя? Вам это не надо! Сейчас для вас умерло двое детей. Однако один из них до сих пор дышит воздухом, борется за выживание и пытается делать то, что в его силах. Тем не менее, вы всё ещё сидите здесь и смотрите, как я тону!

И хотя моя речь и не была длинной, этого всё-таки было достаточно. Вместо того чтобы позволить им избить себя так, как это делал Солли Уинтерс, а я считал, что заслуживаю этого, или позволить вине впитаться в мою кожу, словно ржавому гвоздю, заражая тело и разум, я, наконец-таки, высказался и отстоял себя.

Быстро уходя через парадную дверь, я слышал, как плакала Бини. Я чувствовал себя ужасно из-за того, что напугал её, однако не сожалел о том, что сказал.

Глава 54

Она

Спустя неделю после встречи с Хью, я рассказала доктору Ливи всю правду. С того момента, как он покинул мой дом, я не ела и не спала. С меня мешком свисала одежда, а под глазами залегли чёрные круги.

— Я соврала, — говорю, чтобы начать разговор. — Я действительно звала в больницы в Калифорнии кого-то по имени Хью, — прикусываю внутреннюю сторону щеки в ожидании её реакции.

Доктор Ливи удобнее усаживается на стуле и облокачивается на стол, катая ручку между пальцев.

— Почему ты солгала?

Прежде чем успеваю взять эмоции под контроль, слёзы предательски начинают катиться по щекам.

— Потому что не была уверена, существует ли он на самом деле.

— А он существует?

— Да, но я бы очень хотела, чтобы он оказался фантазией.

Она вынуждает меня выложить всю правду, начиная с Сан-Франциско и заканчивая рассказом о том, что он замешан в той аварии, виноват в смерти Брена, и о том, как он вытащил меня из воды. Когда произношу все это вслух, звучит дико. Тем не менее, даже сейчас я признаю, что тоскую по тем лёгким моментам в Калифорнии, когда он был просто незнакомым парнем, с которым мне было весело, и я могла быть самой собой и забыть обо всех проблемах, я понимаю, насколько запутанным всё это выглядит.

— Ши, а ты можешь с абсолютной уверенностью сказать, что Хью не искал тебя намеренно? Возможно, у него были определённые причины?

— Нет.

— Почему ты так уверена?

— Потому что я всегда первой начинала с ним разговор. Он ни разу сам не приближался ко мне. — Она кивает и делает какие-то пометки.

— Как ты себя чувствуешь после всего того, что произошло?

— Как я себя чувствую? Как я себя чувствую? — мой голос поднимается до уровня визга. Я ненавижу этот вопрос. Почему мозгоправы всегда спрашивают об этом? Встаю и начинаю расхаживать по комнате, безумно размахивая руками. — Как вы думаете, как я себя чувствую? — поворачиваюсь к ней. Эта сцена заставляет Рэя, который играет роль скорее вышибалы, нежели медбрата, открыть дверь кабинета, чтобы удостовериться, всё ли в порядке, но доктор Ливи показывает ему рукой, чтобы он вышел.

— Я ощущаю себя дерьмом! Мысли путаются. Я ещё никогда не была в таком смятении. Каждую секунду спрашиваю себя, почему меня подвергли этой пытке? В какую дурацкую игру жизнь играет со мной, если сначала посылает Хью, чтобы всё разрушить, но дать ему спасти меня, а затем через несколько лет снова вернуть его ко мне и заставить полюбить? Как такое могло случиться? Это невозможно. Я хочу, чтобы он был галлюцинацией.

Доктор Ливи поднимается из-за стола и направляется в мою сторону, в то время как я падаю на стул и судорожно хватаю воздух, захлёбываясь слезами. Такое ощущение, что у меня из груди вырвали сердце, растоптали, вставили обратно и позволили вылечиться, чтобы я опять почувствовала, как кровь течёт по венам, прежде чем снова его вынуть и сожрать.

Она протягивает мне платок.

— Почему бы тебе не отдохнуть на диване? — осторожно она направляет меня и укладывает прилечь, а сама присаживается рядом. Вскоре поднимается, чтобы принести стакан воды и поставить его на столик напротив, и садится на рядом стоящий стул.

— Ты не говорила мне об этом, — произносит она без злобы. — Я понимаю, что всё это тебя сильно смущает. Без сомнения, обстоятельства сложились не в твою пользу, — она скрещивает ноги и продолжает, — я порой думаю, что и сама стала участницей странных совпадений. Мы с мужем познакомились в другом штате, хотя жили в одном городе в одном квартале друг от друга. Будучи молодыми, имели общих друзей, не исключено, что мы вместе ходили на дни рождения, когда были детьми, однако никогда не встречались. До того момента, пока нам не исполнилось по 25 лет и мы не были в 15 000 милях от дома.

— Правда? — я поднимаю взгляд на неё.

— Да. На самом деле, это одна из наших любимых историй, так как она звучит абсолютно невероятно, но это чистая правда.

С тем блеском, который появился в её глазах, очевидно, что всё так и было.

— Учитывая то, что я тебе рассказала, я хочу, чтобы ты над кое-чем подумала, — выражение её лица становится серьёзным. — То, что случилось с тобой — ужасно. Я не знаю, веришь ли ты в Бога, Будду, Аллаха, во Вселенную, в жизнь или во что-то ещё, что мы не обсуждали на наших сеансах. Но я верю в то, что кому бы ты ни молилась или в кого бы ни верила, он всё равно даст тебе то, в чём ты нуждаешься, чтобы выжить, выучить урок, который должен быть выучен, или даст что-то, что поможет залечить раны.

Я сажусь слегка ошарашенная. Эта частичка понимания является непривычной для наших сеансов. Это личные размышления, больше дружеские, нежели разговор врача и

пациента. Что-то, чем она редко, а скорее никогда, не делится.

— В этом мире случилось что-то сверхъестественное, что заставило вас двоих пересечься при разных обстоятельствах, ведь очень трудно поверить, что это была просто случайность. Должно быть, в нём есть что-то, что нужно тебе, а в тебе — что нужно ему. Инь и Янь. Превратность судьбы. Понимаешь? — я качаю головой. — Иногда все эти вещи не имеют смысла, хотя это не так, — она смеётся над собой.

Кладу руки на колени, пытаюсь осознать её слова и понять причину, по которой Хью был брошен в мой мир.

— Это звучит не очень... - я останавливаюсь, подбирая нужное слово, — научно.

Она покашливает и подпирает щёку ладонью, глядя с ухмылкой на меня.

— Возможно и нет, но наука не может дать ответы на все вопросы. Некоторые вещи неосвязаемы. Иногда они построены на вере, и только твоё сердце и душа могут решить, верить в них или нет.

Глава 55

Он

Я понимаю, что мне снится сон. Это кошмар, от которого я никак не могу избавиться. Он повторяется снова и снова, неустанно мучая меня. Быстрые вспышки, острые углы, взрывы цветов и спутанные воспоминания.

• • •

Бет улыбается. Её руки сжимают руль украденного серебряного Порше. Она клянется, что он принадлежит её другу. Мне хочется ей верить, но всё-таки в душе есть сомнения. Её бойфренд, Майк, сидит на заднем сиденье. От них исходит запах травки, возможно даже от всех нас. Она — уменьшенная копия меня. Бет превратилась в сорванца, только с тёмными волосами, связанными в свободный хвост. Она мой лучший друг.

Возвращаю взгляд на дорогу и кричу: «Красный!»

Бет резко выворачивает руль. Машина виляет, едва не задев проходивших на тротуаре. Переднее колесо налетает на бордюр, и происходит сильный толчок. Головой и плечами ударяюсь о дверцу и потолок машины. Мы сбиваем двух людей на дорожке к порту. Они оказываются на нашем лобовом стекле, от чего оно покрывается паутиной трещин. Крики. Затем скользим по воздуху и приземляемся в воду, что намного больнее, чем вы можете подумать. Моё тело подаётся вперед, и я сильно бьюсь головой о приборную панель.

Моей следующей мыслью становится осознание того факта, насколько холодной оказалась вода, окружающая моё тело. Мышцы сжимаются, дыхание учащается, и я кричу, но звук уходит в никуда. Остаётся внутри меня, словно в тонущей коробке. Я дезориентирован и потерян. Всё размыто. Вспоминаю, что был с Бет. Она не двигается. Майк не двигается. Он мёртв, я могу это констатировать. Его рот открыт, голова откинута назад, на лице зияет рана. Повсюду кровь. Голова и тело Бет ушли под воду.

Я тянусь к ней и поднимаю голову на поверхность. Она ранена, как и Майк. Я не пристёгивался в отличие от неё. Из всех сил пытаюсь отстегнуть её ремень.

Мне нужно спасти её.

Мне нужно спасти её!

Быстро теряю боевой настрой. Делаю последний плоток воздуха. Вода с шипением полностью заполняет автомобиль. Я вот-вот погибну.

Дверь не хочет открываться, и я не знаю, как её разблокировать. Откидываюсь назад и высаживаю ногой лобовое стекло. Оно трещит и наконец вылетает. Мне не хочется оставлять здесь Бет, однако, если я не всплыву, то мои лёгкие разорвутся.

Всплываю через отверстие на поверхность и, едва оказавшись наверху, жадно хватаю воздух. Ледяная боль мгновенно обжигает лёгкие. Бью руками по воде, пытаюсь удержать тело на плаву.

— Помогите, — слышится тихий голос. Осматриваюсь вокруг, думая, что это Бет, но это не она. Парень, держащий голову девушки над водой. — Пожалуйста, помогите.

И хотя мои мысли всё ещё путаются, незамедлительно устремляюсь к ним.

— Пожалуйста, спасите её.

Времени на размышления нет, поэтому делаю то, о чём он просит. Несмотря на панику, прижимаю к себе обмякшее тело и вытаскиваю её из воды. В конце концов моя нога касается плавучего пирса, и каким-то странным манёвром мне удаётся вытащить нас на настил. Мне трудно дышать. Холодно. Я обессилен. Она жива? Я жив? Так много крови. На ней. На мне. Влажные рыжие волосы волнами лежат на раненном лице и изувеченном теле.

Я возвращаюсь в воду в поисках парня. Его не видно. Сирены. Люди с пирса что-то кричат мне.

Тогда я вспоминаю, что Бет где-то там под водой, одна в этом холоде. Вина. Страх. Печаль. Я хотел бы быть с ней.

Позволяю чувствам стать реальными. Погружаюсь во мрак. Там холодно. Мои мышцы сжимаются и, когда лёгкие, разрываясь от боли, наконец полностью заполняются водой, позволяю себе утонуть.

В этот момент я просыпаюсь от кошмарного сна, хватая воздух и путаясь во влажных от пота простынях и подушках, лежащих на мне. Поворачиваюсь и сажусь, находясь в полусонном состоянии весь остаток ночи. Я сдался там — в воде, когда смерть шла навстречу мне, словно давно потерянный друг. Она приветствовала меня с холодными распростёртыми объятиями, увлекая неторопливым течением, наполняя лёгкие водой и утягивая в тихую и безболезненную темноту. Если меня не вытащили из воды и не реанимировали врачи, я был бы с Бет.

Оглядываясь назад, понимаю, что только я виновен в тех шрамах, которые покрывают всё тело Ши. Я винил другого человека за их появление, в то время как должен был сосредоточить всю свою ненависть на себе. В ту ночь я струсил и предал себя, как и каждую ночь, когда напивался в стельку. Но я больше не могу себе позволить быть трусом. Никогда снова.

На часах мигает время — три утра. Тру лицо, встаю и иду через свою маленькую квартирку. Пройдя всего несколько шагов, подхожу и включаю настольную лампу. Под единственным лучом от лампы лежит поделка, над которой я работаю, своеобразный подарок для Ши или, возможно, терапия для меня. В любом случае, это то, чем можно занять время, когда нет работы. Она много значит для меня.

Усаживаюсь на стул и продолжаю с того места, на котором остановился прошлой ночью. Методично приклеиваю сувенирные центы на кусочек дерева. Каждый из центов,

которые я изготовил для этого дела, получает новую жизнь, которая так необходима мне. На полу вокруг стола разбросано множество деталей. Они пока что не представляют ценности, однако, когда будут склеены вместе, приобретут совершенно иной вид.

Во время работы я вспоминаю, что сегодня Рождество, и я рад, что в этот день мне не пришлось выходить на работу, но грустно от того, что я один. Эшли даже не позвонила, но я не виню её за это. Знаю, она под контролем отца, как и все остальные члены семьи. На прошлой неделе я нашёл идеальный подарок для Бини — чайный набор принцессы. Я завернул его в рождественскую подарочную упаковку с Золушкой и отправил по почте. Кто знает, вдруг Лейн действительно отдаст его ей и, может, даже скажет, что он от меня.

Интересно, что сейчас делает Ши. Интересно, будет ли у неё хоть одна мысль обо мне, простит ли она меня когда-нибудь. Надеюсь, что она думает обо мне, потому что всё связанное с ней поставлено на непрерывное воспроизведение в моей голове.

Глава 56

Она

Прошло несколько недель, но я до сих пор не рассказываю о том, что произошло за последние месяцы, особенно о том, что случилось на Рождество. Всё это остаётся внутри меня, как и болезнь. Никто ничего не заметил, пока мы отмечали рождественские праздники, собравшись с семьей и друзьями на нашей ферме. Все выглядели счастливыми, видя моё выздоровление, а я, хоть и делала вид, что безумно рада их видеть, всё же ненавидела за то, что из-за них я не могу увидеть Хью.

На некоторое время я подумала, что потеряла слишком много силы духа в этой борьбе, по крайней мере, то небольшое количество, которое мне удалось накопить. Прошло много дней, и за это время я не видела ни одной галлюцинации, от чего чувствую себя сильнее. Я пообещала себе двигаться дальше и совершенствоваться. Становиться лучше с каждым днём. Помню, как однажды сказала Хью эти слова, и решаю, что это достойная цель, своего рода новая жизнь с Нового года. И хотя мне становится дурно от мысли, как жизнь Хью переплетается с моей, мне всё же нравится, кем я была, когда мы были вместе, даже несмотря на то, что вспоминать об этом хочется только как о сне.

Чтобы убить время, я записалась на кулинарные курсы и просто пыталась жить нормальной жизнью. Такой жизнью, которую можно назвать нормальной для такого человека как я. Как любая рана с течением времени начинает затягиваться, я тоже начинаю выздоравливать.

Доктор Ливи говорит, что мой уникальный случай может помочь другим, и им заинтересовались её коллеги. Она даже написала статью обо мне в одном из медицинских журналов, словно я какой-то подопытный кролик. Я пытаюсь не думать об этом. Иногда мои мысли путаются, но с каждым днём я чувствую себя всё лучше и лучше.

Всё больше моего времени занимают дела, которые мне интересны. Это приятные минуты моего дня. Если я позволю себе хоть секунду свободного времени, то боюсь снова окунуться в тот омут, где меня настигнет Люк. Впервые с момента аварии я начинаю строить планы на будущее. Когда я училась в колледже, то хотела стать художницей. Однако сейчас мне кажется, что в идее с вином и гадалыми печеньями что-то есть. Именно поэтому я купила книгу о том, как начать собственный бизнес, и провела всю зиму и начало

весны, составляя бизнес-план, всё больше и больше воодушевляясь этой идеей.

Доктор Ливи сказала, что она будет моей первой клиенткой. А мой отец заявил, что ей ещё придётся побороться за эту честь. И я пока не знаю, кто из этих засранцев одержит победу.

В марте я перехожу к следующему шагу и начинаю учиться делать гадальные печенья, покрытые шоколадом. Если этому бизнесу суждено процветать, то я должна стать экспертом.

— Посмотри, что прислали для тебя, — мама идёт спиной от передней двери, держа в руках большую коробку.

— Что это? — отрываюсь от замешивания теста для печенья.

— FedEx только что доставили. На коробке твоё имя, — она ставит посылку на кухонный стол.

Вытираю руки об фартук и иду по комнате, чтобы осмотреть посылку. Обратный адрес не указан. Мама входит с ножницами, которые, кстати, были изобретены Да Винчи, почему-то приходит мне в голову. Осматриваю коробку, чтобы убедиться, что она настоящая. Раскрыв ножницы, провожу по скотчу, освобождая коробку. Кладу ножницы на стол и распаковываю её. Она до краёв заполнена упаковочным наполнителем.

— От кого это? — спрашивает мама.

— Не знаю. Тут нет записки, — копаюсь внутри, просеивая наполнитель между пальцами, пока не наткнулась на нечто твёрдое. Поднимаю тяжёлый предмет на поверхность, в то время как мама тянет дно коробки вниз. Когда наполнитель спадает, моему взгляду предстаёт он — скворечник. Но это не обычный скворечник — это макет моего дома. Того дома, который Хью обещал построить для меня.

— Как красиво! — вскрикивает мама, но она, скорее всего, не понимает смысл этого подарка и не знает, насколько он сбивает меня с толку.

Ставлю скворечник на стол, падаю на стул рядом и пялюсь на него, не в силах оторвать взгляд. Пока я его изучаю, то с грустью понимаю, что каждая деталь представляет что-то, связанное с нашей совместной поездкой с Хью.

Дизайн этого скворечника совпадает с представлениями о доме моей мечты. Это разукрашенная леди из Сан-Франциско, викторианский дом с пряничными вкраплениями, жёлтый с белой отделкой. На сиреневой двери висит табличка, на которой выведены слова «ОН+ОНА». Словно Хью+Ши*, странное совпадение, учитывая, что наши имена выдуманы. На крыше домика слоями выложены сувенирные центы, напоминающие блестящую рыбную чешую.

**Прим. пер. — игра слов. Он по-английски «he» — созвучно с именем Хью. Она «she» — созвучно с именем Ши.*

Я поворачиваю его. На одной из наружных сторон домика висит табличка в ретро-стиле с надписью «Долина Напа. Компания по производству вина и гадальных печений». Хью разработал логотип компании, и он идеально совпадает с тем, который я хотела.

Моя мама вслух читает название и с широко открытыми глазами поворачивается ко мне.

— Разве не так ты хотела назвать свою компанию?

— Ну да, — сглатываю я. — Ты тоже это видишь? Ты это видишь? Мне это не мерещится? — мой взгляд поднимается на неё.

— Конечно. Не глупи, — говорит она и берёт меня за руку.

Мне нужно было удостовериться, несмотря на то, что я была практически уверена. Во мне развилась паранойя, что моя ежедневная жизнь — одна сплошная галлюцинация.

— Я не знала, что ты уже кому-то рассказала о своей идее, — она продолжает говорить то, что я хочу от неё услышать, но я не забываю, что иногда могу впасть в бред. В таком состоянии всё кажется абсолютно реальным и не может быть подвергнуто сомнениям.

— Только тебе и ещё одному человеку, — бормочу я.

— Тогда я догадываюсь, кто отправил тебе её, — она придвигает коробку и заглядывает внутрь.

— Да, — тихо произношу я и разворачиваю дом. На открытой веранде расположилось мини-джакузи для птиц. На передней панели ванной маленькими буквами выведены слова: «для наших плоских задниц». С моих губ срывается смешок, и я прикрываю рот рукой, тут же разозлившись на себя за это. Мне всё ещё хочется его ненавидеть.

— Смотри, конверт, — мама достаёт его, стряхивает упаковочный наполнитель и протягивает конверт мне.

Неотрывно смотрю на него, находясь в нерешительности относительно того, готова ли я справиться с тем, что там написано. Прошло уже пять месяцев, с тех пор как Хью приезжал ко мне, чтобы извиниться.

Плита подаёт звуковой сигнал, и мама без лишних слов подсакивает, чтобы открыть духовку и проверить ужин.

Я решаю, что ничего не может быть хуже того, что уже знаю. Того, что была вынуждена пережить за эти месяцы. Переворачиваю конверт, залезаю пальцем под его верхнюю часть и отрываю её. Внутри лежит записка с надписью «Для твоих зомби-птиц». Там также лежит билет на самолет, несколько других маленьких билетиков и сертификат.

Мама возвращается назад и облокачивается на стойку, наблюдая за мной. Когда я поднимаю на неё шокированный взгляд, на её лице уже появилась ухмылка. Я пристальнее рассматриваю содержимое посылки.

— Билет на самолет до Парижа — аэропорт Шарль де Голль, билет на поезд, следующий на юг Франции, и сертификат на недельное обучение дегустации вина в одной из французских виноделен, — снова смотрю на неё, а она отводит взгляд, словно пытается не замечать меня, от чего моя подозрительность возрастает. — Что ты об этом знаешь? — Она пожимает плечами.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — она поворачивается к раковине и начинает наполнять её горячей водой, затем тщательно вливает туда средство для мытья посуды, словно мытье посуды — самая важная вещь на данный момент.

Встаю и иду к ней. Когда она врёт, то вокруг её глаз сильно напрягаются лицевые мышцы. У неё своего рода тик. Я это знаю, так как со мной происходит то же самое.

— Мама, — я трясусь билетом перед её лицом. — Что ты сделала?

— Всё нормально, — она бросает губку в раковину, от чего брызги воды разлетаются в разные стороны. — Я сказала ему, что не смогу вечно прятать его от тебя. Знаешь, как это сложно.

— Прятать от меня что?

— Ши, — она до сих пор запинаясь, произнося моё новое имя, также как и папа. Она качает головой и берёт меня за руку. — Милая, этот парень пытался извиниться перед тобой задолго до того, как вы познакомились. Он приезжал сюда три раза, прежде чем ты

отправилась в Калифорнию.

— Что?

— Твой отец прогонял его каждый раз, злясь от одного его вида и думая, что ты слишком ранима, чтобы поговорить с ним.

— Это не меняет того, что произошло. Хью причастен к аварии.

— Да, он совершил ошибку. Огромную ошибку. Но в то же время я никогда не видела тебя настолько счастливой, как в тот день, когда он появился у нас на пороге. Ты любишь его. Он любит тебя.

— Он украл нашу с Бреном любовь!

— Брена нет. Хью здесь.

Глаза начинают гореть и наполняться слезами от её слов.

— Прости, — произносит она и, не отпуская, гладит мою руку.

— Ты говорила с Хью? — мои губы дрожат.

Она снова пожимает плечами. Это её любимое движение, лёгкий способ выйти из положения.

— Он заставил меня пообещать много не рассказывать.

— Рассказывай, — она вздыхает.

— Я встретила его в больнице в Калифорнии. Я первой оказалось у тебя в палате. Слава Богу, папа задержался, чтобы припарковать арендованную машину. Он бы убил этого парня, если бы увидел его там.

— Что он делал, когда ты увидела его?

Она заправляет прядь волос за ухо.

— Молился и плакал. Он молил Бога, чтобы ты его простила. И плакал из-за того, что был виноват в твоём состоянии, — она отворачивается. Ей становится неудобно всякий раз, когда она говорит о моих проблемах.

— И?

— А затем он увидел меня и подскочил на месте, словно я застучала его за чем-то неправильным. Я сказала ему, чтобы он уходил, пока не пришёл отец. Благодаря его визитам, я знала, кто он такой и сочувствовала ему. Ты была в больнице, и на тот момент мы постарались оградить тебя от всего, что было связано с аварией. У тебя не было ни единого шанса узнать его, если бы только ты сама не вспомнила какие-то моменты из той ночи.

Я качаю головой. С самого начала у меня было такое чувство, что я где-то встречалась с Хью, именно поэтому я первой подошла к нему, но мне так и не удалось понять, где я могла его видеть. Возможно, его образ запечатлелся в глубине моего сознания, когда он вытаскивал меня из воды. Невозможно знать наверняка: я периодически теряла сознание сразу после аварии.

— В конечном итоге он ушёл, — продолжает она. — В тот момент я не совсем понимала, как вы встретились, однако он позвонил мне несколько месяцев назад, чтобы спросить о тебе. Рассказал, что ради новой работы переехал в Сан-Франциско, а также поведал историю вашего путешествия по Калифорнии и то, как влюбился в тебя ... и что до сих пор любит тебя. Он хотел узнать, думаю ли я, что ты когда-нибудь сможешь его простить.

Я качаю головой.

— Как я могу? — слёзы начинают блестеть на ресницах, а затем скатываются вниз по щекам.

— Я понимаю, милая. Но только тебе известно, что ты сможешь простить, а что нет. В глубине души, ты можешь это сделать. Это то, кем ты являешься. И даже если ты не сможешь снова полюбить его, то можешь хотя бы простить и позволить ему, по крайней мере, жить дальше, но уже без тебя, — большим пальцем она гладит меня по подбородку как делала это раньше, когда я была маленькой.

— Не понимаю, как ты допускаешь мысль, что я могу рассматривать такой вариант? — в глубине души я надеюсь, что она даст мне ответ, который поможет решить эту проблему, поможет разобраться в этой путанице.

Мамины глаза наполняются слезами.

— Я не могу его полностью ненавидеть, ведь он спас мою дочь. Я обязана ему, так как если бы ты погибла в ту ночь, то мы с отцом уже не смогли бы жить без тебя. Ты наш единственный ребёнок, — её голос надламывается, положив начало потоку слёз. Мы обе плачем. Она обнимает меня и тихонько шепчет на ухо. — Теперь ты можешь начать прекрасную жизнь. Возможно, она сложится не совсем так, как ты планировала, но она всё ещё может быть чем-то — чем-то необычным. Брен желал бы этого для тебя. Он был отличным парнем. Он хотел бы, чтобы ты продолжала жить.

Она сделала это — сказала как раз то, что мне нужно было услышать. Я могла умереть в ту ночь. Но Брен добрался до Хью, и они совместными усилиями спасли меня. Вместе.

Глава 57

Он

Когда я впервые пришёл на собрание Анонимных Алкоголиков, мне даже не хватило смелости сказать, что я здесь новичок, и представиться остальным. Суд обязал меня ходить на эти собрания, и хоть я и не хотел быть там, меня сильно смущало то, в кого я превратился. Спустя два с половиной года и двадцать четыре недели трезвости зная наизусть и вступление, и 12 шагов, и 12 традиций, описанных в их книге, я всё равно до сих пор никому не сказал, как меня зовут, и не поделился своей историей. Даже когда я был абсолютно уверен, что никто из членов общества не осудит меня, я не рассказал ничего, возможно, потому что, если признаюсь в том, что совершил, все мои ошибки заставят меня чувствовать себя ещё более виноватым.

Но сегодня я впервые чувствую, что правда станет для меня освобождением.

Группа сидит кругом. Почти у каждого в руках пластиковый стаканчик кофе. Когда руководитель ищет добровольцев, готовых рассказать свою историю, я уверенно встаю, называю своё имя и признаю, что я алкоголик. Все, как обычно, хором отвечают мне «Привет!»

Мне необходимо кратко изложить свою историю, так как пять минут, отведённые мне, пролетят незаметно. Когда я заканчиваю речь, все благодарят меня, и впервые за эти годы я чувствую облегчение. Сев на стул, наклоняюсь, чтобы взять маму за руку. И хоть она плачет, в её глазах заметна улыбка. Она настояла, чтобы я пришёл сюда сегодня, а я уговорил её остаться со мной в качестве поддержки.

— Я так тобой горжусь, — шепчет она, сжимая мою влажную руку.

Мама появилась на пороге моей квартиры с чемоданом в руках в новогоднюю ночь. Она сказала: «Прости меня», и этого оказалось достаточно, чтобы я упал в её объятия. Также она

объяснила, что Рождество без меня было неправильным, и сейчас она здесь ради меня.

С того момента это её второй визит. На этот раз она провела выходные в моей квартире, пытаясь облагородить её и сделать пятьсот квадратных футов пригодными для жизни. Теперь у меня появились занавески, диванные подушки и полотенца. Ну да, мне нужны были полотенца, но не вся остальная фигня. Я не обращал на всё это внимание, пока ко мне через неделю не приехала Эшли, я будто уже свыкся с этими вещами.

Отца и Лейн не так легко переубедить, но мама пообещала, что в конце концов они навестят меня. Надеюсь, она права.

Глава 58

Она

Сегодня первое апреля — мой день рождения. Какая жестокая шутка судьбы для девушки, которой бывало порой нелегко отличить реальность от фантазий. Мама стоит позади и закрывает ладонями мои глаза. Я жду сюрприз, но не имею ни малейшего понятия, что они приготовили для меня и что я должна увидеть на заднем дворе.

— Мне уже можно открыть глаза?

— Пока нет, — отвечает она, и я слышу звук папиного грузовика. Этот рёв двигателя невозможно ни с чем спутать, когда он проезжает мимо нас и останавливается на парковке. Собаки как обычно неистово лают, когда он возвращается домой. Я пытаюсь подсмотреть через мамины пальцы, однако они плотно сжаты.

Дверь грузовика со скрипом открывается, затем захлопывается.

— Веди её вперёд и открывай глаза, — кричит папа с другой стороны лужайки.

Они хором кричат: «Сюрприз!» в тот самый момент, когда мама поднимает руки, открывая мне взор на подарок.

— О, Господи! — я бегу к небольшому потрёпанному белому автофургону, прицепленному сзади к его грузовику. — Он совсем такой, каким я его видела в газете! — открываю дверь, и облако плесени и пыли летит мне в лицо, вызывая кашель.

— Он выглядит также, потому что это он и есть, глупышка, — папа приподнимает бейсболку.

Поворачиваюсь и сжимаю в объятиях одновременно обоих родителей.

— Это так великолепно, лучший подарок в моей жизни! — я покрываю их лица поцелуями, и мы вместе смеёмся от счастья.

Я вырезала фото этого самого фургона из газеты и прикрепила его на доску желаний моей новой компании, это своего рода доска объявлений, заполненная вдохновляющими цитатами и фотографиями, которые помогают мне акцентировать внимание на новом увлечении. Меня не покидало воспоминание о фургоне Фен-Шуй Тако в Сан-Франциско, и я всё время думала, что могла бы также продавать и печенье с предсказанием.

— Я уже это вижу. Покрашу его в жёлтый банановый цвет, а сбоку будет логотип. Прямо вот здесь! — прикладываю руки, указывая на его будущее расположение и размер.

— Отлично, хорошее цветовое решение, так как я уже купил краску, — папа вытаскивает два ведра с сиденья грузовика, поднимая их за проволочные ручки.

— Вы оба такие скрытные! Я люблю вас!

— Мы просто счастливы, видя, что ты так этим увлеклась, — мама едва сдерживает

улыбку.

— И, слава Богу, твои печенья очень вкусные, даже слишком, — произносит папа, и корчит гримасу. — За исключением тех со вкусом лайма.

Мама цыкает на него и бьёт по руке.

— Спасибо вам, мне очень нравится! — я разворачиваюсь, имея в виду всё, что они сделали для меня.

Мы провели мой день рождения, занимаясь тем, что полностью выдраивали фургон. Окрыли настежь все окна и двери, включили музыку во дворе. Мы с мамой начали изнутри, убирая паутину, пауков и слои пыли. Папа работал снаружи, поливая его водой из шланга и натирая мыльной пеной. Очень часто он промахивался, и вода попадала на нас сквозь открытые окна, от чего мама кричала, а папа смеялся.

Хотя интерьер внутри был вполне приемлем, мне нужно было приложить ещё много усилий, чтобы всё работало как надо. Это могло занять несколько месяцев, но я была счастлива от того, что у меня есть что-то, чего я жду с нетерпением — мой проект.

К концу недели нам удалось очистить фургон достаточно для того, чтобы покрасить снаружи. Мы делали это как семья. Это было хорошо не только для меня, но и для всей нашей семьи — снова почувствовать связь и единение.

Новый день наступил слишком быстро, день, когда я должна была нарисовать логотип на боковой стороне фургона, от чего испытывала колоссальное волнение. Я сидела на широких ступенях заднего крыльца, рассматривая фургон и держа в руках одновременно две компьютерных распечатки, прищуриваясь и прикидывая, как каждый вариант будет смотреться на поверхности фургона. Один из них является точной копией того логотипа, который предложил Хью и который он нарисовал на одной из сторон скворечника для зомби-птиц. Другой — дерьмовый логотип, разработанный лично мной: бутылка вина и кривое печенье, которое я нашла в интернете, соединив их с текстом в Paint на стареньком маминном компьютере.

Глядя на две бумажки, я не могла перестать думать о том, что мой выбор заключается не просто в выборе одного из двух логотипов. Для меня очевидно, какой из них лучше, и это не мой, однако я не знаю, смогу ли прожить остаток жизни с этим выбором, при каждом взгляде на который буду вспоминать, кто его создатель. Что он для меня значит.

Я много думала о том, что мы обсуждали с доктором Ливи и с мамой за последние несколько месяцев, действительно заиклившись на этом. И я думаю, что хочу простить Хью. Я чувствую, что если сделаю это, то камень упадёт с моей души, и я смогу жить дальше. Нам не нужно быть вместе, но я хочу закончить эту историю. Он хочет завершения. Мне не хочется, чтобы он жил с той болью, с которой я борюсь в душе и в голове. Я не могу так поступить с кем-то, даже если он забрал у меня самого главного человека в жизни. Я не так устроена.

С помощью проекционного фонаря, высвечивающего логотип Хью, который установлен напротив одной из сторон фургона, мама помогла мне перенести контур карандашом, после чего мы покрасили его чёрной краской, дали высохнуть, а затем раскрасили всё остальное. И когда мы закончили, я поняла, что сделала правильный выбор. Моя душа почувствовала себя свободной.

Сегодня солнечно, но прохладно. Из сарая на заднем дворе я достаю мой новый лимонно-жёлтый велосипед, мне просто необходимо было что-то, сочетающееся с фургоном. Бросаю в корзину спереди рюкзак и букет цветов. Отъезжаю от нашего дома по пыльной дорожке, направляясь на юг по камням и выбоинам, одновременно слушая звук шелестящих на ветру зелёных весенних листьев.

Я всё еще не решила, стоит ли воспользоваться подарком Хью — путёвкой во Францию, но мне необходимо принять решение за эти выходные. Папа говорит, что Хью пытается купить моё прощение. Я не спорю с ним, так как в душе знаю правду: он не намерен сделать это таким образом. Несмотря на то, что совершил, он заботливо относится к моим мечтам, и я, как и мама, думаю, он хочет увидеть, что я продолжаю жить, даже если он и не станет частью этой жизни.

Некоторое время спустя сворачиваю на новую дорогу и проезжаю несколько миль по деревне, пока не доезжаю до Прихода Всех Святых. Объезжаю кругом старую кирпичную церковь и останавливаюсь рядом с задним крыльцом, чтобы оставить велосипед.

У меня здесь назначено свидание. Беру свои вещи и прохожу через кладбище к надгробию рядом с небольшим кизилевым деревом, которым отмечена могила Брена. Убираю засохшие цветы из вазы на могиле и ставлю в неё букет диких рудбекий (прим. ред. Рудбекия — это род травянистых растений семейства Астровые; в настоящее время рудбекия волосистая считается символом американского штата Мериленд).

Затем я открываю рюкзак, достаю из него плед и усаживаюсь на него с ланчем.

Единственная проблема этого свидания в том, что он не может со мной разговаривать. Это сделало бы доктора Ливи счастливее, но не меня. Если бы Брен мог отвечать, то я спросила бы его, как должна поступить с Хью. Брен знал бы, что делать: он всегда был моим первым слушателем, моим болельщиком, человеком, с которым я мечтала, и моим лучшим другом.

Во время этих встреч мне отчаянно хочется плакать. И хотя уже прошло два с половиной года, мне до сих пор безумно не хватает его. Сейчас его смерть не настолько убивает жизнь во мне, как это было тогда, когда я, наконец, поняла, что его больше нет. Он уходит из моей памяти, но не из сердца. Во мне навсегда останется его частичка.

Я рассказала ему об этой неделе.

— Я официально освоила технологию изготовления печений с предсказанием. Я даже разработала несколько разных вкусов для печений и глазировок. Пока что маминым любимым является красное бархатное печенье, покрытое сливочным сыром, а папа до сих пор верен печенью с кленовой начинкой, обсыпанному крошкой из жареного бекона. Мне кажется, оно больше подходит для мужчин, чем красный бархат, — я мелю всё, что приходит на ум, зная, что он внимательно слушает.

— Но это не то, о чём мне хотелось поговорить. Ты знаешь, зачем я здесь. Мне нужно обучиться другой части моего бизнеса — части, касающейся вина. Мне кажется неправильным принять этот подарок от Хью, не посоветовавшись с тобой, — в ответ, конечно же, тишина. — Это та часть фильма, когда ты должен подать мне знак — дождевая туча, окутывающая меня водой, или простой удар молнии, но только не слишком близко. Я устала лежать в больнице.

В ответ ничего. И я принимаю тишину за отрицательный ответ.

— Всё нормально. Я понимаю. Я пока и сама не уверена, готова ли отпустить ситуацию. Я имею в виду, что начинаю учиться этому и знаю, тебе это понравится, ты хочешь, чтобы я жила дальше и всё такое, но это нелегко.

Я больше не произношу ни слова. Доедаю сэндвич, затем ложусь рядом на солнышке, от которого меня наполовину закрывает тень дерева. Птицы надо мной перепрыгивают с ветки на ветку, строя гнездо. Кладу руки за голову и вытягиваю ноги, наслаждаясь теплом на лице.

Расслабившись, закрываю глаза и засыпаю. Некоторое время спустя я просыпаюсь от громкого треска. Подскакиваю и осматриваюсь. Я вижу садовника, который едет на грохочущей под ним газонокосилке. Скошенная трава и пыль разлетаются в разные стороны от машины. Думаю, должно быть, этот неприятный звук разбудил меня. Чувствую слабость, но уже нужно возвращаться домой.

Неохотно собираю вещи, запикиваю их в рюкзак и перекидываю его за спину. Целую кончики пальцев, затем наклоняюсь и протираю ими гладкую поверхность надгробия Брена.

— Сегодня было весело. Увидимся на следующей неделе, — так как Брен не подал мне знак, я решила не ехать во Францию. Если он не готов, то я тоже не готова.

Иду к велосипеду, приветствую группу садовников, проходя мимо них. Я киваю им, а они хихикают, и я не имею ни малейшего представления почему. Не обращаю на них внимания, подхожу к велосипеду и уезжаю домой. Оказавшись перед домом, я вижу, что мама и папа сажают цветы на переднем дворе. Останавливаюсь рядом, ставлю велосипед на подножку и опускаюсь на колени, чтобы помочь им.

— Как всё прошло? — спрашивает мама, не глядя на меня, утрамбовывая землю вокруг анютиных глазок. Я наклоняюсь, чтобы помочь.

— Брен заболтал меня.

Они оба косятся на меня.

— Просто шучу. Клянусь, — я сжимаю ладони. В этот момент они оба садятся и смотрят на меня, после чего начинают истерично смеяться. Папа до того сильно хохочет, что его лицо становится пунцовым, а по щекам катятся слёзы.

— Я знала, что это было смешно, — медленно говорю я, переводя смущённый взгляд с одного на другого, — но не думала, что настолько.

Папа кладёт руку мне на плечо.

— Поверь мне, дорогая, это было не настолько смешно.

— Тогда почему вы смеётесь? — я смотрю на них.

— Сделай себе одолжение: пойди в дом и посмотри в зеркало.

На это я приподнимаю брови, подпрыгиваю и бегу вверх по ступенькам. Прямо за дверью на стене висит зеркало. Когда я вижу своё отражение, то вскрикиваю, а затем тоже истерично смеюсь. Мои волосы и платье покрыты птичьим помётом.

Я смеюсь ... смеюсь так сильно, что становится больно. Это так здорово. Брен насрал на меня зомби-птиц, как только я уснула, я знаю это. Это его знак.

Глава 59

Он

Я сижу на скамейке в Париже и смотрю на Сену. Туристы переходят через улицу Лагранжа, направляясь к Собору Парижской Богоматери. Всё утро я бродил по улицам, восхищаясь архитектурными деталями города.

Если Ши и решила приехать во Францию, у меня не было ни единого шанса узнать об этом. Наши билеты были на разные рейсы, и я не общался с её мамой с тех самых пор, как отправил ей скворечник. Как я полагаю, Ши могла отказаться от своей затеи. Но если бы она прилетела, я не хотел даже предполагать, что она будет здесь одна без меня, даже если мы так и не увидим друг друга.

Я до сих пор одержим её улыбкой, временем, проведённым с ней, и тем, как нам было хорошо вместе. По какой-то причине мне становится комфортно от того, что мы находимся в одном городе, смотрим на одну и ту же Эйфелеву Башню, Триумфальную Арку и на одни и те же звёзды в ночном небе. Я говорю себе, что это не преследование, ведь я не ищу её, но всё же бросал сувенирный цент в каждый фонтан, который попадался мне на пути, умоляя судьбу послать мне её ещё раз, как это случилось раньше. И я извинился перед судьбой, что когда-то назвал её сукой.

Через некоторое время встаю, накидываю ремень фотоаппарата на шею и устраиваю его на груди. Прогуливаюсь вдоль Сены, делая быстрые снимки архитектуры, реки, мостов, людей, бегущих по берегу, и мольбертов художников. Париж — красивый живой город. Он чем-то напоминает Ши.

Подхожу к Лувру, около которого скопилось много народа. Обхожу площадь в поисках лучшего ракурса стеклянной пирамиды, спроектированной одним из моих любимых архитекторов — И.М. Пейем. Найдя идеальное место, приседаю и поднимаю фотоаппарат к лицу. Через видоискатель моему взору открывается совершенство, но это не архитектура — это девушка, стоящая в воде посреди огромного фонтана, который расположен вокруг пирамиды. Она медленно и грациозно танцует, собирая толпу вокруг себя, глазеющую на её

поу. Охранник что-то кричит ей, но она не обращает на него никакого внимания. Я подхожу ближе к фонтану. Она крутится с широко раскрытыми руками, баламутя застоявшуюся воду, и останавливается, когда видит меня. Она поднимает и опускает руки, словно это крылья, и таким образом скользит ко мне. И вот мы оказываемся лицом к лицу.

— Привет, — говорит она.

Бросая сувенирный цент в каждый фонтан, я даже и не мог предположить, что встречу Ши в одном из них. Судьбу невозможно предугадать.

— Привет, — ухмыляясь, произношу я, наблюдая за тем, с каким трудом она выбирается из фонтана. Протягиваю ей руку, помогая оказаться на асфальте. Её майка и трусы «неделька» насквозь мокрые. Она надевает на плечи розовый рюкзак.

— Каждый раз, когда я вижу тебя, на тебе надето что-то абсолютно неожиданное, — говорю, вспоминая тот разговор, когда мы встретились впервые.

— Сколько раз ты видел меня? — Ши стягивает майку через голову и выжимает её. Находясь в одном лифчике и трусиках, она ни капли не стесняется своей наготы, и на это у неё есть все причины. Каждый изгиб её тела так и остался идеальным.

— Слишком много, чтобы посчитать, — говорю я репликой из нашего сценария.

— Правда? — она отклоняется от меня, чтобы залезть в рюкзак, и я вижу, что на ней надеты трусики с вышитой на попке надписью «MERCREDI». «Среда» по-французски. Эта девушка заставляет меня улыбаться, это как раз то, чего мне больше всего не хватало после нашего совместного путешествия. Она разворачивается и натягивает ситцевый сарафан, в котором выглядит свежо и лучезарно.

— Я думаю, что судьба продолжает сводить нас вместе, — говорю я ей.

— Возможно, — отвечает она, пожимая плечами.

— Мне нужно кое в чем признаться.

Она косится на меня.

— Думаю, хорошо, что мы делаем маленькие признания. Возможно, именно этим мы и будем заниматься во время путешествия. Теперь только правда.

— Я приехал в Париж в надежде, что смогу встретиться с тобой.

— Потрясающе. Это не такое уж и признание, — она стягивает волосы в пучок. — Но помни, мы просто проводим время вместе и веселимся, никаких привязанностей, электронных писем и эсэмэсок после того как «что бы это ни было» закончится, — она указывает выпрямленным пальцем в мою сторону.

— Твоё заявление означает, что мы начали это «что бы это ни было»? — я приподнимаю бровь.

— Так и есть. Мы друзья. Это всё, — она разрезает воздух рукой. — Я просто хочу, чтобы ты знал, я простила тебя, и что я хочу узнать настоящего тебя, а потом мы посмотрим, куда это нас приведёт, — она пожимает плечами, словно то, что она только что сказала, не поменяло траекторию моей жизни в лучшую сторону.

Внутри меня всё светится, однако я пытаюсь оставаться хладнокровным и говорю:

— Я принимаю твои правила. — Не могу поверить, что она сидит напротив меня и разговаривает со мной. — Итак, если мы теперь друзья, не думаешь ли ты, что мы должны познакомиться?

— Ты первый, — она кивает головой в мою сторону.

— Я сделаю даже лучше. Я назову тебе своё имя и один правдивый факт о себе.

Она соглашается, неуверенно кивая.

Протягиваю руку и произношу:

— Привет, меня зовут Хью и у меня проблемы с алкоголем, но я делаю всё, чтобы избавиться от зависимости.

Её глаза расширяются. Она, конечно же, уже знает правду обо мне, но я не уверен, пыталась ли она выяснить моё настоящее имя.

— Твоё настоящее имя Хью? Ты не соврал?

— Какой дурак стал бы намеренно выдумывать имя в честь марки компьютера?

— И правда, — смеётся она. — Это не очень крутое имя.

С самого начала всё, что я рассказывал ей, было чистой правдой, так как всё, чего я хотел, это узнать её, и чтобы она узнала настоящего меня, а я смог навсегда поселиться в её лучезарном маленьком мирке. Это всё, чего я хотел с того самого момента, как мы встретились. Сейчас она является моей зависимостью.

— Когда я покупал лотерейный билет, то предупреждал тебя, что у меня не очень хорошо с фантазией.

— Он до сих пор у тебя?

Я похлопываю по заднему карману.

— Я так и не проверил его и продолжаю мечтать о том, что мы с тобой сделаем с этими деньгами.

— Итак, приятно с тобой познакомиться, Хью. Мистер потенциальный миллионер, — она прикусывает губу и, наконец, поднимает руку так, чтобы я мог до неё дотронуться. Между нами до сих пор присутствует та особая энергетика, которой мы делились друг с другом. Я вспоминаю о том, как хорошо нам было вместе, и о том, что мы можем снова начать всё сначала.

— Хорошо, теперь твоя очередь, — я смотрю на неё.

— Ладно. Сперва моя правда, — она закатывает глаза. — В Сан-Франциско, когда я должна была приехать либо к фабрике печений, либо к Дворцу Изящных Искусств, я заезжала в оба места. Мне хотелось ещё немного времени провести с тобой.

— Ты не положилась на волю судьбы? — внутри у меня всё закрутилось от осознания того, что она сделала осознанный выбор, чтобы быть со мной. Моё сердце стало биться сильнее.

— Конечно же, нет. Она сука.

Мы смеёмся.

— А твоё имя? — давлю я на неё, желая услышать его. Безусловно, оно мне уже известно, но если на этот раз она скажет мне правду, то я пойму, что она действительно меня простила и дала шанс сделать всё правильно между нами.

Сосредотачиваюсь на её губах, в ожидании того, что кажется вечностью. Её рот округляется, выпуская звуки, и в это время всё вокруг нас замедляется. Когда её настоящее имя, наконец, слетает с языка, я вижу наше прошлое, наше будущее и всепоглощающую любовь, которую я испытываю к ней.

Но самое главное, я вижу *Надежду*.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net